

ОХОТТА

и ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

4

2014

2014
№4

Интервью

Президента Ассоциации Росохотрыболовсоюз Татьяны Сергеевны АРАМИЛЕВОЙ журналу «Охота и охотничье хозяйство» Беседу ведёт гл. редактор журнала А.М. БЛЮМ

Татьяна Сергеевна, расскажите, пожалуйста, что в данный момент представляет собой Ассоциация Росохотрыболовсоюз, о работе внутри неё и внешних контактах.

Хочу начать с того, что в соответствии с действующим законодательством в январе 2012 года была приведена, в соответствие с Законом об общественных объединениях, редакция Устава Росохотрыболовсоюза.

Сегодня Ассоциация — это 79 региональных, в том числе межрегиональных общественных организаций охотников. Отмечу, что в ней одновременно не могут состоять и физические, и юридические лица. Если иметь в виду Росохотрыболовсоюз, то в его состав должны входить только юридические лица. У нас в Уставе есть норма, что регион, субъект Российской Федерации, в Ассоциации может представлять только одна общественная организация.

Что касается самих организаций — они все разные, есть очень стабильные и развивающиеся, есть такие, которые в силу определённых обстоятельств потеряли свои охотничьи угодья, часто не по своей воле, и в настоящее время начинают практически жить с нуля. Подобные организации, по существу, работают как клубы по интересам, организуют охоты для своих членов, тем самым привлекая их в свои ряды.

Нужна ли наша Ассоциация региональным общественным объединениям охотников или не нужна, это они определяют сами. Но давайте представим, как они будут жить без Росохотрыболовсоюза. Кто будет представлять интересы граждан-охотников, которые входят в региональную организацию, кто будет отстаивать их права и права их организаций?

Простите, сразу вопрос: «Где представлять?»

Представлять на всех уровнях в органах Госвласти: законодательная, исполнительная, судебная.

Вы вошли в Правительство?

Мы являемся членами рабочих групп и экспертных советов. Наши специалисты состоят в рабочей группе Государственной Думы, входят в экспертный совет Минюста, наши представители находятся в общественных советах по охоте, мы общаемся с сенаторами Совета Федерации, т. е. находимся в контактах со всеми рабочи-

Татьяна Сергеевна Арамилева

ми органами, от которых зависит решение тех или иных вопросов.

Исходя из сказанного, можно понять, что те проблемные вопросы, которые нашим членам (юридическим лицам) не удается разрешить на местах, мы переводим на федеральный уровень и стараемся решать их здесь, в Москве, используя те возможности, которые имеет Ассоциация. И ещё, сейчас мы много консультируем наших членов.

Те региональные организации, которые вошли в Ассоциацию, понимают, что им объединение нужно: во-первых, единый подход к деятельности и возможность ознакомиться с необходимыми информационными знаниями, которые трудно получить в другом месте; во-вторых, появляется возможность оказания им квалифицированной юридической помощи и поддержки, а это значит решить проблему и идти вперёд.

К сожалению, бывает так, что занимаясь какой-нибудь проблемой, далеко не всегда находишь её решение в законодательных актах. Нередко положения законодательства прописаны нечётко и допускают разную трактовку. Мы их понимаем по-своему, наши оппоненты — по-своему, а третейские судьи — по-своему. При таком положении вещей сами регионы решить эту проблему не могут. Вот тут мы и стараемся им помочь, подключая своих специалистов и выходя на высшие чиновничьи инстанции.

Сложность общения с административными чиновниками и чиновниками от юриспруденции заключается ещё в том, что в охотничьем законодательстве имеется своя специфика, которую хорошо знают специалисты охотничьего хозяйства и которая совершенно не понятна сторонним людям. Чиновник, уполномоченный принимать

решение, не имея достаточно знаний по обсуждаемому вопросу, не может аргументировано выстроить свою позицию, а значит, и принять правильное, с точки зрения специалистов, решение. Для чиновника крайне важно уметь слушать и слышать, но это, к сожалению, не всегда бывает.

Как руководитель Росохотрыболовсоюза считаю, что, решая тот или иной вопрос на федеральном уровне, мы заботимся не только о своих членах, но и обо всём охотничьем хозяйстве страны. При этом задача наша — сделать членство в нашей организации более привлекательным.

Вот сейчас вышел в свет еженедельник для охотников, в котором мы постарались каждый день наполнить информацией по охотминимуму, включая Правила охоты, технику безопасности на охоте и прочее, т. е. выпустили такое издание, которое будет, безусловно, полезно и руководству организации, и рядовому члену. Данное издание мы предложили нашим организациям (членам) по себестоимости, а они могут его реализовывать по ценам с учётом своих затрат, естественно, с учётом цен рынка на подобную продукцию. Этим мы даём возможность региональным обществам привлечь к себе новых членов, обучить молодых охотников минимуму необходимых знаний по охоте, как-то поддержать себя материально.

Возможные направления движения Ассоциации сейчас прорабатываются. Мы хотим действовать не спонтанно, а четко и обоснованно. Пока можно сказать, что в направления работы однозначно войдут: изменение формата общения; осуществление работы Росохотрыболовсоюза с обязательным разъяснением широкой общественности причин его действий; пропаганда членства в общественных объединениях охотников и помощь в их работе; расширение общественного участия в управлении и само управление отдельными вопросами охотничьего хозяйства через судебные решения и др.

Скажите, пожалуйста, такие организации как «Динамо», Военно-охотничье общество, входят ли они в Ассоциацию и, если «да», то на каких правах?

Они входят в Ассоциацию как полноправные ее члены в число уже обозначенных 79. Представители «Динамо» и Военно-охотничьего общества входят в состав Центрального Правления Росохотрыболовсоюза.

Контакты с членами у вас прямые?

Да, со всеми нашими членами мы связаны напрямую. Используются все общедоступные виды связи. Мы стараемся информировать наши организации в регионах обо всех новостях, направляя им информационные письма, т. е. вся информация, представляющая интерес, в кратчайшие сроки направляется на места.

В нашей работе, кроме прочего, есть

одна сложность, заключающаяся в том, что наши региональные организации не равнозначны ни по своему значению, ни по количеству охотников-членов, ни по площадям закреплённых угодий, ни по финансовым возможностям и прочим «ни».

Есть организации устойчивые, не имеющие проблем со своими низшими звеньями, там, как правило, нет жалоб от охотников. В местах, где руководство работает недостаточно эффективно, но оно избрано самими охотниками, мы мало чем можем помочь. Руководство, хоть и не эффективно работающее, легитимно и повлиять на него могут только сами охотники через контрольно-ревизионную комиссию, через конференцию или общее Собрание.

Когда говорят или пишут, что Москва должна приехать на место и повлиять на руководство, то не задумываются, что значит «приехать и повлиять». Какое решение правильное? У меня одно мнение, у руководства региональной организации — другое, у самих охотников — третье и т. д. Каждый имеет свою информацию и на её основе своё мнение. И именно местные охотники, заинтересованные в том, чтобы охотиться без проблем в своих угодьях, должны отстаивать свои права перед руководством региональной организации, которое сами же и выбирали.

А мы, Центральное Правление, получая информацию со всей страны и анализируя ее, имеющийся опыт работы, можем помочь только информационно, консультативно, рассказать, чего никогда нельзя делать, потому что те или иные действия нарушают Закон, либо находятся на грани его нарушения, подсказать пути решения проблем.

Охотники обращаются в Центральное Правление с вопросами и жалобами, хотя часто многие из обращений не имеют под собой достаточно веских оснований, нередко письма откровенно конъюнктурные. Например, просьба отстранить неугодного группе охотников председателя. Тут мы ничем помочь не можем, потому что не имеем права вмешиваться во внутренние дела региональной организации, а решать наиболеешие проблемы, как уже говорилось, должны сами охотники — рядовые члены, в соответствии с правилами, обозначенными в Уставных документах.

Росохотрыболовсоюз осуществляет информационную, консультативную, юридическую, частично финансовую поддержку своих региональных членов и становится их представителем и координирующим центром в Москве. Это партнёрские отношения, которые, в конечном счёте, выводят на нужный результат.

Да, в регионах не всё просто. Как нам в редакцию часто приходят письма, в частности, из Старопольского края, в которых охотни-

ки жалуются, что волею руководства региональной организации общедоступные угодья разбиваются на много мелких хозяйств и охотники, живущие на стыке границ, вынуждены брать по 2—3 путёвки и оплачивать все положенные сборы, тогда как раньше можно было получить путёвку на всю территорию приписных угодий.

К сожалению, такие случаи известны и сейчас многие охотники на местах стали заложниками подзаконных нормативных правовых актов, административных решений, в которых, в частности, устанавливаются максимальные площади охотничьих хозяйств. И хотя мы, давая обоснованные предложения органам власти, стараемся вносить изменения в некоторые юридические документы, но процесс это долгий и, прямо скажем, не всегда успешный.

Меня давно занимает вопрос: «Куда мы идём?», имея в виду охотничье хозяйство. Я достаточно давно работаю в этой отрасли и могу вспомнить те постановления Правительства и ЦК КПСС, которые позволили прийти к организации охотничьего хозяйства, существовавшей до 90-х годов. Было чётко определено, что должны быть государственные промысловые хозяйства, кооперативные промысловые хозяйства и приписные охотничьи хозяйства, закреплённые за мощнейшей общественной организацией, объединяющей многомиллионную армию охотников-любителей.

И всё работало! Все соответствовало логике! Проводилось межхозяйственное и внутрихозяйственное охотустройство промысловых и любительских охотхозяйств, были рабочие места для жителей отдалённых районов!

А что мы видим сейчас!? Я всё жду, когда наше министерство (Минприроды) покажет нам, представителям заинтересованных организаций, картину, отражающую структуру охотничьего хозяйства как отрасли, которую мы должны получить в обозримом будущем. Не могу дождаться!

Мы куда идём? К тотальному закреплению охотничьих угодий? — Нет! К закреплению угодий за частными пользователями? — Нет! К увеличению площадей общедоступных угодий? Но для ведения интенсивного хозяйства они не пригодны, так как требуют огромных финансовых вложений для повышения их продуктивности и на данном этапе никому не нужны. Потому что охотник, желающий добывать дичь, трофеи не пойдёт в бедные угодья. Вот и хотелось бы знать: «Куда мы идём?» Так как ни в предположенной Минприродой стратегии, ни в каких-то других документах мы не видим обозначенного конкретного пути, конечной цели движения. Мне кажется, что и люди, работающие в этой системе, тоже не знают, в каком направлении предстоит двигаться и каков должен быть конечный результат.

Если бы спросили меня, я скажу, что

должны быть охотничьи хозяйства, ориентированные на массового охотника, и чтобы занимались ими общественные организации, но тогда все угоды для массовых охот должны быть отданы обществам охотников, коллективам охотников.

Я знаю, что есть люди, желающие вкладывать деньги в охотничье хозяйство. Пусть это будут Vip-овские охотхозяйства, частные, ориентированные на трофейную охоту, приём гостей, на какие-то другие услуги. С учётом территорий Сибири и Дальнего Востока должны быть хозяйства, обеспечивающие рабочими местами местное население. Хотелось сказать «промыслового» направления, но сейчас такого слова практически нет в обиходе, но всё равно — промыслового комплексного направления, думаю, по типу коопзверопромхозов.

Ведь фактически сейчас в районах Сибири и Дальнего Востока под эгидой всяких ООО и прочих работают такие комплексные хозяйства. Они развивают собирательство, переработку, охоту, то есть — охотничий промысел. Дают так необходимые в тех местах рабочие места. Но это не должно быть только кое-где и кое-как!

Мне хотелось бы быть уверенной, что чиновник, который принимает решения, «видит» выход на результат. Принял, к примеру, методику маршрутного учёта и он должен видеть и знать, для чего он её внедряет: если это для мониторинговых целей — это одно, если для учёта численности животных на конкретной площади и определения квоты — это другой подход.

Если продолжить разговор о достоверности материалов учётов, то мне кажется, что попытку всё зарегламентировать, обеспечить нормативной базой, ошибочны, потому что методика маршрутного учёта дает оценочный результат на больших площадях, но весьма спорна при определении численности вида на конкретной площади, и здесь нужно привлекать другие методики.

Полагаю, что в выборе методики учёта в конкретном хозяйстве можно дать больше свободы администрации этих хозяйств. Результаты учетов представлять в Управление вместе с методикой. В Управлении тоже сидят специалисты и они в состоянии проверить результат, если возникают сомнения в достоверности материалов.

Татьяна Сергеевна, а из чего складывается бюджет Ассоциации?

Наш бюджет, если говорить укрупнено, складывается из двух составляющих: предпринимательской деятельности, в частности, ренты от сдачи в аренду помещений, и 5% отчислений от суммы членских взносов наших членов — юридических лиц Центральному Правлению. Эти отчисления составляют примерно 1/5 часть нашего бюджета.

Если учитывать проводимые нами

мероприятия по охотничьему хозяйству, рыболовству, охотничьему собаководству, по трофейному делу, организацию и проведение собраний, выставок, командировки и пр., то только на поступления от членских взносов мы бы не выжили. Или нам пришлось бы поднять членские взносы настолько, что в своих рядах мы бы никого не удержали.

Говорить о том, что Ассоциация всё продала, осталась ни с чем, я бы не рискнула. Ассоциация живая организм и с учётом современного законодательства, когда налоги на недвижимое имущество вырастают в разы, и ты понимаешь, что бюджет организации не потянет эту нагрузку, то лучше эту недвижимость реализовать. Тем более, если видишь, что прибыли она не приносит, а работать себе в убыток только на содержание этого имущества не имеет смысла. По Уставу Росохотрыболовсоюза руководитель не может принять единоличное решение по основополагающим вопросам, а только с одобрения Общего собрания.

Каковы отношения Ассоциации с Департаментом МПР? Вас там принимают?

Нас слышат. Вернее — слушают, но не всегда слышат. По крайней мере Департаменту ясно, что мы имеем свою определённую позицию по всем основным вопросам. Ассоциация пытается выстроить нормальные рабочие отношения. Где-то это получается хорошо, где-то с натяжкой.

Когда меня спрашивают: «Какие у Вас отношения с тем или другим конкретным человеком?» Я отвечаю: «У меня со всеми ровные рабочие отношения». Потому что любые личностные симпатии или антипатии я оставляю далеко «за бортом», т. е. результат дела превалирует над всем остальным. И если говорить в целом о взаимоотношениях, то я считаю наши отношения нормальными.

С ними можно обсуждать серьёзные вопросы?

Да, мы стараемся, но, как я уже говорила, нас не всегда слышат. Это проблема не только Росохотрыболовсоюза и Департамента. Я не могу сказать, что нас совсем не слышат, нет, они даже помогают нам в отношениях с субъектовыми организациями. Я действительно считаю наши отношения нормальными. Как и всё в жизни, они складываются из удач и неудач, они одновременно могут быть и сложны, и просты в решении каких-то вопросов.

Мы стараемся выстраивать конструктивные отношения с Департаментом по вопросам охотничьего хозяйства, с МВД в отношении оружия, с Минсельхозом по рыболовству и с другими структурами. И вроде бы всё нормально, но печалит следующее. Когда мы говорим о зарубежье — Финляндии, Швеции, других странах, о том, сколько там дичи, как организовано охотничье хозяйство, забываем одно: у них в каждом законе об охоте

определена роль общественных организаций. Государство делегировало полномочия общественным организациям. Мы же никогда не рассматривали отношения между Государством и Ассоциацией под таким углом. Посмотрите, Казахстан делегировал, Финляндия делегировала, Швеция, Болгария тоже делегировали.

Уважающие себя охотничьи державы нашли и определили роль и место общественных организаций в охотничьем хозяйстве, закрепили эти законодательно. Их общество понимает, что есть такие общественные организации, которые могут взять на себя определённые обязательства, могут заниматься разными вопросами, их контролируют и позволяют работать. Они могут заниматься собаководством, обучением охотников, трофейными делами, соревнованиями и пр. Если мы посмотрим наш Закон об охране окружающей среды, там целая глава посвящена роли общественных организаций, в Законе о рыболовстве — тоже, в каждом ресурсном законе есть эта тема, а в Законе об охоте — нет!

Чем Вы это объясните?

Тем, что отсутствует то видение, картина, которая дала бы нам возможность понять, какое охотничье хозяйство должно быть в нашей стране. А на настоящий момент этого никто нам ни сказать, ни показать не может. Наши же предложения не принимаются.

У меня создалось впечатление, что имеются определённые влиятельные группы, которые изначально продумывали закон под себя.

Они и под себя-то не продумали!

Принимает ли Ассоциация участие в работе над поправками к Закону об охоте, к Правилам охоты, существует ли специальная группа?

Работа продолжается, рабочая группа существует. Мы свои поправки даём, сделали через своих работников анализ правоприменения Закона об охоте и направили его в адрес широкого круга специалистов с просьбой определить приоритетные изменения в этот закон и высказать своё мнение.

Но, к сожалению, мы получили ответы только от своих специалистов, сторонние же не отозвались. Тем не менее, мы продолжаем эту работу с депутатами Государственной Думы и пытаемся решить те вопросы, которые наиболее интересны для нас, как общественной организации.

В частности, по нашему мнению, сейчас очень остро стоит вопрос обучения начинающих охотников. Хотя я считаю время уже упущено и надо срочно что-то делать. Фактически уже два с половиной года в угоды начали выходить люди, не подготовленные вообще.

Обучение чему?

Обучение охотминимуму: правилам охоты, вопросам биоразнообразия,

поведению в угодьях, культуре охоты. Хороший пример — дети. Те из них, которые приучались к охоте с отцами или старшими братьями гораздо реже становятся нарушителями законов, браконьерами. Есть увлечение, есть пример отца или его друзей. Дети становятся свидетелями примеров взаимовыручки, дружеского, внимательно-отногошения друг к другу.

Например, приходится молодые люди, которые хотят стать охотниками не ради оружия, что сейчас стало очень модно, а по зову души. А кто их поведёт на охоту? У нас произошёл этот сбой, разрыв поколений, а чем дальше, тем сложнее его восстановить. Армия невежд в охоте может перевесить армию тех людей, которые понимают и ценят охоту, и мы можем потерять наш животный мир.

Ситуация, когда человек, выезжая на весеннюю охоту, палит по журавлям, считая, что это гуси, — говорит о том, что он не знает разницы между гусем и журавлём, селезнем и уткой и т. д. Его не учили! Я считаю, что произошёл системный сбой.

Остались ли у Росохотрыболов-союза свои охотничьи хозяйства?

Мы имеем единственное охотничье хозяйство Владимирское. Однако, при современных реалиях, для его развития необходимо вкладывать в хозяй-

ство очень хорошие деньги.

Я считаю, что нужно направить усилия Ассоциации на сохранение и увеличение площадей охотничьих хозяйств у региональных охотничьих организаций. Чтобы среди них не было таких, которые совсем или почти совсем не имеют своих охотничьих угодий, как это случилось с Ивановской областью, Оренбургской, республикой Мари Эл. Как пытаются сделать сейчас в Волгограде.

При отсутствии охотничьих хозяйств у Ассоциации вопрос о дичеразведении снимается?

Да, сейчас мы не занимаемся дичеразведением, но в регионах этот процесс идёт, многие региональные организации поддерживают эту работу.

Росохотрыболовсоюз со своей стороны оказывает консультативную профессиональную и правовую поддержку своим членам по данному вопросу.

Как Вы видите развитие охотничьего собаководства в плане его традиционного ведения?

Мы, в принципе, исходим из тех же позиций, на которых стояло собаководство ещё в СССР, в основе которых лежит бонитировка. Нашей целью должны быть высокие рабочие и экстерьерные качества охотничьих собак. Но рабочие качества должны превалировать.

Если собака великолепна по экстерьеру, но имеет весьма сомнительные рабочие качества и даёт нерабочее потомство, то ей грош цена. И, конечно мы ориентируемся преимущественно на чисто охотничьи породы собак.

Контактирует ли отдел собаководства Росохотрыболовсоюза с Российской кинологовской федерацией (РКФ) и если «да», то на какой основе строятся эти контакты?

С РКФ есть рабочие контакты на уровне специалистов, а каких-то подписанных соглашений или договоров — нет. Но если требуется, для пользы дела, сесть за стол переговоров с РКФ, мы сядем за стол переговоров.

В заключении хотелось бы сказать следующее. Мы надеемся, что государство на законодательном уровне предоставит нам возможность расширить свою роль, свое участие в вопросах обучения охотников, собаководства, трофейного дела, в вопросах решения других задач, необходимых для возрождения охотничьего хозяйства страны.

Татьяна Сергеевна, журнал «Охота и охотничье хозяйство» благодарит Вас за очень содержательную беседу, желает Вам успехов в вашей непростой, но такой необходимой работе.

Юридическая консультация

На поступившие в редакцию письма читателей с вопросами по законодательству отвечает Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции Н. АСТАФЬЕВ

До изложения ответов на письма читателей мне хотелось бы сказать несколько слов вот о чем.

Недавно у меня состоялся откровенный разговор с довольно опытным знакомым охотником, имеющим охотничий стаж не один десяток лет. Разговор мы повели о правилах охоты и о законодательстве об оружии. В разговоре выяснилось его смутное представление о содержании нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения в этой сфере. Охотник состоит на учете в первичном охотколлективе. Он активно участвует в жизни этого коллектива, который под руководством егера заготавливает и выкладывает подкормку кабанам, делает солонцы, заготавливает сено, веточный корм для копытных, проводит и другую работу, в которой возникает необходимость.

Я поинтересовался, а как он узнает о новых нормативно-правовых актах, регулирующих охоту и оборот оружия. Выяснилось, что о некоторых из них он узнает случайно, какого-либо регулярного ознакомления с ними в первич-

ном охотколлективе не организовано, лично он тоже этим не интересуется. Поневолу такого охотника приходится сравнивать с шофером, который купил права без обучения на курсах шоферов. Может ли такой шофер грамотно ездить на машине, если не будет знать правила дорожного движения? Ответ очевиден. Или он сам пострадает или пострадают другие. Почему же у нас так легко берут в руки ружье и становятся охотниками. В Японии, например, чтобы приобрести оружие, надо пройти годичный срок обучения. Причем учет не только обращению с оружием и стрельбе, но изучают и законы. Купить после такого обучения можно будет только гладкоствольное оружие. Правда, в последнее время и у нас в стране сделаны определенные шаги в деле обучения граждан безопасному обращению с оружием. Наверное, было бы больше пользы, если бы одновременно проходило изучение законодательства об обороте оружия.

В Федеральном законе «Об охоте...» названы лица, которым выдается охотничий билет. Среди требований к

таким лицам названо и ознакомление с охотминимумом. Кто обучает кандидата в охотника охотминимуму? До принятия Закона «Об охоте...» подготовке охотника уделяли внимание общественные организации охотников, даже по знанию охотминимума принимали экзамены. К чему я веду свой разговор? В последние годы принимается немало различных нормативно-правовых актов об охоте и оружии. В России из охотничьих периодических изданий только в журнале «Охота и охотничье хозяйство» в рубрике «Юридическая консультация» постоянно публикуются материалы о действующих нормативно-правовых актах, об охоте и охотничьем оружии, об изменениях в этих актах. Вот уже несколько десятилетий я готовлю материалы для этой рубрики и должен сказать, что эта работа представляет определенные трудности, ведь материалы должны быть понятны и юридически выверены. У меня иногда возникает вопрос: если у меня, имеющего большой опыт работы прокурором, по законодательству об охоте и оружии возникают

вопросы, то почему их мало возникает охотников? У нас в стране несколько миллионов охотников, однако подписчиков на журнал "Охота и охотничье хозяйство" менее одного процента. Конечно, подписка на журнал требует некоторых денежных расходов, но ведь можно собрать деньги и выписать его на несколько охотников и пользоваться им по очереди. Можно выписать на первичную организацию охотников и на собраниях изучать публикуемые в журнале материалы. В любом случае охотники должны знать действующие нормативно-правовые акты об охоте и охотничьем оружии.

В настоящее время принимаются меры по увеличению количества охотинспекторов в каждом районе, расширяются права егерей по контролю за соблюдением охотничьего законодательства, и оно будет ужесточено. Поэтому знание каждым охотником охотничьего законодательства, законодательства об охотничьем оружии становится необходимым. Хорошим источником получения этих знаний может служить журнал «Охота и охотничье хозяйство».

А. Десницкий в письме, поступившем в редакцию журнала по электронной почте, сообщает, что он на охоте добыл рябчика. При выходе из леса по пути к машине, до которой было метров 100, его встретил охотовед и попросил для проверки документы. Охотовед спросил, почему в разрешении не вписан добытый рябчик. Он ответил охотоведу, что ружья в машине, где он и сделал отметку. Охотовед объяснил, что добытый рябчик должен быть вписан сразу после добычи. Охотовед составил протокол, по которому его оштрафовали на 1500 рублей. Десницкий спрашивает прав ли охотовед? Что значит "транспортровка"? Если замерзнет ружья на морозе в лесу, будет ли это смягчающим обстоятельством?

В Правилах охоты (п. 4) действительно записано транспортировка продукции охоты и ее реализация производится при наличии разрешения на добычу охотничьих ресурсов, в котором сделана соответствующая отметка о добыче этих охотничьих животных или при наличии заполненного острывного талона к указанному разрешению. В этом пункте не раскрывается значение слова "транспортровка", но в главе II Правил охоты: «Требования к охоте на копытных» в п. 8.6. сказано, что после добычи охотничьего животного... до начала его транспортировки (перенос, перевозка его туши) необходимо сделать отметку на оборотной стороне разрешения на добычу охотничьих ресурсов. Из этого видно, что транспортировка включает в себя перенос и перевозку.

Поэтому охотовед в данном случае

прав. После добычи рябчика надо было сделать отметку об этом на обороте разрешения. На морозе отогреть шариковую ручку можно во внутреннем кармане одежды и даже в руке. Отправляясь на охоту, надо предусмотреть порядок выполнения названных Правил охоты.

В.И. Федоров из Владимирской области спрашивает: существует ли какой-нибудь порядок получения разрешения на добычу охотничьих ресурсов в общедоступных охотничьих угодьях?

Да, такой порядок изложен в "Административном регламенте предоставления органами государственной власти субъектов Российской Федерации государственной услуги по выдаче разрешений на добычу охотничьих ресурсов...", утвержденном приказом Минприроды России от 29 июня 2012 г. № 204, в который внесены изменения приказом Минприроды России от 24 июля 2013 г. № 261. В соответствии с приложением к изменениям вопросами выдачи разрешения на добычу охотничьих ресурсов во Владимирской области занимается Государственная инспекция по охране и использованию животного мира администрации Владимирской области, расположенная в г. Владимире, ул. Луначарского, д. 3. В приложении перечислены государственные органы во всех регионах России, которые оказывают такую услугу, их адреса, время работы и телефоны.

В.И. Синев из Воронежской области сообщает, что он находился в автомашине, ружье было в чехле, из ствола патрон был удален, однако в магазине ружья патроны остались. Подошел охотинспектор и составил протокол о нарушении Правил охоты. Прав ли охотинспектор?

В данном случае охотинспектор прав. К утвержденным приказом Минприроды России от 16 ноября 2010 г. № 512 Правилам охоты приказом от 5 сентября 2012 г. № 262 внесены изменения (п. 53.1.), в соответствии с которыми нарушением Правил охоты признается нахождение в охотничьих угодьях в (на) механических транспортных средствах, летательных аппаратах, а также плавательных средствах с включенным мотором, в том числе не прекративших движение по инерции после выключения мотора, с расчехленным или заряженным или имеющим патроны (снаряды) в магазине охотничьим огнестрельным (пневматическим) оружием, за исключением случаев осуществления охоты в целях регулирования численности волка, шакала, лисицы, когда допускается использование механических транспортных средств и летательных аппаратов, если в разрешении на добычу охотничьих ресурсов указаны

регистрационные номера конкретных транспортных средств, с использованием которых планируется осуществление охоты (п. 59), а также отлова охотничьих животных в целях осуществления научно-исследовательской и образовательной деятельности.

Группа охотников Сурского охотколлектива из Ульяновской области жалуется на своего председателя Пугачёва Е.П. и направила открытое письмо Министру лесного хозяйства, природопользования и экологии Фёдорову Л.В. для принятия мер к Пугачёву. Охотники спрашивают: какие меры можно принять к нему?

В данном случае группа охотников ошибочно избрала адресата для принятия мер. Конечно, министру будет полезна информация о положении дел в охотколлективах, но какими-либо мерами дисциплинарного воздействия на председателя охотколлектива он не наделен. Охотколлектив — общественная организация. Общественные организации действуют на основе Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82 — ФЗ «Об общественных объединениях» с последующими изменениями. Каждый охотколлектив, как общественная организация, должен действовать на основе этого закона и своего устава. Все вопросы деятельности организации должны решаться по закону и уставу. Общему собранию общественной организации принадлежит право решать все вопросы жизни, в том числе и освобождение председателя охотколлектива от занимаемой должности.

Охотник Е.Н. Бугрим из пос. Караул Красноярского края спрашивает: на какой срок ему будет выдано разрешение на право хранения и ношение оружия, которое он приобретёт по истечении, например, двух лет после получения разрешения на имевшееся у него оружие.

В соответствии с Федеральным законом "Об оружии" гражданину при регистрации охотничьего оружия органом внутренних дел выдаётся разрешение на право его хранения и ношения сроком на 5 лет. Если в течение этих 5 лет гражданин приобретает еще оружие, то на вновь приобретенное оружие тоже выдается разрешение сроком на 5 лет. При этом медицинское заключение для получения лицензии на приобретение второго и последующего оружия представлять не надо. Вместе с тем надо иметь в виду, что закон требует, чтобы владельцы оружия не реже одного раза в 5 лет представляли в органы внутренних дел медицинское заключение об отсутствии противопоказаний к владению оружием. Поэтому по истечении 5 лет медицинского заключения владелец оружия обязан представить в органы внутренних дел новое медицинское заключение.

сравнению с обыкновенным. Каменный все прекрасно видит и слышит.

Удачных фотографий не получилось: ближе чем на 50–70 м птицы меня не подпускали. Но как же азартно они щелкали, топорщили и складывали перья на груди и шее! Самого ближайшего ко мне токующего на снегу красавца скрадывал долго и утомительно. Дистанция уже позволяла сфотографировать птицу крупным планом, как рядом завохтала пестрая глухарка, умело замаскировавшаяся за стволом березы. Спугнутый глухарь немедленно взлетел, уселся на дерево подальше от меня, успокоился и затоквал снова, только уже наверху. Солнце поднялось достаточно высоко, время тока заканчивалось.

Незабываемое зрелище глухаркиной весны останется в памяти на всю жизнь!

Утром в направлении тока загремел мотор снегохода и раздались выстрелы. Нашел глухариное место охотник из ближайшей деревни и открыл стрельбу по доверчивым птицам.

Через день я навестил ток. Самцов осталось двое: взрослый и молодой. Пел только старый петух и, как мне показалось, без азарта. Вокруг него на деревьях и снегу сидели грустные глухарки.

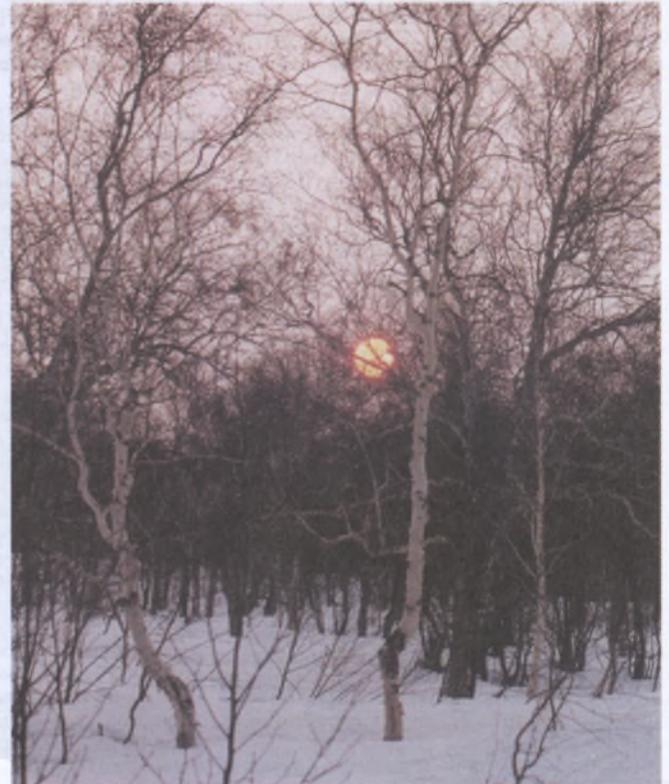
Так и запомнилась мне эта встреча с каменными глухарями. Жалко не встретился с тем жадным охотником, сказал бы ему пару «ласковых слов».

В километре от нашего весеннего охотничьего лагеря я нашел ток каменных глухарей. Сначала вечером заметил пролетающих в одном направлении двух черных с белыми пятнами самцов. А на утренней зорьке, когда уже взошло солнце, услышал квохтанье глухарок и увидел их перелеты с больших деревьев на ивы с набухшими почками, росшие у освободившейся ото льда и снега речки.

На следующее утро еще в темноте отправился полюбоваться на

токующих птиц. Щелканье самцов услышал лишь с расстояния метров 200. Ночной наст выдерживал меня, и появилась надежда, что, прячась за деревьями, смогу подойти поближе к токующим ухажерам и получить интересные снимки.

Ток оказался на довольно открытом месте, там я без труда насчитал 5 каменных глухарей и 12 глухарок. Еще раз убедился насколько труднее подходить к токующему каменному глухарю по

Хрупкий мир глухариного тока

Сергей ТИШКЕВИЧ

НЕ НАЛОМАТЬ БЫ ДРОВ...

О предложениях Союза охотпользователей России по расселению охотничьих животных

А. ДАНИЛКИН, доктор биологических наук, профессор. Фото В. Малеева

В СССР в XX в. при поддержке и непосредственном участии государственных структур расселены сотни тысяч (!) охотничьих животных. Результат этой масштабной работы известен: во многом благодаря охотничьим организациям полностью или частично восстановлены ареалы кабана, европейской и сибирской косуль, благородного оленя, овцебыка, бобра, соболя и других зверей; значительно расширен ареал пятнистого оленя, енотовидной собаки, ондатры, американской норки; существенно увеличена численность и добыча пушных зверей, хотя последнее в настоящее время стало мало актуальным.

Практика показала, однако, что искусственное расселение не приводит к увеличению поголовья и восстановлению ареалов животных, если не созданы необходимые условия для их нормальной жизни. А если они созданы, то оставшиеся в живых животные естественным путем способны быстро занять пустующую экологическую нишу и увеличить свое население. «Освежение» крови, проводимое без научного обоснования, нигде не принесло ощутимого результата. Зато негативные последствия акклиматизации и реакклиматизации очевидны: конкуренция интродуцентов с аборигенными видами и вытеснение последних, существовавшее хищническое воздействие (енотовидная собака) на другие виды животных, распространение паразитов и болезней, гибридизация близкородственных видов и форм, изменение генофонда, изменение качества аборигенных популяций, неясность таксономического статуса образованных группировок, невозможность достоверной идентификации трофеев без специальных исследований. Следует учесть также дороговизну этого мероприятия, сложность отлова, транспортировки, передержки и гибель значительной части отловленных животных.

О возможных негативных последствиях искусственного расселения и необходимости сохранения генофонда аборигенных популяций, подвидов и видов ученые Российской академии наук пишут уже многие десятилетия, однако «воз и ныне там». «Смешивание» особей разных форм как шло, так и осуществляется до сих пор. Охотоведы-«преобразователи» уже значительно изменили генофонд многих группировок кабана, европейской и сибирской косуль, благородного оленя, зайцев-беляка и русака, фазана и других охотничьих видов. В отношении ко-

пытных результат такой работы особенно нагляден в европейской части России, куда зверей завозили с Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Средней Азии и прибалтийских республик.

Необходимость упорядочения расселения охотничьих животных на государственном уровне давно назрела. Это стали понимать даже охотоведы-практики. И недавно Союз охотпользователей России от имени участников конференции по вопросам сохранения, воспроизводства и использования европейского благородного оленя, проведенной в рамках выставки «Охотничий мир России — 2013» в г. Ростов-на-Дону, обратился в Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации с предложениями, заслуживающими внимания и обсуждения.

Привожу выдержки из этого письма (полный текст см. в «Национальном охотничьем журнале — Охота» № 9, 2013): «...В связи с отсутствием должного государственного контроля за ввозом охотничьих животных в Россию, стало практически невозможно отслеживать мероприятия по ввозу и расселению охотничьих животных, осуществляемые владельцами охотничьих хозяйств (охотпользователями), в том числе и из-за границы. Так, за последнее десятилетие в ряд субъектов Российской Федерации (Смоленская,

Тверская, Ярославская, Вологодская, Владимирская, Саратовская, Воронежская, Ростовская области) ввезено порядка тысячи особей европейских благородных оленей «неизвестного» происхождения. В результате, возникла серьезная опасность появления новых «генетически загрязненных» гибридных популяций.

Участники конференции сошлись во мнении обратиться... с просьбой рассмотреть некоторые вопросы, требующие принятия срочных решений на федеральном уровне, а именно:

Поручить профильному Департаменту Минприроды России в рамках исполнения Федерального закона от 24 июля 2009 г. N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» разработать проект положения о порядке планирования и проведения мероприятий по расселению охотничьих животных в Российской Федерации.

Запретить ввоз марала из сибирских регионов в европейскую часть России. Принять конкретные решения по всем завезенным ранее группам маралов.

В целях сохранения генетической чистоты европейской косули остановить процесс искусственного расселения сибирской косули внутрь ареала европейской косули.

Олень благородный

Косуля европейская

Обратиться в Минсельхоз России с предложением об исключении из приказа Минсельхоза России от 9 января 2008 г. № 1 «Об утверждении административного регламента исполнения Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору государственной функции по выдаче разрешений на ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации, а также транзит по ее территории животных, продукции животного происхождения, лекарственных средств, кормов и кормовых добавок для животных, подкарантинной продукции» функций по выдаче сертификатов (разрешений) на ввоз в Российскую Федерацию охотничьих животных.

Провести совещание в МПР по обсуждению поставленных вопросов с приглашением ученых, специалистов охотничьего хозяйства и Союза охотпользователей».

Обеспокоенность участников конференции и деятелей Союза охотпользователей России понятна, однако целесообразны ли предлагаемые ими меры?

По сути, предлагается запретить ввоз в Россию и региональное переселение охотничьих животных. К чему это может привести? Интенсивно развивающееся российское фермерское охотничье хозяйство лишится возможности разводить в вольерах лань, муфлону, белохвостого оленя, степного и лесного бизонов и других охотничьих зверей; вести селекцию, используя элитное поголовье; а у наших охотников не будет возможности добыть редкий трофей, не выезжая из страны. Зоопарки, зоосады и цирки лишатся возможности получать из-за границы и демонстрировать «иностранных» зверей, относя-

щихся к охотничьим видам. Представьте, что такой запрет введен в отношении сельскохозяйственных животных. Это сразу бы отбросило наше животноводство минимум на столетие назад в селекционном плане, и у нас не было бы сейчас десятков тысяч высокоудойных коров, завезенных из Голландии, Дании, Франции и других стран, и фактически не было бы молока!

Не менее странное предложение — «запретить ввоз марала из сибирских регионов в европейскую часть России». Марал — наиболее выгодная для вольерного разведения форма благородного оленя. И он, следовательно, будет под запретом на огромной территории, равной нескольким десяткам европейских стран. Фраза «принять конкретные решения по всем завезенным ранее группам маралов», как выяснилось на совещании в Охотдепартаменте МПР, означает уничтожение в европейской части России как вольерных, так и свободно живущих в природе группировок этой формы. Фактически предлагается одним махом уничтожить вольерное, а заодно и охотничье хозяйство, уничтожить труд не одного поколения работников охотни-

чьего хозяйства, уничтожить десятки тысяч животных!

Во имя чего нужны такие жертвы, исчисляемые в денежном эквиваленте в миллиарды рублей (и кто заплатит за это)? Оказывается — ради получения в обозримом будущем трофеев европейского благородного оленя. Но чтобы охотиться на красного оленя, его надо еще развести, а при нынешней никудышной организации охотничьего хозяйства в России на это потребуются столетия. Кроме того, у 99 % российских охотников мотивация пока иная — «мясная», а не трофейная, и подавляющее большинство из них не отличат рога марала от европейского оленя.

Может быть эта мера оправдана с генетической точки зрения, и в России существуют уникальные популяции европейского благородного оленя, которые надо сохранить во что бы то ни стало? Как бы не так! Наши аборигенные популяции были, за исключением кавказской, полностью уничтожены человеком в XIX — начале XX вв. Нынешняя южнорусская группировка образована в результате искусственного расселения оленей из Воронежского заповедника, происходящих

Косуля сибирская

от животных, завезенных в XIX в. в имение Рамонь принцессы Ольденбургской ... из Германии. Генетически она такая же, как и группировки юга Германии и Польши. Другим центром расселения европейского благородного оленя в России, а также в Белоруссии и на Украине, стала Беловежская пушча. Беловежская группировка, как известно, была создана из особей, завезенных из разных центрально-европейских стран. Группировка Калининградской области тоже, по сути, германская, но несколько отличающаяся. Следовательно, почти все наши европейские благородные олени входят в генетическую линию «С», образованную в основном центрально-европейскими популяциями (Кузнецова и др., 2012, 2013), т.е. имеют зарубежное происхождение.

Но может быть у нашего европейского оленя больше рога и, соответственно, лучше трофеи? И здесь нестыковка. Чемпионами и медальными чаще становятся особи из Германии, Венгрии, Польши, Болгарии и Румынии.

Возникает и другой вопрос — где брать племенной материал европейского благородного оленя для разведения, если будет запрещен ввоз охотничьих животных из-за границы? Оказывается, пока только в Ростовском государственном опытном охотничьем хозяйстве и, в перспективе, в некоторых охотхозяйствах, входящих ... в Союз охотпользователей. Но это же откровенный лоббизм, в случае успеха позволяющий монополисту взвинчивать цены на племенных животных до небес!

Но и это не все. В тех же трофейных целях, озвученных в письме «в целях сохранения генетической чистоты европейской косули», предлагается «остановить процесс искусственного расселения сибирской косули внутрь ареала европейской косули». Деятели Союза охотпользователей России, очевидно, имеют смутные представления об исторических границах ареала, современном генофонде европейской и сибирской косуль в Восточной Европе и о «процессе расселения». Придется восполнить этот пробел.

Условная историческая граница ареала европейской и сибирской косуль, подтвержденная ископаемыми находками и сравнительными морфометрическими исследованиями, проходит по Днепру (рис. 1), а проникновение сибирской косули в постледниковое время возможно и в Центральную Европу. В XIX — начале XX вв. и сибирская, и европейская косули были практически уничтожены человеком на территории Восточной Европы, за исключением нескольких узколокальных группировок. С середины XX в. европейская косуля из немногих уцелевших украинских, белорусских и прибалтийских популяций быстро расселяется (в отсутствии конкурентов!) на восток вплоть до Дона и правобережных волжских областей, существенно расширив свой ареал, а сибирская с

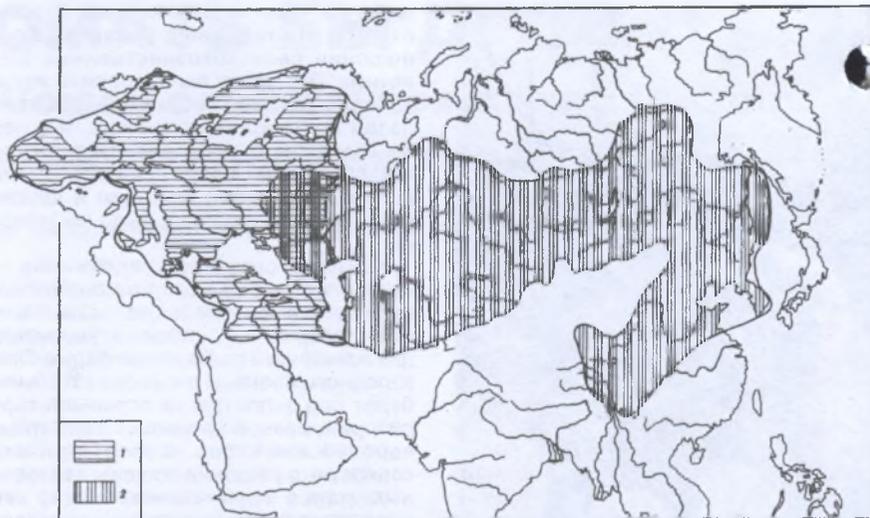

Рис. 1. Естественный максимальный ареал рода *Capreolus* и видовые ареалы европейской (1) и сибирской (2) косуль

Урала распространяется на запад, восстанавливая свой ареал в Поволжье и на Русской равнине.

Советские охотоведы, как могли, способствовали восстановлению ареала этих зверей. В СССР в 1925 г. расселено более 3 тыс. особей, преимущественно в европейской части (рис. 2). В Московскую и Калининскую области их завезли около 1,5 тыс. На Украине выпустили более 500 зверей, включая 72 сибирские косули, отловленные на Дальнем Востоке, в Литве — 18 особей из Иркутской области (Павлов и др., 1974; Павлов, 1978, 1999; и др.). От общего количества выпущенных животных сибирские косули составляли более половины. Нередко европейские и сибирские зверей вселяли в одни и те же районы. К примеру, в Завидовское заповедно-охотничье хозяйство под Москвой выпущено 123

сибирских и 145 европейских особей (Мануш, 1978).

Сосуществование особей двух близкородственных видов косуль неизбежно приводит к гибридизации со всеми вытекающими отсюда последствиями: многие гибридные самцы оказываются стерильными, европейские самки часто не могут родить более крупный плод и гибнут вместе с потомством от сибирских самцов. Полученные все же гибриды по массе тела и величине рогов действительно оказываются крупнее, чем европейские косули. Казалось бы, одна из целей (повышение качества трофеев), ради которой проводилась интродукция, достижима. Однако результаты этой большой и трудоемкой работы сводятся на нет из-за низкого уровня воспроизводства в смешанных парах.

Потомки выпущенных в Восточной

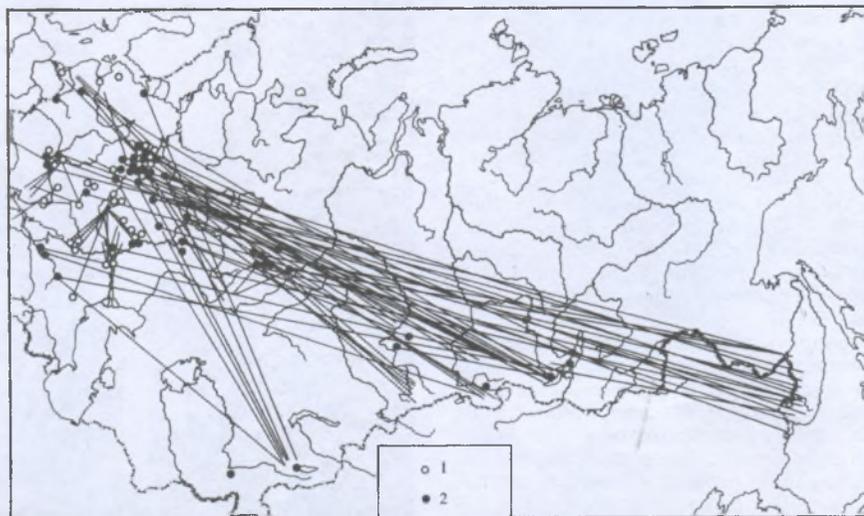

Рис. 2. Места выпуска европейской (1) и сибирской (2) косуль в СССР (неполные сведения). Линия указывает на район отлова

Европе европейских и сибирских особей тем не менее сохранились во многих районах и, как показывают наши визуальные, кариологические и молекулярно-генетические исследования, в настоящее время здесь образованы смешанные группировки. Сибирские косули живут вместе с европейскими в Московской, Тверской, Смоленской, Тульской, Брянской и Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях (Данилкин, 1999; Холодова и др., 2009; Звычайная и др., 2010, 2011) и скорее всего будут обнаружены и в других регионах. При этом, замечу, все трофеи из смешанных группировок наши эксперты причисляют к европейскому виду, щедро одаривая добытчиков медалями и рекордами.

Доля сибирской косули в смешанных популяциях может быть весьма высокой. В Подмосковье, например, ее около 78 %, причем особи несут разнообразный «сибирский» митохондриальный геном. Здесь доминируют две генетические линии, широко распространенные в Зауралье и Сибири. Наибольшее сходство подмосковные косули имеют с животными из Свердловской, Курганской, Иркутской областей, Красноярского края, Алтая и Тувы. У одной особи из Озерского района Московской области обнаружен гаплотип, имеющий дальневосточное происхождение (Звычайная и др., 2011). Доля гибридных особей в выборке (n=42) из европейской части России составляет 11,9%. Они обнаружены в Московской и Волгоградской областях (Плахина и др., в печати).

Митохондриальная ДНК сибирского типа найдена также в популяциях косуль Белоруссии (Звычайная и др., 2010), Восточной Польши, Литвы

(Lorenzini et al., 2014; Matosiuk et al., в печати), Украины (наши неопубликованные данные), что может свидетельствовать о более значительных генетических последствиях искусственного расселения сибирской косули в Европе, чем считалось ранее. Однако не исключено, что «сибирский» геном в отдельных европейских популяциях — результат постледникового обитания сибирской косули в Восточной и, возможно, Центральной Европе. Являются ли эти особи типично сибирскими, или гибридами с европейской косулей, или наблюдается интрогрессия митохондриального генома — покажут дальнейшие исследования.

Реально ли сохранить «генетическую чистоту европейской косули» при ситуации, когда вся Восточная Европа — естественный и искусственный «слоеный пирог» из двух близкородственных видов, и нужно ли ее сохранять? И как «остановить процесс искусственного расселения сибирской косули внутри ареала европейской косули», если этот процесс, запущенный столетие назад, стал автономным? Может быть (по предложению известного в России охотоведа), как и для марала, «принять конкретные решения по всем завезенным ранее группам»? Но для этого потребуются уничтожить около 100 тыс. особей, и при этом не будет никакого толку, поскольку естественные ареалы европейской и сибирской косуль соприкасаются и накладываются один на другой в Восточной Европе. Необходимо учесть также, что сибирская косуля в 1,5—2 раза крупнее европейской, более приспособлена к многоснежью и низким температурам, а мощные самцы с большими рогами имеют несомненное преимущество в борьбе за лучшие тер-

ритории, на которых больше корма и самок. Поэтому сибирская косуля будет постепенно естественным путем вытеснять европейского собрата с Русской равнины, восстанавливая свой исторический ареал. Нужно ли мешать этому процессу?

Поднятая Союзом охотпользователей проблема тем не менее требует решения. Оно, на мой взгляд, может быть таким:

- не чинить никаких препятствий (кроме ветеринарных) для ввоза в страну и переселения из других регионов страны охотничьих животных в целях вольерного разведения и «охоты» в вольерах;

- не допускать (жестко пресекать) несанкционированные выпуски охотничьих животных в охотничьи угодья;

- не «принимать конкретных решений по всем завезенным ранее группам»;

- провести тщательную ревизию генофонда важнейших отечественных охотничьих видов;

- определить приоритетные для разведения виды и подвиды (с учетом их исторических ареалов) в разных географических зонах и регионах;

- стимулировать разведение племенных животных и их расселение;

- создать племенные центры на базе государственных опытных охотничьих хозяйств (хоть какая-то польза от них будет!) и видовых заказников.

Для чего я пишу об этом? Не наложили бы чиновники МПР, с подачи Союза охотпользователей России, в очередной раз «дров». Их и так уже столько, что останется и следующим поколениям!

Памяти Павла Николаевича Трапезникова (1950 – 2013)

От имени нашей семьи, родственников выражаем огромную благодарность за печать снимков П. Трапезникова в вашем журнале. К большому сожалению многих он уже не увидит. Беда подкралась тихо и неожиданно. Коварная болезнь, сложнейшая операция оборвали его жизнь.

Он был полон сил, энергии, жизнелюбья, строил большие планы, мечтал построить охотничью избушку у себя на родине в Архангельской области. Но судьба распорядилась иначе — не успел...

Охота была страстью всей его жизни. Проходил километры с ружьем за плечами, наслаждался красотами природы, пением птиц, дыханием леса, любовался зарей, часами говорил о чудных мгновениях охоты.

Судьба разбросала его друзей и знакомых по разным уголкам страны. Пусть все, кто знал моего мужа, помянут добрым словом и помолятся за упокой его души. Светлая ему память!

Л.М. ТРАПЕЗНИКОВА

Черный

История сибирской лайки

Валерий МАЛЕЕВ. Фото автора

Этого пса студенты-охотоведы щенком привезли из якутского села в подарок своему преподавателю. И вместо того, чтобы гонять в сибирской тайге зверя и птицу, он четыре года просидел на цепи, охраняя гараж. Но какой из лайки сторож? Только своим угрюмым видом и крупными размерами собака внушала уважение всем, кто мог покуситься на хозяйское добро.

Черный, как ворон, пес обладал прекрасным экстерьером и полностью отвечал жестким требованиям к охотничьей собаке. Так получился благодаря хорошей крови его родителей и вопреки безрадостному образу жизни, на который обрел его хозяин. Кормили сторожа, конечно, хорошо, но никто и никогда не сказал ему ни одного ласкового слова. Никто не ходил с ним на прогулки и не гладил по большой черной морде.

Жизнь свела меня с этой собакой случайно. Чтобы получить профессию биолога-охотоведа, перед защитой диплома я должен был пройти практику. Четыре ближайших месяца мне предстояло провести на далекой и почти не доступной тогда Камчатке.

Перед вылетом позвонил друг и земляк Володя — он работал охотоведом в госпромхозе, к которому я был прикреплен как практикант.

— Мне собаку подарили, привези, ее, пожалуйста, с собой: сезон на носу, а охотиться не с кем! — едва слышно шелестел в телефонной трубке далекий голос. Понятно, отказать Володе в его просьбе я не мог.

Оставшиеся до вылета три дня я пробегал по городу, оформляя документы, необходимые для перевозки собаки в самолете. И только вечером перед самым отъездом забрал лайку у хозяина. Тот отдал пса прямо с цепью и без всякого сожаления: мол, пообещал по пьяному делу, вот и отдаю. Я, с опаской взяв в руки цепь, спросил:

— Петр Петрович, а как собаку-то зовут?

— Да как зовут... — задумался на секунду преподаватель. — Черный он. Вот Черным и зови!

Я поблагодарил бывшего хозяина и отправился, ведя пса на цепи, пешком в общежитие. Черный вел себя с достоинством. Но по его реакции на окружающих я понял, что это его первая настоящая прогулка. Пес даже погладить себя не позволял. Предупреждающе рычал, стоило протянуть к нему руку или попытаться сократить дис-

танцию. Показывал, что не намерен устанавливать со мной дружеские отношения. «Как же я тебя повезу-то?» — думал я. Однако зря беспокоился.

Для меня навсегда осталось загадкой, откуда в этой собаке было столько интеллигентности. В те времена не существовало клеток для транспортировки домашних животных, и перевозили их прямо в салоне самолета. По-прежнему не давая себя погладить, Черный безропотно позволил смелой стюардессе надеть на него намордник. Потом лег меж кресел и пролежал спокойно весь перелет: сначала до Хабаровска, а после пересадки — до Камчатки. Так, будто всю жизнь летал.

У пассажиров и на борту, и в аэропортах Черный вызывал живой интерес. Многие пытались чем-то угостить красивую собаку. Но пес, хоть и не ел ничего два дня, подачек у людей не брал.

— Смотри-ка, гордый-то какой! — возмущались вокруг, когда он вежливо отворачивался от очередного пряника или куска хлеба.

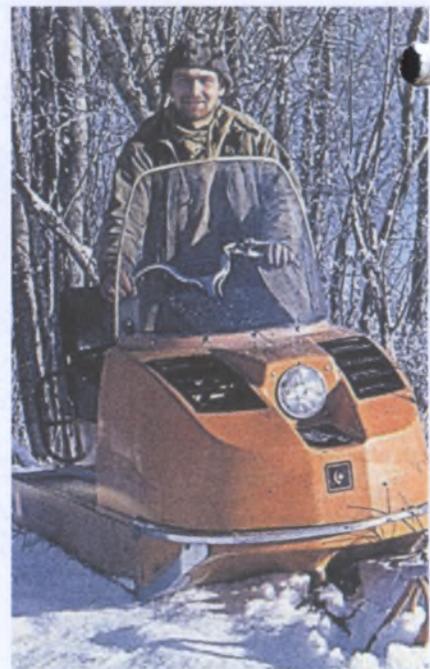
— Здоровенный, а ничего не ест! — сочувственно сокрушались стюардессы.

Но голод не тетка. Аккуратно, как это умеют лишь лайки, Черный съел банку тушенки, которую я открыл во время ночевки в Петропавловске-Камчатском. А утром мы с ним долго гуляли по городу. Океан, конусы вулканов, запахи моря — все это произвело на меня сильное впечатление. На следующий день, проехав в пыльном автобусе последние триста километров, мы прибыли на место прохождения практики.

Охотникам Черный понравился. Крупный, высокий в холке кобель сразу же привлек их внимание. Единственный недостаток в экстерьере — слабо закрученный хвост — говорил о том, что в его родне была примесь еще какой-то породы собак, а может быть, и волка.

Однако дальше экстерьера дело не пошло. Первый же выезд в лес показал, что толку от Черного нет. Без всякого интереса пес давил на пятки, не отходя от людей дальше, чем на десять метров. Мы пытались потравить его на случайно загнанную на молодую березку белку, но Черный даже не поднял вверх морду.

Володя быстро потерял к псу интерес. Да и кто в тайге будет просто так кормить собаку? Лайка должна работать. Сезон охоты с собакой на Камчатке короткий: каждый день на сче-

Валерий Геннадьевич Малеев и Черный на снегоходе

ту. Рано выпадающий глубокий снег не дает преследовать соболя, и с начала сезона лайки гоняют дичь не больше месяца.

Но делать нечего: практика есть практика. Мне выделили охотничий участок.

Это была часть поймы реки Кирганик с границей по реке Опалька. Поселился я в старой камчадалской юрте, сделанной из колотых вдоль толстых стволов тополя. Это странное, но удивительно функциональное сооружение, похожее на индейский вигвам или египетскую пирамиду без верхней части конуса, было на метр вкопано в землю. Поэтому в юрте сохранялось тепло, пока топились маленькая железная печка. Но были у моего жилища и недостатки: очень скромные размеры и огромное количество полевков и бурозубок, которые начинали скакать по мне, стоило лишь погасить керосиновую лампу. Кроме нар, срубленных из тех же половинок бревен, обстановка состояла из крошечного столика, прибитого к стене, и печки. До всего можно было дотянуться рукой, не вставая с нар.

Володя приезжал только на выходные, а я потихоньку начал готовиться к промыслу. Делал приманку, разносил ее по путикам и строил над соболиными капканами барабары — маленькие шалашики из валежника — чтобы капканы не заваливало снегом. Черный все время был со мной.

В один из наших походов, когда я вышел на край аласа, а Черный, как всегда, плелся позади с безучастным видом, на краю леса неожиданно поднялся с лежки огромный бык — лось. Зверь больше двух метров в холке с огромными лопатообразными рогами, напоминающими большой, колючий

куст боярышника, стоял в тридцати метрах от нас. Было время гона, и был у меня смелый. Фыркал, тряс головой, скреб передними копытами кочки. Охота на лосей в те времена еще была закрыта, их всего несколько лет назад завезли на Камчатку с реки Пенжина, и стрелять на зверя я не мог. Единственное спасение — собака. Но Черный, испуганно поджав хвост, уже пятился назад. И, несмотря на мои ободряющие окрики, с позором убежал по нашим следом обратно к юрте.

Пришлось стрелять. Вверх. Лось шаркнулся по аласу вдоль каменного березняка, высоко подняв рогатую горбоносую морду и с достоинством неся на высоких ногах свою семисоткилограммовую тушу. Чуть дальше поднялась с лежки матка с телком, и они цепочкой убежали вверх по распадку.

С этого момента и я перестал надеяться на охоту с собакой, полностью переключившись на капканы.

В один из выходных приехал Володя. Привез продукты и лицензии для охоты на медведя. Рано утром, оставив кобеля у юрты, мы тихонько пошли по берегу Кирганика в сторону ближайшего нерестилища. Рыба давно уже отнерестилась, но медведи все еще топтались по набитым, как дорожки, тропам вдоль реки в поисках пологивших рыбьих тушек.

И действительно, скоро мы увидели на косе перед большим перекатом крупного медведя. Он не спеша шел в нашу сторону. Шум реки и ветер, дующий от него на нас, позволил нам без особого труда и риска добыть зверя. Мы ободрали его прямо на косе, упаковали мясо в принесенные с собою мешки и сложили в мелкую протоку. Шкуру и переднюю лопатку сразу вынесли к дороге. Потом договорились, что я вынесу остальное, а Володя поедет в поселок и сдаст мясо в ветлабораторию на анализ. Но одно дело вдвоем, другое дело — одному. Как мы подошли к медведю, так и он может в упор подойти к человеку. Для страховки отвязав Черного, я, с перекурами, принялся носить добычу. Кобель без всякого интереса обнюхал место, где мы обдирали зверя, обнюхал мясо в мешках и улегся на гальке.

После обеда я сделал две ходки и присел отдохнуть на валежину. Осенний ветер срывал с тополей в пойме последние желтые листья. Река уносила их вниз, в ямы, где листья, покружившись в водовороте, медленно оседали на дно. Прямо передо мной алегли крупные яркие гроздьи рябины. «Неплохое начало, — подумал я, — первый выход, и сразу медведь».

Вдруг совсем рядом раздался собачий лай. Я подпрыгнул от неожиданности и схватился за ружье. Надо же — только подумал про медведя, и вот тебе! Черный лаял, стоя на одном месте. Я осторожно пошел в его сторону, стараясь двигаться против ветра. От напряжения меня бросило в пот. Пытаясь успокоиться, медленно, шаг за шагом, я вышел на край небольшой по-

лянки — и вздохнул с облегчением. Посреди поляны на вершине обломанной березы сидел соболь и злобно фыркал на прыгавшего внизу Черного. Пес в азарте бросался на ствол, царапая лапами о твердую, как камень, кору каменной березы. Столкнувшись нос к носу с соболем, все время трусивший рядом со мной кобель наконец-то сделал то, чего от него ждали!

Жаль радоваться было нечему. Охота на пушнину еще не открылась, и соболь был не выходной. Но Черный ничего не знал о сроках охоты. И я, не желая портить собаку, взял грех на душу. Достал патрон с мелкой дробью и выстрелил. Черный поймал зверька на лету и долго тряс его. Когда собака успокоилась, я аккуратно забрал добычу и погладил пса по голове.

От неожиданности мы оба растерялись. Черный смотрел с удивлением на меня, а я — на свою невредимую ладонь. Первым сдался кобель. Подойдя, он взглянул мне в глаза и лизнул руку, в которой я держал еще теплого, добытого нами соболя. Радость захлестнула меня. А в глазах собаки зажглась какая-то новая, не виданная прежде, искорка. Черного было не узнать. Проснувшийся охотничий азарт вмиг изменил пса. Теперь он бежал впереди меня, рыская по сторонам. Когда я отдыхал или грузил медвежье мясо на понягу, Черный ложился у ног, всячески показывая свое расположение ко мне. Но воспринимал он мои знаки внимания как должное, будто бы говорил: погладил разок — и хватит, знай меру.

На следующий день вернулся Володя. Друг тоже долго, с удивлением смотрел на изменившуюся за день собаку, и не верил мне, пока я не показал ему добытого соболя...

Так в судьбе Черного начался но-

вый этап: жизнь охотничьей лайки.

Стоял конец октября. До начала охоты на соболя оставалось несколько дней. Я уже поймал капканами пару выдр на реке, добыл несколько каменных глухарей на еду и приманку. Путики были готовы. Оставалось только пройти и насторожить капканы. И вот мы с Володей решили сходить к ближайшим горам и проверить, есть ли там снежные бараны. Взяв спальники, палатку и запас продуктов, рано утром мы тронулись в путь. Черный будто с цепи сорвался: носился вокруг, как угорелый. Вел себя, словно щенок, радуясь новым ощущениям и неизведанному прежде вкусу вольной собачьей жизни.

Только к вечеру подошли мы к распадку, вершинка которого упиралась в уже заснеженный цирк правильной формы.

— Ну, давай, тут заночуем. А завтра попробуем подняться и поискать баранов. Раньше мне камчадалы говорили, тут по осени перед гоним всегда быки были — сказал Володя, когда мы вышли на наибольшую, удобную для ночевки поляну.

Заросли кедрового стланика стеной спустились к ручью, вместе с ольхачем образующая непроходимые камчатские джунгли. Ветер стих, и казалось, что только огонек нашего костра и мы — люди и собака — единственные живые души в этих горах.

Но утро показало, что это не так. После полуночи пошел сильный снег. Мы едва откопались, когда вылезли из палатки. Зато прямо над нами на склоне цирка даже без бинокля были видны бараны. Бурова свежий рыхлый снег, по осыпи шли четыре крупных быка. А вдалеке на скалах стояли важенки. Но око видит, да снег не дает! Попив чаю и вдоволь насмотревшись

У зимовья

на снежных баранов, мы свернули намокшую палатку и пошагали обратно.

Измотанные и промокшие насквозь, ночью мы едва добрались до Володиной юрты. Но душа ликовала — в первый раз в жизни я видел снежных баранов. Эти удивительные животные обитают в суровых условиях, и редкий зверь может соперничать с ними в искусстве выживания. Всю зиму они проводят в горах. В мороз, в пургу, которая метет здесь неделями. Дикие бараны — звери выносливые и очень осторожные. Видеть их доводилось не многим, это само по себе большая удача. Не беда, что не вышло на них поохотиться. Главное, мы живы, здоровы и вернулись назад...

Но стоило Володе уехать в поселок, поведение Черного изменилось. Пес заболел. Редко, но все же бывает: собаки не выдерживают того, что под силу человеку.

Сухой нос и слезящиеся глаза сразу подсказали мне — у Черного чумка. Мы изучали собаководство, но в жизни я впервые столкнулся с этой собачьей бедой. Было ясно: псу не сделали в свое время прививку, и вот результат. Как правило, если собака заболела, и нет возможности попасть к ветеринару, она погибает. До следующего приезда Володи оставалась еще целая неделя, и я понимал: Черный столько не проживет. Пес лежал под колодой рядом с юртой. Его знобило. Глаза потускнели и смотрели на мир безучастно. Я весь извелся. Связи с поселком у меня не было, а собачьих лекарств тем более. Но смотреть, как силы и жизнь покидают пса, я больше не мог.

Сам я лечился тогда народными средствами. Лекарством от проблем с желудком была водка с солью. А от простуды — водка с перцем. В общем, кроме бинтов, йода и водки у меня ничего не было. Налив стакан водки, я намешал в него черного перца и вылил эту жуткую смесь в глотку Черному. В знак благодарности тот чуть не цапнул меня за руку. Но я-то был трезв, и вовремя ее отдернул. Не знаю, какое действие снадобье произвело на собаку, но когда через час я вышел из юрты, Черного поблизости не было.

— И почему не привязал?! — ругая себя, на чем свет стоит, я стал распутывать следы вокруг. Здесь мне помог свежесвыпавший снег. Не было бы следов, потерял бы я собаку навсегда.

Черный нашелся у реки. Он залез под залом из бревен, и я едва его оттуда вытащил. На руках перенес пса к юрте и привязал к будке.

Утром состояние больного не изменилось. Я промыл ему глаза крепким чаем, и, с трудом сломив сопротивление ослабевшего кобеля, влил в него второй стакан. Черный забился на привязи, но привычная с детства цепь снова лишила его свободы.

Вечером мне показалось, что собаке стало легче. Черный все так же лежал в будке. Но вид у него был чуть веселее.

Кобель облизывал лапы и терся о них мордой, пытаясь очистить глаза от гноя. К еде собака не притрагивалась уже несколько дней. И только сегодня я заметил, как Черный полизал кашу, замерзшую в миске.

Ночь прошла спокойно.

Утром, едва увидев меня с новым стаканом в руках, Черный так задержался на цепи, что чуть не утащил за собой будку. Но, что поделаешь, положено по три — значит, по три. И я в третий раз напоил пса. Хотите верить, хотите нет, но кобелю стало легче. Уже вечером Черный начал есть. Не знаю, что ему помогло: может, водка с перцем, а может, сильный его организм. Но уже через три дня я добыл с ним первого соболя. А потом началось такое...

Случалось, я добывал с Черным по три соболя в день. Чем они его привлекали, не знаю. Но на других зверей пес особого внимания не обращал. Тявкнет пару раз, придушит норку в капкане, метров сто прогонит лосей, и все. Соболиный след — другое дело. Загнав как-то большого кота в дуплистую колодину, он почти перегрыз ее, пытаясь добраться до зверька. Я подбежал на лай, заткнул варежкой вход в дупло и топором прорубил дырку сверху ствола.

Срубил длинный, тонкий прут и затолкал его в колоду. Сначала слышно было, как пленник урчал, а потом стал грызть конец прута. Черный крутился возле прорубленного отверстия. Нервы у соболя не выдержали, и он стрелой вылетел прямо собаке в пасть. Пес схватил его, да, видно, неудачно. Соболю вцепился лайке в нос, и по снегу с визгом покатались два ловких черных зверя.

После укуса нос пса распух и долго болел, но соболи стали интересоваться его еще больше. Володя взял отпуск на неделю и тоже охотился с Черным. Пока я ходил проверять капканы, они гоняли соболей в пойме. Им тоже везло, и новый хозяин не мог нарадоваться на собаку.

— Как здорово пошел! Я ведь уже и не надеялся... Думал, застрелю, как ты уедешь... — делился со мной Володя, когда вечером снимал шкурку с очередного добытого с Черным соболя.

Но не зря камчатская зима славится глубокими снегами. Уже через пару недель сугробы навалило такие, что охоту с собакой пришлось прекратить. Я встал на лыжи и ходил теперь только по путикам. Черный бежал впереди по шахме и аккуратно придавливал зверьков, попавших в капканы. Уже в конце ноября он все же умудрился загнать пару соболей. Крупные размеры и рост позволяли ему накоротке догонять соболя, если тот подходил близко к лыжне. Я уже знал: если Черный, проваливаясь по уши, все же прыгает с шахмы — стой и жди. Скоро залает.

Так незаметно пролетело время. Мы жили с Черным душа в душу. Но он все равно вел себя сдержанно. Сам не лаялся, не терся у ног. Терпеливо ждал, когда остынет каша, и я поставлю ему миску. Только когда мы добывали соболя, от радости позволял себя погладить. Соболей он теперь не трепал. Схватит, придавит челюстями, не повредив шкурки, и положит у ног. Как бы говоря этим: теперь он твой, подходи и бери.

Больше тридцати соболей добыли мы с Черным за сезон. В капканы хорошо шли и норка с лисицей. Но практика заканчивалась — пора было возвращаться домой, на материк. Надо было учиться дальше.

В последний вечер я долго сидел у будки Черного. Сварил ему его любимый суп из глухаря. Пес загрустил, предчувствуя разлуку. Он внимательно следил за каждым моим движением и, казалось, понимал все, что я ему говорю.

— Вот закончу институт, вернусь. Буду жить и работать на Камчатке. Заберу тебя у Володи, вместе станем соболей гонять!

Как только я заговорил о соболях,

Черный с добытыми выдрами

Черный встрепенулся и завил хвостом...

Встреча с этой лайкой навсегда изменила мою жизнь и меня самого. Это был первый серьезный опыт промысловой охоты с собакой. Сложилось все по-другому, неизвестно, получился бы из меня охотник. А благодаря Черному, я несу эту страсть на протяжении всей своей жизни. И тот, кто хоть раз слышал лай собаки по зверю, меня поймет.

Ночью пес выл, не давая нам спать. Жутко было слушать эту прощальную песню. А утром я уехал. И это был последний раз, когда я видел Черного. Моим планам не суждено было осуществиться: только спустя много лет я вновь прилетел на Камчатку. В один из тихих сентябрьских вечеров мы с Володей сидели у костра, на том самом месте, где я впервые увидел снежных баранов. Мы пили чай и вспоминали наши охоты. Вот тогда-то я и узнал, как прожил Черный свою вторую жизнь.

Пес так и не обрел хозяина. Володя все время проводил на работе, а Черный сидел в вольере. И только с началом сезона охоты для собаки наступало радостное время. Вот тогда Черный был нужен всем! Первые дни с ним гонял соболей сам Володя, а когда уезжал в поселок, с собакой охотились его друзья. И пес искал соболей для всех. Вернее сказать, Черный охотился для своего удовольствия, потому что страсть к охоте была у него в крови. А кто с ним при этом находился, собаке, в конце концов, стало уже все равно. Но охота быстро заканчивалась, и Черный возвращался в вольер. Меж тем слава о необыкновенной рабочей собаке росла. И пса начали прятать от лишних глаз, чтобы его не украли. Так Черный во второй раз оказался в плену.

Только изредка Володя брал его с собой в рейды по территории госпромхоза. Вот тут-то и стал проявляться характер пса. Так и не испытывший хозяйской любви, Черный охотно срывал злость на других собаках.

— Ехали раз на лошадаж, — рассказывал мне Володя, — подъезжаем к Долиновке, а Черный впереди бежит. Деревенские собаки как увидели, так с визгом, лаем на него бросились. Всей стаей. Мужик, у крайнего дома дрова коловший, аж колун выронил. Ну, думаю, все: порвут пса. Мы давай орать, и скорее к речке. Там визг стоит, клочья шерсти летят. К берегу спустились — из виду их потеряли. Ну, а пока на лошадах речку переехали, вообще все стихло. Выезжаем на деревенскую улицу, а там только Черный стоит. Весь в крови, но хвост вверх торчит, как полено. Вокруг кровь, шерсть... и ни одной собаки.

Тот мужик, что дрова колол, подбежал и руками машет:

— Ну и пес, ну и собака! Как дал нашим... Когда они на него поперли, я думал, он к вам кинется — а он на них пошел, один против всех! Как рванул Васькиного кобеля, тот сразу под бревна залетел и не вылез больше. А этих

шавок, как щенят, раскидал, все хвосты поджали и по дворам. Вот это кобели! Заезжайте ко мне, мужики, чай пить!

— А в другой раз на рыбалке были, — продолжил после долгого молчания мой друг. — Приехали на Горелую, а там мужики день рыбака отмечают. Подпитые все. Ну, мы садимся, нам по штрафной. Выпили, икры с вареной картошкой поели. Тут один, Николаем, что ли, зовут, привязался ко мне:

— Вот у меня собаки, так собаки! Порода, с родословными кобели! Не то, что твой ублюдок. Только соболя и гоняет. Мои, вон, по медведю, как часы, работают. Как на след поставлю — все, иди и стреляй. Два его крупных кобеля, натянув цепочки, злобно лаяли в сторону Черного. А тот лежал себе спокойно в тени, под вагончиком. Ну, мужики все веселые, все меня подкалывают. Я и психанул, дурак:

— Давай, спускаю одного своего, проверим! А он, скотина, отстегнул сразу обоих. Я на него: «Ты что ж, гад, делаешь?!» Мужик бежать.

Кобели вмиг Черного смяли, и уже втроем с визгом к речке покатались. Сначала всем вроде как весело было, а потом похватались рыбаки кто за полено, кто за что. И кинулись разнимать. Но Черный как-то выкрутился, пластанул рыжего за плечо, тот весь в крови под машину залез. А второго схватил за горло и давай топить в речке. Хозяин по берегу бегает:

— Отберите собаку, угробит кобеля!

А мужики ему в ответ:

— Молчи, сам хотел!

Едва мы Черного тогда оттащили. Мокрый, в пене весь, в крови. Затолкал я его к себе в машину. Язык у него до плеча, глаза горят. Трясется, еле успокоил. Тот кобелишка из воды ползком вылез — и в кусты. Больше мы его не видели. А Николаю, видно, от мужиков досталось. Сидел вечером с синяком, да нюни распускал: Рыжий-то мой кобель уже старый, зубы стерлись, а Шарик и вовсе от дворняги, у мужиков в деревне щенком купил.

Вот с тех пор я и стал Черного на замок закрывать. Все только о нем и говорили, как о собаках разговор шел. А он уже тоже, что почем, понял: убежать от меня стал. Как возможность появлялась — сбегал. В декабре как-то от избушки удрал. Ошейник снял и ночью ушел. А к утру снег выпал, гляжу: на дороге следы. В поселок кобель пошел. Через неделю в госпромхоз его Качур привел, охотник наш штатный. У старухи, что на Собачьем хуторе живет, сучка загуляла. Вот к ней Черный и пришел. И никого потом ни во двор, ни со двора не выпускал. Бабка в милицию позвонила, те уже стрелять собрались. Хорошо, Качур мимо на «Буране» ехал. Увидал. Отдал бабке пару зайцев на Новый год, да поймал кобеля в ограде. Тот его по охоте знал... Вот так и жили мы потом. Все время я его искал. Как выпущу, так сбегит.

Как-то я в отпуск на материк поехал, пса оставил Мармалаеву. По-

мнишь его, на моей избушке одно время охотился?

— Тот, который из капа чаши вырезал, — вспомнил я.

— Да, тот. На материк он уехал. Как на пенсию ушел, так и уехал. Так вот, я ему наказываю: выводите только на поводке. Одного не отпускайте! Понял, вроде. Но жена его как-то из вольера во дворе Черного выпустила, а тот через трехметровый забор — и нету.

«Скулил, — говорит жена, — жалко стало». Мармалаев искать. А где найдешь?

Приехал я — нет собаки. Все, думаю. Сгинул. А потом как-то к магазину подъезжаю, а там Черный. Чья-то сука гуляет, и он с ней. Все другие собаки метров за сто держатся. Едва узнал его — худой, грязный. Но ко мне сразу подошел. Я его пирожками кормить стал, в магазине их купил, с мясом. Восемь пирожков съел! Домой привез, и с месяц пес просидел спокойно. Отыелся. Шерсть залоснилась. Глаза заблестели. Даже пару раз погладить себя дал. Все, думаю, набрался ума. Исправился. Куда там! Как только отпустил — удрал. Говорят, горбатого могила исправит. Так и вышло.

Через три дня Черный вернулся. Вернулся — и сдох на крыльце. Выхожу утром, а он лежит. На боку кровь запеклась. Увез я его к избушке. Похоронил на поляне, где вы с ним первого соболя добыли. Любил он то место. Как идем мимо, так он все около той березы крутился. Там теперь и лежит...

Друг замолчал. Я подбросил дров в наш притихший костер. Взметнувшийся язычок пламени на секунду осветил лицо Володи. По его щеке скатилась слеза. Костер разгорелся.

— Потом уже соседи рассказали: от дурака погиб пес. Дачный поселок у нас есть. Участки по три сотки. Пенсионеры, в основном приезжают, овощи выращивают. Так вот, там у одного чудака болонка жила. Полкилограмма злости. На всех, кто мимо ходил, тьякала, за ноги хватала. Вот Черный ее за загривок и трянул. Болонка завизжала — и к dedu. А у деда тозовка была. Он три раза в Черного выстрелил. И погиб пес.

Вот тогда-то мы за головы схватились. Стали щенков от него искать. А нету. Только от дворняжки, на Собачьем хуторе, четыре щенка было. Сразу их расхватали. Бабка озолотилась в один день. И все, вроде, хорошо работали. Но таких, как Черный, больше не было. И не будет уже. Такую собаку один раз в жизни встретить можно. Только поздно я это понял...

Костер догорал. Светало. От распада повеяло туманом и сыростью. Володя уснул, а я лежал, смотрел на угасающие головешки и думал. О том, что как бы не сложилась жизнь у любимой вами собаки, сама она об этом никогда и никому не расскажет. Рассказать о ней может только человек. Такой, как тот, кому верой и правдой служил и мой верный друг Черный.

Кедровка, Приморский край

Путешествие в Черноморский заповедник

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук. Фото автора

Во время своих южных путешествий мне неоднократно удавалось быть в таком уникальном природно-историческом регионе как Кинбурнский полуостров, что находится в северо-западном Причерноморье (ныне это территория Украины). Полуостров заканчивается тонкой, почти 40-километровой песчаной Кинбурнской косой, отделяющей Днепро-Бугский лиман от собственно акватории Чёрного моря. Самый «кончик» этой косы виден в бинокль с противоположного берега — из Очакова и от развалин древнегреческой Ольвии.

Столь необычное название полуострова произошло от двух тюркских слов «кил» — волос и «бурун» — мыс. Действительно, в плане полуостров очень похож на некий тонкий объект; в основании он достигает 20 с лишним километров, а к концу сужается сначала до нескольких сотен, а затем — и десятков метров. Поэтому одни видят полуостров в форме сфинкса, другим он предстаёт сказочным кораблём, третьи и вовсе находят в нём сходство с вытянутой стопой ноги человека (почти что знаменитый «итальянский сапог», профиль Апеннинского полуострова), четвёртые «узнают» в очертаниях этой суши профиль ноги огромного животного. Кинбурнский полуостров — природный феномен, достойный всемирной охраны для будущих поколений европейской цивилизации в целом.

Во времена владычества греков над северо-западным Причерноморьем Кинбурнский полуостров был островом, о нём хорошо знали финикийские купцы и пираты. Эту часть «заморской греческой земли» занимала обширная лесная область, Гилея. Посетивший её в V в. до н.э. Геродот писал: «Если переправиться через Борисфен

(ныне Днепр), то первой от моря будет Гилея, а вверх от неё живут скифы-земледельцы». «Землю под густым лесом» жители древнегреческой колонии Ольвия, расположенной на правом берегу современного Днепро-Бугского лимана, как раз напротив Кинбурнского полуострова, считали священной. Но и тогда, как и в наше время, сплошных лесных массивов не существовало, но влажных мест тогда было несравненно больше, чем сухих, занятых перемежающимися их песчаными пустошами. Рощи «хотя и не сплошным лесом, состоящим из дуба, березы, ольхи, береста и осины», тянулись на 120 — 130 км от самого кончика полуострова до современного Цюрупинска (ранее — Алешки, или Олешки). Лесные массивы с тенистыми зарослями, заболоченными участками и настоящими пресными озёрами-сагами перемежались с обширными песчаными «горами»-кучугурами. Эти леса и пустоши в древности буквально кишели зверями, тут встречались благородные олени, косули, кабаны, тарпаны, волки, лисы, куницы, дикие козы, туры, куланы, сайгаки, медведи, лесные коты.

Леса на полуострове начали сильно вырубать ещё эллины. Позже они полностью или почти целиком восстановились. Второй раз рубки происходили в XVII—XVIII вв. — во времена русско-турецких войн и заселения этого края славянами. Некогда обширные островные леса на большей части территории древней Гилеи исчезли почти полностью, остались только небольшие рощи, как «живые памятники» прошлых эпох, называемые колками или гайками. От лесных чащ Гилея до наших дней сохранился один значительный фрагмент леса, включённый ныне в состав Черноморского государ-

ственного заповедника и известный как «Вольжин Лес». Здесь на площади 203 га произрастают более 40 видов кустарников, ольховые и осиновые рощи, и даже встречаются могучие 300-летние дубы.

На Кинбурнском полуострове с его слабо всхолмлённым рельефом чередуются дюны (кучугуры), высокие (до 3—5 м), овальные песчаные бугры, с впадинами и понижениями, заполненными остаточными солёными водоёмами (так называемые саги). Южный, низменный берег Ягорлыцкого залива, омывающей внешнюю сторону Кинбурнского полуострова, имеет понижения — поды, затопляемые при нагоне солёной морской водой, образующие множество мелководных заливов, проливов и озёр.

Центральная часть Кинбурнского полуострова имеет заметный прогиб, а его северный и южный берега приподняты. Северный берег полуострова со стороны лимана «оторачивается» песчаным валом, по ширине достигающим нескольких сотен метров, а на морском побережье характерным является ракушечно-песчаный литоральный вал, вдоль самого же уреза воды он ещё и опоясывается валом из перемешанных с песком выбросов травы зостеры и других морских макрофитов. Серединный прогиб, а его ширина в разных местах не более 0,2 — 3—5 км, занят реликтовыми солонцами, сверху погребёнными под песками. Тут встречаются разные по солёности водоёмы, преимущественно неглубокие (до 0,5—2,5 м) и незначительные по площади озёра. Эту особенность полуострова в своё время использовали казаки, добывающие в условиях жаркого климата Причерноморья соль. Они прорыли от моря каналы и соединили их с мелкими соло-

Вот она, чаща бывшей древнегреческой Гилеи

Солончаки, окружающие солёные озера, напоминают пустынные такыры

новатыми озёрами на солончаках. Весной морская вода самотёком заполняет мелкие озёра. С июня до середины — конца августа под жарким небом вода из мелких озёр испарялась, оседавшую соль собирали, и уже чумаки — торговцы солью, развозили её по всей Малороссии. Такие озёра у соледобытчиков называются солнечными солеварнями.

В 1933 г. все разрозненные участки с сохранившимися крупными фрагментами лесной растительности были объединены в Черноморский государственный заповедник, самый крупный в Украине. Но ещё ранее (с 1927 по 1933 гг.) его территория, вместе с другими районами на севере Черноморского региона (от Кинбурнской косы на Чёрном море до Белосарайской на Азовском, т.е. примерно 500 км по широте), входила в огромный Приморский государственный заповедник.

Заповедник состоит из нескольких участков суши и морских заливов. Климат тёплый, сухой, с относительно низкой влажностью воздуха, малой облачностью, незначительным количеством осадков. Среднегодовая температура 10,8 °С. Зима мягкая, с неустойчивым температурным режимом, морозы чередуются с оттепелями, лёд в заливах неоднократно тает и разрушается штормовыми ветрами. Почти ежегодно наблюдается гололёд, затрудняющий кормёжку зимующих животных. Снежный покров держится 17—40 дней, бывают и бесснежные зимы. Весна — холодная и затяжная — наступает рано, в конце февраля — начале марта. Май иногда бывает сухим и очень жарким, в результате чего выгорает растительность и высыхают мелководные степные поды.

В это время года на ещё не заросших тростником пресных и солоноватых озёрах и западинах с водой величественно, словно своеобразные айсберги, плавают лебеди. С водоёма на водоём перелетают яркие утки — пеганки и огари. Окрестные пространства

оглашаются песнями куликов и многочисленной воробьиной мелочи, чаек, удонов и других южных птиц. В конце апреля — мае, когда песчаные пустоши ещё не потеряли своей влаги, тут можно наблюдать своеобразную смену красочных травяных «ковров»: сине-жёлтые заросли из приземистых ирисов сменяются жёлто-оранжевыми щитками цмина, или бессмертника песчаного, покрывающего пустоши. Весенний наряд диких груш и яблонь, терна и боярышника, словно невест в белоснежных платьях, украшающих колки и опушки, к осени сменяется их многокрасочными плодами, обсыпаящими ветви так, что они иной раз гнутся до земли. Летом же установившийся зной испаряет живительную влагу, и тут по пескам расстилаются фиолетово-синие ковры из чабреца.

Лето тёплое в первой половине и жаркое во второй. Среднемесячная температура воздуха в июне 20 °С. Это самое, пожалуй, золотое время в лесах древней Гилеи и на её пустошах. На фоне знойно-сизого неба носятся стаи золотистых щурок, облюбовавших для отдыха старые, кряжистые дубы. Высоко парят хищники — кобчики, ястребы, пустельги, в озёрах то и дело раздаются звуки, напоминающие шлепки или чваканье, это дают о себе знать болотные черепахи. Над землёй носятся разноцветные дневные бабочки, которых ночью сменяют совки и бражники, крупные жуки. На западе небо то и дело озаряют сполохи дальних зарниц, ночную тьму расчерчивают стрелы гроз; ведь эта область Чёрного моря — одно из самых грозовых мест в Европе.

Осень обычно тёплая, сухая, маловетренная, продолжительная. Самые ранние заморозки бывают в первой декаде. Обычно замерзание водоёмов отмечается в середине января. Когда ветра начинают кружить и гонять по земле уже сухие опавшие листья, вся территория с колками и пустошами напоминает огромный фруктовый сад, где ветви деревьев ломятся от спелых

груш и крупного боярышника. Вкус плодов каждой груши различен, не повторим, а потому лакомство это не забывается; одно плохо — быстро набиваешь оскомину. Плоды понтийского боярышника больше напоминают фантастической величины жёлуди, вкус этих жёлтых и алых ягод наполнен сладостью прошедшего лета.

На территории заповедника произрастают почти 730 видов растений, из них 41 вид занесён в Красную книгу Украины и Европейский Красный список. Флора отдельных заповедных участков очень разнородна. Лесостепные участки приурочены к первой надпойменной террасе Днепра. Они находятся в пределах Ивановской песчаной арены (Ивано-Рыбьчанский участок) и Кинбурнского полуострова (участки Солёноозёрный и Вольжин лес). Здесь ещё сохранилась растительность, характерная в прошлом для Нижнеднепровских песчаных арен и в настоящее время исчезающая на не заповедной территории.

Особый интерес представляет колковая растительность на территории Нижнеднепровских песков. Здесь в полосе типчаково-ковыльных (сухих) степей, встречается целый комплекс северных древесных и травянистых видов. Колковая растительность представлена формациями дуба черешчатого, берёзы днепроградской (местного реликта), ольхи клейкой, редко бересты. В подлеске и по опушкам встречаются бузина чёрная, крушина ломкая, жостёр слабительный, тёрн степной, изредка бересклет, европейский барбарис обыкновенный. В некоторых местах старые дубы увиты «северными лианами» — диким виноградом и хмелем. Травянистый ярус дубовых колков образован эфемерами — пролеской двулистной, чистяком весенним, купырями.

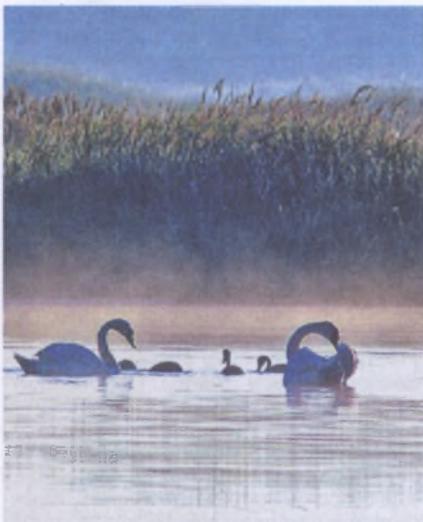
В Нижнеднепровской песчаной степи встречаются древесные виды северных флористических элементов. Это — пойменные дубравы, чередующиеся с песчаной степью с характер-

Фрагмент солнечной солеварни

Чайчья колония

Лебединая семья

Золотистые щурки с добычей

Кобчик за трапезой

ным для колковых ассоциаций присутствием узкоареальных эндемичных древесных видов (берёзы днепропровской, боярышников Елены и замшевого). Из-за чрезмерного выпаса скота, сведения лесов и распашки земель большая часть песков была разбита и развеяна ветром, образовались голые бугристые пески — гряды кучугур высотой до 10—12 м.

Большая часть площадей степных участков заповедника покрыта солончаковой растительностью с участием солероса европейского и сарсазана шишковатого, меньшая — засоленными лугами и опустыненными степями. Среди пятен типчаково-ковыльных степей изредка встречается дикий тюльпан — тюльпан Шренка. После включения островов в 1927 г. в состав заповедника их флора постоянно обогащается сорными видами, что связано с увеличением на их территориях гнездовой птиц. Несмотря на это, тут присутствуют эндемики — горец Янаты, ясколка украинская и песчанка зозо.

Фауна заповедника — это почти 450 видов позвоночных животных и более 3 тысяч беспозвоночных. Из них в Красную книгу Украины и Европейский Красный список занесены 14 видов млекопитающих, 57 — птиц, несколько десятков видов насекомых и галофильных ракообразных.

Из зарегистрированных в северо-западной части Причерноморья почти 300 видов птиц примерно половина регулярно гнездится в заповеднике; остальные зимуют, встречаются во время миграций или нерегулярно залетают. Состав птиц существенно обогатился за вторую половину XX столетия (появилось более 60 новых видов). Стали гнездиться ранее несвойственные региону виды — гага обыкновенная, мухоловка-пеструшка, дрозд чёрный, лебедь-шипун, чеграва, другие. На пролёте регулярно встречаются черноголовый хохотун, красноголовый сорокопут и др. Но наряду с этим, из состава орнитофауны выпал целый ряд ранее обитавших тут птиц — например, синица-ремез и аист белый. Зим-

ний период заповедные акватории — места массовых зимних скоплений чаек, крачек, куликов, уток, пастушковых и голенастых, лебедей (кликун и шипуна). На пролёте много гусей (особенно белолобого), куликов, воробьиных и других птиц. Черноморский заповедник — одно из мест в освоённой части Украины, где гнездятся малочисленные и редкие виды — дрофа, орлан-белохвост, нерегулярно встречается стрепет.

Во время весеннего и осеннего пролётов в естественных колковых лиственных лесах скапливается более 80 видов воробьиных, голенастых хищных, куликов и птиц других отрядов пернатых. Тогда же в заповеднике встречаются вальдшнеп, длиннохвостая синица, розовый скворец, несколько видов дроздов, соловей, коршун и многие другие виды. Кинбурнский полуостров — важная составляющая так называемого Днепровского миграционного коридора — одного из главных путей перелётов птиц в Евразии.

Из птиц, гнездящихся на деревьях и кустарниках, особое внимание обращают на себя дневные (коршун чёрный, пустельга обыкновенная, кобчик, чеглок) и ночные (сова ушастая и совасплюшка) хищники, встречающиеся по всей территории заповедника. Участок Вольжин Лес знаменит своими колониями цапель, устраивающих либо однородные поселения (серая цапля), либо смешанные, где одновременно гнездятся серая цапля, малая белая цапля и кваква. Изменение первоначальной экологии отмечено у фазана обыкновенного, завезённого сюда в 1960-х гг. Чтобы защититься от лисиц, птицы приспособились ночевать на деревьях.

Орнитокомплексы открытых пространств — небольших площадей целинных ковыльных, полынно-типчаковых и солончаковых приморских степей, песчаных кучугуров, самые уязвимые и бедные по составу. Тут

Луговая тиркушка

Ночные бабочки: винный бражник и большой ночной павлиний глаз

главные местообитания типичных представителей целинных степей степного орла и стрелета, полевого и степного жаворонка, регулярно парами гнездится и дрофа. Обычны перепел и серая куропатка. На кучугурах и в солончаковой степи Ягорлыцкого Кута гнездится авдотка, а во влажных понижениях приморских солончаков — луговая и степная тиркушка.

Наиболее разнообразнее и многочисленнее комплекс водно-болотных птиц — более 60 гнездящихся и около 190 пролётных видов. На морских побережьях и островах ведущее место принадлежат утиным и чайковым. На островах Тендровского залива преобладают чайки (черноголовая и морской голубок) и крачки (чайконосная, речная, малая, пестроногая, чеграва). На островах Ягорлыцкого залива доминируют чайка-хохотунья и речная крачка. Из утиных гнездятся пеганка, кряква, серая утка, шилохвость, широконоска, нырки красноголовый и красноносый, крохаль длинноносый. Всего на островах зарегистрировано более 30 гнездящихся видов, две трети из них

тут постоянно встречаются, 7 — не типичны для водно-болотного комплекса, а 6 видов (чирок-трескунок, перепел, лысуха, камышница, сова болотная, жаворонек степной) гнездятся, когда позволяют экологические условия (встречаются не высыхающие летом водоёмы, обилие грызунов, иные причины).

Группа водно-болотного комплекса включает виды, характерные для тростниковых зарослей по берегам лимана и озёр заповедника. В тростниковых зарослях вокруг Большого озера (на участке Вольжин Лес) находятся колонии больших белых и рыжих цапель, гнездится пара камышовых луней, много **дроздовидных камышевок**, камышниц, лысух. Акватория озера — место откорма утиных (кряква, пеганка, красноголовый нырок). Во время пролёта останавливаются ржанкообразные, поганки, выпи и множество мелких воробьиных (славки, пеночки, камышовая овсянка, обыкновенный и соловьиный сверчки). На Кефальном озере Потиевского участка царство куликов — образуются боль-

шие колонии шилоклювки и ходулочники, а во время пролёта на кормёжке на мелководьях скапливаются десятки тысяч особей травника, кулика-воробья, чернозобиков, грязовика, зуйков морского и малого, турухтана.

Млекопитающих всего около 40 видов. Среди них хорошо прижился акклиматизированный в 1957 г из Аскании-Нова пятнистый олень. Комплекс степных видов заповедника украшают такие эндемики Нижнеднепровских песков, как емуранчик Фальц-Фейна из группы тушканчиков и грызун — песчаный слепыш. Встречаются косуля, кабан, барсук, каменная куница, ласка, из хищников — волк.

Лесостепные ландшафты Кинбурнского полуострова — это уникальный резерват герпетофауны Украины. Из восьми видов рептилий, встречающихся здесь, три занесены в Красную книгу Украины (четырёхполосый и желтобрюхий полозы, степная гадюка). Обычны амфибии — зеленая жаба, квакша, чесночница, озерная лягушка, гребенчатый тритон.

Украшение фауны насекомых Кинбурнского полуострова: жук-олень и жук-носорог

Пути охотничьего собаководства

В. СИПЕЙКИН, эксперт всероссийской категории, г. Тверь

В охотничьей периодике всё чаще встречаются материалы с рассмотрением перспектив охотничьего собаководства страны. Назову статью «Охотничье собаководство России» Л.А. Гибет (РОГ №24(984) от 5.6.2013 г.), интервью, данное М.Г. Кузиной корреспонденту РОГ («К сотрудничеству готовы» — №30(990) от 17.7.2013 г.), далее — этих же вопросов касается Н. Сорокин в статье «Осторожно: параллельный мир» (РОГ №29(937) от 11.7.2012 г.).

Если упомянутые авторы рассматривают будущее нашего собаководства как продолжение существующих в стране традиций, то эксперт РКФ-ФЦИ А.М. Брагин советует от них вовсе отказаться и работать только по правилам ФЦИ. Брагин очень активен в проповедовании этой идеи — за последние месяцы им помещены четыре публикации — две в РОГ («История ошибок не прощает» № 22(982) от 22.5.2013 г.), эта же статья напечатана, только без сокращений, в майском номере газеты «Охотник и рыболлов Поволжья и Урала», и два интервью — в РОГ №31 (991) от 30.7.2013 г. («Лица новые — проблемы старые») и в августовском номере «Охотник и рыболлов Поволжья и Урала». Поскольку откликов в прессе на указанные статьи я не встретил, попытаюсь высказать своё мнение по поднятым автором вопросам. При чтении статей нельзя не заметить массы противоречий. Он пишет: «За прошедшее столетие российские охотники-собаководы сумели отойти от западных веяний и получили охотничьих собак гармонично развитых, с отличным экстерьером и прекрасными рабочими качествами...»; далее: «охотничье собаководство России не разделялось на «выставочных», «полевых» и «спортивных», которое преобладает во всей Европе и Америке», ещё ниже: «Много нареканий по конкурсу «Бест ин шоу» на сертификатных выставках РКФ-ФЦИ. Мне, судье РКФ-ФЦИ, тоже не всё нравится, но что делать, если этим пользуются 80 стран Мира, членов ФЦИ». Чуть дальше читаем: «в системе РКФ беспредела и безобразий ничуть не меньше, чем в системе РОРС». Казалось бы — из всего сказанного следует сделать вывод, что нам и дальше надо продолжать работать по своим правилам, не оглядываясь на «порочный» Запад. Как ни странно, вывод у автора абсолютно противоположный: «РОРС... надо перейти на международную... систему выставок, вернуться к традиционным классам, исключить возрастные группы, изменить племенное положение и, если уж не могут обходиться без бонитировки, то изменить и её, но в соответствии с принятыми во всём мире классами. Т.е все переделать, в соответствии междуна-

Эксперт В. А. Селиванов вручает медаль на X-й Всероссийской выставке охотничьих собак после проведения комплексной оценки (бонитировки)

родных норм» (орфография и стилистика отрывков сохранены — В.С.).

Причину, по которой автор собирается всё поменять, из этих его публикаций понять невозможно. «Этим пользуются 80 стран Мира, членов ФЦИ» — странный довод, — говорят, если один баран из стада бросается в пропасть, то за ним бросается всё стадо. Может быть прежде, чем прыгать, нам всё же следует подумать, — не уподобляться баранам.

И далее: «Вот один наглядный пример, для чего надо менять эту «лысенковскую» систему. Взять положение о племенной работе РОРС. К ветеранам там относятся собаки с 10

лет, а во всём мире с 8 лет, годных для воспроизводства. Если взять один человеческий год жизни за 7 лет собачьей... то получается, по положению РОРС, что бабушка в 70 лет ещё может воспроизводиться, т.е. рожать детей». Отметим, что в «Положении» о племенной работе, по которому работает РОРС, нет «класса ветеранов», но оговаривается, что «к разведению допускаются племенные кобели и суки в возрасте... до 10 лет на день вязки». Не знаю, как насчёт семидесятилетней бабушки, — в прессе было сообщение, что, кажется в Бразилии, родила 63-летняя женщина, — но из практики знаю, что девятилетняя гон-

чая выжловка и двенадцатилетний выжлец способны давать потомство. Так что «положение РОРС» отражает действительность. Для верности «залез в Интернет» и в источнике euyorkie.uzoz.ru/forum/48-850-4 нашёл подтверждение: «*Предельный возраст для использования в племенном разведении: сук до 9-ти лет, кобели — без ограничения возраста*». В охотничьем собаководстве обычно только к 6—8 годам определяется производитель с ценной наследственностью (дающий потомков с ценными рабочими и экстерьерными качествами), поэтому важно хотя бы два-три лишних года использовать его в вязках. В декоративном собаководстве, где целью является только улучшение экстерьера, собака после 8 лет не интересна, ведь она выглядит не столь элегантно, как во цвете лет.

Брагин не без оснований проводит параллели между охотничьим собаководством дореволюционной России и западноевропейским, но не замечает существенных отличий. Охотничьи собаки для жизни народов России имели гораздо большее значение, чем для Европы по двум причинам. Первая — значительная часть населения России жила и до сих пор (полностью или частично) живёт за счёт охоты, в том числе за счёт охоты с собаками. Сама обширная территория России образовалась присоединением территорий для сбора с местного населения ясака в виде пушнины. Недаром первыми денежными единицами древней Руси были «куны», то есть куньи шкурки. Вторая причина — необходимость борьбы с опасными для людей хищниками: медведями, волка-

ми, рысями, росомахами, а до конца XIX века также с тиграми и барсами. На Западе этих зверей нет уже много столетий. Кроме культуры охоты промышленной в России несколько столетий существовала комплектная охота с гончими и борзыми, на западе культуры такой охоты не было — там существовали другие традиции. Добывание пушнины, охота на хищных зверей требовала охотничьих собак — лаек, гончих, борзых — отличных от охотничьих собак Европы в первую очередь наличием специфических охотничьих качеств, а кроме того — приспособленных к климатическим условиям России. В конце двенадцатого и начале двадцатого столетия в стране появились люди, которые поняли необходимость перевода наших отечественных, возникших естественным путём, пород собак к заводскому их разведению с целью сохранения заложённых в них ценных охотничьих качеств. Назову А.А. Ширинского-Шихматова, М.Д. Дмитриеву-Сулиму, Н.П. Кишенского, Л.П. Сабанеева.

Теперь насчёт упоминаемой Брагиным «лысенковщины», как он окрестил бонитировку. Сайт «Гончие России» издал книгу В.В. Луканичева «По малику, но в пяту». Василий Васильевич Луканичев — эксперт Всероссийской категории по гончим, держал охотничьих собак с двадцатых по семидесятые годы прошлого века, при написании названной книги он пользовался архивами, трудами известнейших собаководов, так что все свои выводы обосновывает документально. Как и Брагин, он критикует отечественное охотничье собаководство, но... с противоположной Брагину стороны.

Рассмотрение дел в собаководстве он начинает с первых лет Советской власти. Страна после окончания гражданской войны оказалась в международной изоляции, ей срочно требовалась валюта для закупки оборудования для целей электрификации, индустриализации, обеспечения обороноспособности. Одним из постоянных и возобновляемых источников валюты для России в течение тысячи лет была пушнина. В создавшихся условиях большевики не могли не понять, что развитие охотничьего собаководства является государственным делом. Луканичев пишет: «*Охота и охотничье хозяйство в нашей стране стало отраслью народного хозяйства. Их развитие осуществляется в интересах государства и трудящихся под общим государственным руководством*». А вот его высказывание об охотничьем собаководстве времён Отечественной войны: «*С большим волнением вспоминается тяжкая година военного 1943 года. К сердцу Родины — столице нашей страны подошли полчища фашистов. Миллионы людей, истекая кровью, недоедая и недосыпая, вели смертельный бой с врагом. А чуть в стороне от фронта, в тенистом парке ВЛПВЗ (в Вологде — В.С.) проходила выставка охотничьих собак. Правительственным распоряжением породные охотничьи собаки были приняты на паёк из государственных запасов хлеба. То была мудрая предусмотрительность — забота о национальном достоинстве, а в конечном счёте — уверенность в победе над врагом*».

В 20-е же годы для того, чтобы навести порядок в заготовке пушнины и обеспечить её поступление государству, был создан Всекоохотсоюз, а для упорядочения племенного дела в охотничьем собаководстве в Москве 1—5 декабря 1925 года был проведён I Всесоюзный кинологический съезд. Луканичев цитирует отрывок из правил выставок, принятых на съезде: «*Общей задачей выставок собак является учёт и отбор производительных сил в кровном собаководстве, необходимых для развития и поддержания его на должной высоте, путём наглядно сравнительного выявления достоинств и недостатков собак по внешности, с оценкой их на основании наличия или отсутствия в экстерьере качеств, отвечающих стандартным требованиям*». Казалось бы всё правильно, всё логично.

Но Луканичев отмечает отсутствие в этих правилах требований к наличию охотничьих качеств собак. Он цитирует высказывание известного заводчика гончих В.А. Селюгина (журнал «Боец-охотник», 1934 год): «*Выставочных красивых гончих становится больше, а настоящих гонцов всё меньше и меньше. Основные причины две: увлечение выставкой, экстерьером в ущерб её полевому досугу (пример, когда держат нерабочую собаку для выставки), и гончие обращаются в «собак роскоши», как пудель,*

Чемпионы выставки пойнтеры Вермут 2186/03 и Ника 2162/02
владельца М. А. Сонояна, г. Пятигорск

бульдог и т.п.». Как видим, второй причиной Селюгин называет превращение охотничьих собак в комнатных.

Далее Луканичев приводит слова А.И. Эмке, одного из организаторов I-го кинологического съезда, судившего гончих и лаек как до революции, так и в годы Советской власти, эти слова взяты из отчёта о Вологодских испытаниях гончих 1940 года: «Полевые испытания — это проверка формации породы. Всё, что не содержит внутренних талантов и способностей, отбрасывается. Гончая, получившая высшую экстерьерную оценку и высший балл, обязана пройти испытания её внутренней структуры — без этого она не может вступить в семью заводского материала».

На основании собственного опыта и документов Луканичев делает свой вывод о том разделении на классы и том методе ведения пород, которые ныне так расхваливает Брагин: «После I съезда на протяжении 26 лет породность гончих определялась на выставках по внешнему осмотру собаки... Такова суть порочного метода племенной работы с породой гончих, принятого съездом». Заметим — всё сказанное в отношении гончих можно смело отнести ко всем породам охотничьих собак. 26 лет здесь — время от I съезда кинологов 1925 года до введения бонитировки охотничьих собак в 1951 году.

Далее, опять же на основании документов, Луканичев освещает историю введения бонитировки. Следует разочаровать господина Брагина: к борьбе с менделизмом-морганизмом бонитировка не имеет отношения, мало того, положительные результаты введения бонитировки можно объяснить только с позиций генетики. Ведь отбор производителей по качеству полученного от них потомства с учётом качеств предыдущего поколения и есть генетика в действии, её применение в практике собаководства. Так что, ратуя за отмену бонитировки, Брагин показывает себя последователем Лысенко, основа учения которого сводится к тому, что наследственность меняется под воздействием внешней среды, а не отбором производителей с нужным набором генов. Как бы ни было, бонитировка благополучно пережила и расцвет «лысенковщины» 1948—1964 годов и последующее возвращение к научным методам зоотехнической науки. Именно 60 лет работы по этим правилам позволили Брагину сегодня говорить о достижениях охотничьего собаководства России (см. цитаты, приведенные выше).

Вопрос о введении бонитировки охотничьих собак был поднят на кинологическом совещании 1947 года на основании доклада профессора П.А. Петряева «Научные основы и практическая организация племенного дела в охотничьем собаководстве СССР». Был разработан проект постановления о введении бонитировки, но на данном совещании проект не был принят.

Чемпион ирландский сеттер Барри вл. В. С. Курнакова

Луканичев приводит в своей книге выдержки из проекта. Повторим некоторые из них:

«3. Основными мероприятиями племенного дела в спортивном охотничьем собаководстве совещание считает:

а) расширение практик полевых испытаний всех пород собак;

б) устранение односторонности подбора по экстерьеру путём введения комплексной бонитировки спортивных охотничьих собак по происхождению, экстерьеру, рабочим качествам и потомству;

в) издание племенных книг охотничьих собак, соединённых с бонитировочными книгами;

г) снабжение высокоплеменным материалом случных пунктов и охотников-промысловиков в целях повышения кровности промысловых собак;

д) введение единой племенной документации.

4. Для устранения односторонности отбора и подбора собак только по экстерьеру, или только по рабочим качествам необходимо введение единой комплексной бонитировки собак по происхождению, экстерьеру, по продуктивности (охотничьи качества) и по качеству потомства».

Комментируя отрывок, Луканичев говорит: «предложения, изложенные автором проекта, были, конечно, разумны и безотлагательно необходимы». Далее он возмущается, что они не были приняты кинологическим совещанием в 1947 году (были приняты правила по докладу А.П. Мазовера, где собаки делились на 10 классов) в результате чего ещё четыре года работа велась путём отбора по экстерьеру. Далее он пишет: «несмотря на то, что консерваторам в собаководстве удалось провалить вполне разумное и необходимое положение П.А. Петряева о внедрении в воспроизводство охотничьих

собак научно-зоотехнических правил племенной работы, ... элементы разумной, комплексной оценки собак в обход установленной практики пробили себе дорогу». Окончательно бонитировка охотничьих собак была введена приказом по Главному управлению охотничьего хозяйства при СМ РСФСР от 26.5.1951 г. №87.

Как считает Луканичев, мало принять хорошие правила экспертизы — надо отстаивать их применение. Зачастую люди, ответственные за ведение пород, разными средствами подменяют отбор производителей с выдающимися охотничьими качествами отбором среди тех собак, которые хорошо смотрятся в ринге. Например, уже в 60-х годах были приняты правила проведения выставок, о которых Луканичев пишет: «Новыми правилами выставок и бонитировки за экстерьер «отлично» стали давать 40 баллов, вместо 30, а за «очень хорошо» — 30 баллов вместо 25. При этом условия стандартные пустоцветы при самых посредственных дипломах оказались на первых призовых местах выставок». Действительно, в последующих Правилах, включая Правила 1985 года разница между дипломом 1-ой и 2-ой степени составляет 5 баллов (40 и 35 соответственно), тогда как разница баллов между оценками «Отлично» и «Очень хорошо» — 10 баллов (40 и 30 баллов соответственно). В результате: имей хороший экстерьер и будешь первой по бонитировке по сравнению с более работоспособной, но менее красивой собакой. Отметим, что для гончих в 1993 году, по предложению комиссии РФОС по гончим под председательством Р.И. Шияна, вернулись к бонитировке 1951 года, это решение было подтверждено в 2005 и 2009 годах. При этом скачок баллов между дипломами I-ой и II-ой степени равен скачку между «Отлично» и «Очень хорошо». Думаю, следует такое положение распространить на все породы охотничьих собак.

В последнем интервью для РОГ Брагин на вопрос, почему произошёл раскол в охотничьем собаководстве, практически ушёл от ответа, но сказал: «А.А. Улитин, председатель правления РОРС, активно помогал Ерусалимскому в создании РКФ». Насколько я помню, при создании РКФ мнений не только охотников, но и областных обществ охотников никто не спрашивал, — просто Улитин объявил председателям правлений, что общества теперь входят в РФОС. Единственное общество, возразившее по этому поводу и отказавшееся признать такое «вступление» было Московское общество охотников. Как показали события последних лет, они были абсолютно правы, поскольку с уходом Улитина началась борьба двух организаций, и как следствие — то положение о взаимном непризнании родословных документов конкурирующими организациями, о которых говорил в вышеупомянутой статье Н. Сорокин. При вступ-

лении в РФОС не раз говорилось, что ФЦИ не вмешивается в работу национальных ассоциаций собаководов, а единственно чего от нас требуется — провести хотя бы одну выставку по правилам ФЦИ. Сейчас же устами Брагина нас в очередной раз пытаются закинуть в те правила, которые были отброшены как не удовлетворяющие потребностям российского собаководства ещё 60 лет назад.

В заключение приведу слова кандидата биологических наук, эксперта Всероссийской категории А.Г. Евреинова (статья «Из истории охотничьего собаководства» в сборнике «Охотничье собаководство. Кинология», Москва, «Товарищество научных изданий КМК», 2012 г.): «ко второй половине прошлого века в российском охотничьем собаководстве сложилась система, в значительной степени базирующаяся на зоотехническом фундаменте и полностью впитавшая в себя

тысячелетние, присущие только ей, традиции русской охоты с собаками и опыт отечественных охотников-собаководов. Основные принципы этой системы таковы: неразрывность охотничьего собаководства и охоты; единство породы, исключяющее её деление на полевою и выставочную ветви; четкая племенная направленность всех мероприятий (выводок, выставок, полевых испытаний и состязаний). В целом эта система и направленность охотничьего собаководства отвечает потребностям охотников и по ряду параметров стоит на более высоком уровне, чем в других странах». И далее: «Надо помнить, что в большинстве случаев не нам, а им (европейским собаководам — В.С.) есть чему у нас поучиться. А хранить и развивать наши традиции и сохранять нашу национальную гордость — российское охотничье собаководство — святой долг каждого российского собаковода!»

Чемпион русской гончей Бушуй вл. Л. И. Семенчук, г. Орел

Бенелли

А. БЛЮМ

Если в любом оружейном магазине задать вопрос покупателям или просто любопытным, какие магазинные и самозарядные ружья они знают, то среди других названий из уст большинства наверняка прозвучало бы — Бенелли. Действительно, популярность этих ружей велика, их знают во всем мире, они нередкие гости и в наших магазинах. Мы хотим познакомить читателя с историей возникновения этой фирмы и некоторыми выпускаемыми моделями.

Оружейная фабрика Бенелли находится недалеко от Урбино, города, историческое прошлое которого неразрывно связано с традициями конструирования военного оружия. Город, с его кирпичными строениями и дворцами, великолепный пример эпохи Возрождения, лежит на двух холмах между долинами рек Фолья и Метавуро. Окруженный древними средневековыми стенами, он расположился вокруг грозного, но элегантно замка-дворца Дукал.

Сейчас Урбино знаменит на весь мир не только великолепием своих замков и работами великих художников, майоликой эпохи Возрождения и искусством гравировки, но также оружием, которое когда-то изготавливалось или гравировалось здесь. Это боевое оружие выставляется во многих музеях мира, оно уникально и бесценно.

Город Урбино привлекал в свои стены не только великих художников того времени, но и лучшие умы эпохи Возрождения в различных сферах деятельности, включая баллистику огнестрельного оружия. Однако древние ремесленники не ограничивали себя только производством оружия. С XVI и до XVIII вв. ремесленники и более квалифицированные рабочие основали и развили производство специальных станков и механизмов, используемых, кроме всего прочего, также для производства часов, компасов и других точных инструментов.

В 1911 г. семья Бенелли основала Общество Братьев Бенелли в Пезаро и фабрику по производству мотоциклов, велосипедов и грузовиков. С начала своего основания фабрика заняла лидирующее место в отрасли. В 1923 г. мотоциклы производства братьев Бенелли начали участвовать в мотогонках и выиграли множество призов, благодаря качеству и высоким стандартам производства.

Но интерес семьи Бенелли к точной технике не ограничивался только мотоциклами. В 1920 г. Джованни Бенелли сделал сам, деталь за деталью, красивейшее горизонтальное двуствольное ружье с внешними курками, верхним

запиранием Гринера и стволами из крупновской стали. В 1941 г. Джованни тоже сам изготовил первый экземпляр полуавтоматического ружья двенадцатого калибра со ствольной коробкой из сплава легкого алюминия и ореховой ложей английского типа. Его автоматика работала на принципе использования отдачи и, по существу, повторяла систему Браунинга, но с модернизацией некоторых деталей, которые были защищены патентами. В частности, это ствольная коробка, кольцо-регулятор, возвратная пружина цевья, конструкция предохранителя.

Вскоре Джованни Бенелли делает идентичный аналог, но 16 калибра. Оба ружья не пошли в производство, т. к. в это время все ресурсы и исследования были полностью направлены на производство мотоциклов. Но интерес семьи Бенелли к оружию не был исчерпан двумя этими проектами, он просто оставался в стороне некоторое время, пока в 60-х гг. XX века техник из Болоньи не представил им проект полуавтоматического ружья 12 калибра с заметно измененной кинематикой. Эта новая модель послужила толчком для строительства Бенелли нового современного завода в Урбино и организации Оружейной компании (общества) Бенелли.

Инновации не всегда являются результатом труда исследователей, иногда что-то новое открывают простые, но талантливые рабочие, зачастую интуитивно. Компания Бенелли не существовала бы, если бы Бруно Чиволани, в начале 60-ых годов прошлого века, не придумал автоматический

дробовик, работающий на основе инерционной системы отдачи. («Автоматический» — выражение не совсем точное, под ним чаще всего понимают возможность стрельбы «очередями», как из автомата, относящегося к стрелковому оружию. В данном случае это название обозначает только автоматическое перезарядание, но каждый выстрел производится отдельным нажатием на спусковой крючок. Поэтому оружие такого типа правильнее называть полуавтоматическим или самозарядным (*Прим. ред.*). Как часто происходит с новинками, вступающими в конфликт с традициями и имеющимися технологиями, проект Чиволани некоторое время пылился на полке, не принятый солидными производителями оружия. Но благодаря братьям Бенелли, которые поверили в революционность этого проекта, это автоматическое ружье заняло лидирующие позиции на мировом рынке. Прежде чем приступить к более подробному описанию, следует сказать несколько слов об оригинальности кинематики Бенелли в сравнении с предыдущими автоматическими системами. Раньше автоматические ружья использовали только две системы автоматического перезарядания, одну, основанную на энергии отдачи, и вторую, с помощью отвода газов.

С механической точки зрения ружье Бенелли — совершенно другое оружие. Оно не использует газовый движитель, но его ствол остаётся неподвижным при стрельбе. Косвенно, оно тоже использует кинетическую энергию отдачи: сначала оно сохраняет её в энергии мощ-

ной пружины, потом использует реакцию этой пружины, чтобы провести перезарядку (выбросить пустую гильзу движением затвора назад, взвести ударник (курок), сжать возвратную пружину, запереть затвором новый патрон в стволе). Ствол казенной частью упирается в цилиндрическую полость стальной ствольной коробки, куда заходит затвор. Так как ствольная коробка имеет поддерживающую функцию, она может быть сделана из сплава алюминия без уменьшения прочности ружья. Секрет ружья Бенелли состоит в затворе, состоящем из трех основных частей: внешней — полового цилиндрического тела с большой массой; цилиндрической головки внутри; сильной пружины между запирающей головкой и наружной частью. Головка затвора поворачивается вокруг продольной оси, плотно прилегает к неподвижному стволу и запирает патронник при помощи фиксирующего рычага. Во время выстрела тяжелая задняя часть затвора, подавшись вперед, сжимает пружину и одновременно освобождает фиксирующий рычаг. Далее пружина делает свое дело: открывает затвор, экстрактирует гильзу, взводит курок и досылает новый патрон в патронник. Как утверждает реклама, первая модель Бенелли является самой быстростреляющей в мире.

Стволы для первых ружей Бенелли

делали во Франции в Сент-Этьене с использованием температурной ковки. Канал ствола сначала проходит хонингование и позднее его хромируют. Чок доводится после наложения хрома, чтобы избежать возможного эксцентриситета или овализации. Ствол имеет 70-ти миллиметровый патронник и общую длину 70 см. Мушка зафиксирована. Пятизарядная модель со стальной ствольной коробкой и вентилируемой планкой весила 3,5 килограмма, а четырехзарядная суперлегкая модель со ствольной коробкой из лёгкого сплава весит не более 2,9 кг.

Первые экземпляры были очень чувствительны к патронам, автоматика могла не срабатывать как от очень легких зарядов, так и от усиленных. Сейчас же некоторые образцы 12 калибра могут стрелять патронами и с 24, и с 55 граммами дроби. Структура современных Бенелли модифицирована по сравнению с описанной выше.

По утверждению специалистов фирмы Бенелли, основные преимущества конструкции заключаются в скорострельности, неприхотливости в обслуживании, надежности работы автоматики разными патронами и отличном балансе.

В конце XX в. на основе базовых моделей, работающих по схеме, описан-

ной выше, которые известны под индексами 121 SL 80, 123 SL 80 и Special 80, были разработаны и пошли в производство новые варианты ружей Бенелли. Наиболее известны из них «Экслюзив», «Рафаэлло» — 12 калибра; «Монтефелтро» — 12 и 20 калибра; «Супер 90», «Масино 90», «Блек игл» — 12 калибра, а также «M1Супер 90», «M3 Супер 90». Конструктивные отличия моделей между собой небольшие. Любая из выпускаемых моделей может быть снабжена дополнительными стволами различной длины и с разными дульными устройствами. Среди выпускаемых образцов есть и такие, которые предназначены для левшей, окно для выброса стреляной гильзы у них расположено слева.

Картина будет не полной, если не сказать, что сравнительно недавно монополия гладкоствольного оружия в фирме оказалась нарушенной, так как была изготовлена партия самозарядных нарезных карабинов. Все они называются «Argo». Правда, большого разнообразия в калибрах не замечено. Делают их под патроны .300 калибра (западный вариант кал. 7,62) — .308, .30-06, .300 Winchester Mag. Конструкторы Бенелли пробуют себя и в спортивном оружии. Разработано несколько моделей спортивных пистолетов разных калибров, и в том числе пневматических.

С полуавтоматом «RAFFAELLO LUXE» на охоте и стенде

Виктор ГУРОВ

Сегодня и не вопрос, с каким оружием идти на охоту. Арбалет, лук, стрелы — все это из ряда экзотических. Только ружьё. По признанию С.Т. Аксакова: «Ружьё, напротив, добывает всё: зверя, птицу, даже рыбу, и во всех положениях: сидящих, стоящих, бегущих и летящих. Никакая быстрота полёта и бега не спасают от ружья. Без всяких преувеличений и фраз можно сказать, что ружьё — молния и гром в руках охотника и на определённом расстоянии делает его владыкой жизни и смерти всех живущих тварей». Производители предлагают ружья одноствольные, двуствольные со стволами, соединёнными в горизонтальной или в вертикальной плоскостях с одним или двумя спусками и самозарядные, автоматика которых работает на энергии отдачи или энергии части отводимых пороховых газов. Ружья выделяются с постоянными или сменными дульными устройствами.

В 1986 г., купив МЦ21-12, я стал «автоматчиком» и поклонником самозарядных ружей. Мне повезло. Автоматика работала надёжно. Но время шло, и технический прогресс не сто-

ял на месте. В продаже появились газоотводные ружья, и я обзавёлся симпатичной, но капризной тулячкой ТОЗ-87. Пришлось продать. Купил полуавтомат «Германика». Хорошее ружье, но до МЦ21-12 ему далеко. Видите ли, некоторые российские капсюли оказались не по «зубам», «пережил» две поломки, которые в ремонте обошлись в половину стоимости ружья, и с удовольствием от него избавился. С пристрастием присматривался к детищу ИЖМЕХ МР-153. По всем признакам ружье надёжное. Это про него сказано — то, что сделано по-русски не боится перегрузки. Но внешний вид! Внимательно просмотрев книгу Жана Бертон «Охотничье оружие мира», я обратил внимание на самозарядные ружья компании «Бенелли Арми». Компания каждую модель выпускает в группе модификаций с собственным именем и в разнообразном исполнении. Их много. Поэтому назову лишь базовые варианты ружей 12 и 20 калибров.

Группа ружей 12 калибра «Рафаэло» названа в честь великого художника Рафаэля, уроженца г. Урбино, где и размещена компания «Бенелли Арми». Ружьё модели «Супер Блэк Игл» 12 калибра выделяется с патронником 89 мм. Ружьё допускает стрельбу патронами с навеской свинцовой дроби от 24 г (для спорта) и до 56 г (для охоты), а также и со стальной дробью. В этом ружье можно применять патроны и с короткой, по сравнению с патронником, гильзой. Все механизмы при выстреле работают нормально. Но следует иметь в виду, в этом случае возможны изменения в кучности и резкости боя из-за прорыва пороховых газов между обрезом гильзы, пыжом и переходным конусом.

Компания «Бенелли Арми» серийно выпускает ряд моделей для охотников-левшей, это «Супер 90», «М1 Супер 90» и «Супер Блэк Игл». Окно для выброса стреляющих гильз и рукоятка затвора расположены с левой стороны ружья. Компания выпускает ружьё модели «М3 Супер 90» 12 калибра с многофункциональным механизмом перезарядки (с переключением на помповый режим). Компания «Бенелли Арми» недавно предложила самозарядное ружьё «Винчи-760» (названное в честь Леонардо да Винчи), разработанное с учётом пожеланий российских охотников. Ружьё комплектуется стволом длиной 760 мм, двумя сменными магазинами ёмкостью 3+1 и 7+1 патронов и приспособлением для крепления оптического прицела. Небольшую группу составляют ружья 20 калибра модели «Монтефельтро», названная в честь правителя г. Урбино в 15 веке. Таков основной перечень моделей ружей компании «Бенелли Арми», которые можно встретить в наших охотничьих магазинах. В общем, есть из чего выбирать. Внимательно к ним присматриваясь на стенде и охоте, я остановил свой выбор на

ружьё «RAFFAELLO DE LUXE» и с 2008 г. охочусь и стреляю на стенде из этого ружья.

Общее устройство

Калибр 12/76, масса ружья около 3,3 кг, длина ствола 760 мм. Крышка ствольной коробки съёмная, что обеспечивает лёгкость доступа для чистки и смазки УСМ (ударно-спусковой механизм). Ружьё укомплектовано пятью ввинчиваемыми насадками с различными сужениями от цилиндра и до полного чока — 1,0 мм. В дополнение к ним прикупил ещё и насадку, удлиняющую ствол на 100 мм. Отличительной особенностью этих ружей является механизм перезарядки. Он инерционного типа. Так как с полуавтоматами я охочусь с 1986 г., то хорошо их изучил, и накопился некоторый опыт в их эксплуатации. Охотникам, пожелавшим купить полуавтомат, следует иметь в виду, что ружья с подвижным стволом тяжелее, так как их детали и механизмы рассчитаны на большую механическую нагрузку. Энергия отдачи у них более растянута по времени и не так жёстко ощущается. Правда, лягз ствола и затвора некоторым действует на нервы.

Газоотводные ружья легче, но у них больше деталей, к тому же необходимо следить за чистотой не только ствола и УСМ, но и газоотводного устройства. Нередки случаи, когда об острые края газоотводных отверстий застревают свинцовые дробинки (если снаряд дроби не в контейнере) и полиэтиленовый пыж-концентратор. Эти частицы оплавляются и забивают газоотводные отверстия. По этой причине могут быть отказы в работе автоматики. По точности боя, конечно, выигрывают ружья с неподвижным стволом. Ружья компании «Бенелли Арми» отличаются небольшой массой, простотой устройства (разбираются без инструментов), прочностью и оригинальностью работы автоматики, основанной на

инерционном принципе действия затвора. Эти ружья обладают несомненным достоинством — высокая скорость срабатывания затвора в сочетании с точным боем, отсутствие газоотводных отверстий в стволе, что превратило их в предмет увлечения охотников и спортсменов многих стран.

Оригинальный инерционный затвор для самозарядных ружей компании «Бенелли Арми» в середине 1960-х годов предложил механик Бруно Чиволани. Однако инерционный принцип работы автоматики впервые был разработан и воплощён в ружье шведского инженера Акселя Шёгрена, а к производству таких ружей предприятие в Стокгольме приступило в 1907 г. Инерционный затвор в ружьях «Бенелли» размещён под крышкой затворной коробки и состоит из следующих основных деталей: поворотной личинки с двумя боевыми упорами, массивного остова затвора, инерционной пружины, бойка с пружиной и хвостовика. Затвор собран на шпильках, его можно, при необходимости, разобрать для чистки и ремонта.

Работа частей и механизмов

При движении затвора в крайнее переднее положение под воздействием возвратной пружины, расположенной в ложе (у Винчи-760 в ствольной коробке), досылается патрон в патронник, личинка поворачивается и своими боевыми упорами входит в выточки муфты ствола и запирает его. Между личинкой и остовом затвора остаётся зазор за счёт инерционной пружины. При выстреле под действием энергии отдачи задняя часть затвора в силу инерции продвигается вперёд примерно на 4 мм, сжимает инерционную пружину, находящуюся между телом затвора и личинкой. Личинка проворачивается и происходит отпирание канала ствола. С окончанием действия импульса отдачи инерционная пружина разжимается и с си-

лой отбрасывает затвор в крайнее заднее положение. Это происходит только после того, как снаряд (пуля или дробь) покинет ствол. При этом извлекается стреляная гильза и взводится курок. Возвратная пружина подаёт затвор вперёд, тот, двигаясь, подхватывает очередной патрон, досылает его в патронник и надёжно запирает ствол. Ружьё готово к выстрелу. Весь цикл перезарядки осуществляется при минимальном значении кинетической энергии для патронов 12 калибра, равной 180 кгм, для 20-го — 125 кгм.

Все детали и узлы ружья, включая ствол, затворную коробку, затвор, ложа изготовлены на современном оборудовании с высокой степенью точности, что обеспечивает возможность их замены запасными частями и механизмами без всякой дополнительной обработки и подгонки. Стволы изготавливают из легированной стали холодной ковкой. Упрочнены и допускают стрельбу патронами «магнум». В ружьях предусмотрена быстрая замена патрона. Для чего в УСМ имеется рычажный отсекаТЕЛЬ патронов. Хвостовик отсекаТеля выведен снизу в прорезь затворной коробки у предохранительной скобы и включается нажатием пальца. Он также служит указателем взведения боевой пружины и курка. Ответственные детали изготовлены из специальных сортов легированной стали с добавками никеля, хрома, молибдена и вольфрама. Для уменьшения массы некоторых деталей применяется сплав «эрлан» на основе алюминия.

Стрельба на стенде и на охоте

Ружьё познаётся в стрельбе. Поэтому после покупки отправился на стенд. Так как я мастер спорта по стендовой стрельбе, то работу частей и механизмов проверил стрельбой на круглой площадке с насадкой «цилиндр». Тарелочки бились чётко. Из 15 были поражены 11 мишеней. Ружьё работало как швейная машина. Я и сегодня продолжаю выступать в соревнованиях с этим ружьём. Так что проблем у меня в привыкании к ружью не было. Несколько слов о балансе и посадистости. Даже со снаряженным магазином ружьё удобно лежит в руках. Конечно, это не двустволка. Проверил стрельбой по 100-дольной мишени на дистанции 35 м стандартными патронами с дробью № 5. Кучность 62%, резкость боя — отменная. Стрельба пулями Полева-3 меня несколько разочаровала. Поперечник рассеивания пуль на дистанции 50 м составил 26 см. Выдающихся отличий в бое ружья я не заметил. Предпочитает патроны заводского снаряжения. Утки, гуси, зайцы поражались надёжно соответствующими номерами дроби на разумных дистанциях.

Весною гуси добывались патроном «магнум» на дистанции до 55 м, а самокрутным, снаряженным в гильзу длиной 76 мм с порохом «Сокол» 2,35 г, навеской дроби №1 и «0» в 38 г, поме-

щённой в пыж-концентратор и пересыпанной 2 г крахмала, до 60 м.

Так как ружьё лёгкое, то частая стрельба патронами «магнум», особенно в летнее время, становится трудно переносимой, да и «убивает» его. Зимой и летом пользуюсь смазкой WD-40. Некоторые охотники «обвиняют» полуавтомат в «прожорливости». Эти обвинения несостоятельны. Всё зависит от стрелковой подготовки охотника и его культуры охоты. О себе могу сказать, что на добычу одной утки в среднем тратю не более 1,5 патрона. Наличие в магазине 3-х патронов освобождает от «тревожной» мысли: «Вдруг и вторым выстрелом промажу», особенно по подранку. На вопрос «Как ружьё?» Шутливо отвечаю, ружьё всем хорошо, но имеет один «недостаток»: ни разу не было задержек. А если серьёзно, то есть и замечания. Не совсем удачно подобраны антабки. Они громоздки, царапали приклад и ствол. Пришлось заменить.

В заключение хочу сказать, ставить вопрос, какое ружьё лучше — не совсем логично. Это мы, российские охотники, привыкли иметь одно ружьё на все виды охоты, да ещё такое, чтобы оно верно послужило и сыну, и внуку. К сожалению, универсального ружья в мире не существует. Поэтому не следует рассчитывать, что МЦ21-12, МР-153 или «Раффаэлло» 12 калибра заменят обыкновенную двустволку. Они созданы для взаимного дополнения. Со временем сами поймёте, какое ружьё вам требуется. Как сказал поэт — опыт сын ошибок трудных.

Перед охотником, решившимся купить самозарядное ружьё, встаёт вопрос: «Какое самозарядное ружьё лучше — отечественное или импортное?» Как ответить на этот вопрос? Я неодно-

кратно говорил и ещё раз скажу — это дело вкуса и пристрастий. По бою отечественные полуавтоматы не уступают зарубежным. Конечно, импортное самозарядное ружьё выглядит элегантно, выполнено более тщательно, поэтому и задержек при стрельбе бывает меньше. Но тут подстерегают другие сложности. К примеру. Из МЦ21-12 можно стрелять порохами «Сокол» и «Сунар». Импортному подавая патроны с быстрогорящими порохами, иначе будет лететь искры из ствольной коробки. Боёк МЦ21-12 пробивает любые капсюли. А импортным ружьям больше по «вкусу» «Евростандарт». В случае поломки отечественного ружья, деталей можно найти в магазине или выпилить с завода. Её также можно заказать и в оружейной мастерской. С поломкой же импортного ружья намаяешься. Если вы решили купить ружьё, то следует «крепко» подумать, какое ружьё больше по душе — самозарядное, автоматика которого работает на использовании энергии отдачи или части отводимых пороховых газов, или инерционного типа. Прикинуть на какую дичь вы собираетесь охотиться, в какой местности и в какое время года. Активно будете предаваться охоте или только эпизодически выезжать с компанией «оттянуться» на природе и «блеснуть» ружьём. Выбирая ружьё, надо рассчитывать на кошелёк и свои физические возможности, а также определиться с калибром ружья. Мой совет, только 12-й, желательно, чтобы патронник был не менее 76 мм. И не для того, чтобы «валить» дичь патроном «магнум» на сотню метров, а потому, что рано или поздно, но Россия откажется от применения свинцовой дроби и мы перейдём на дробь экологически чистую.

Капканы медвежьи

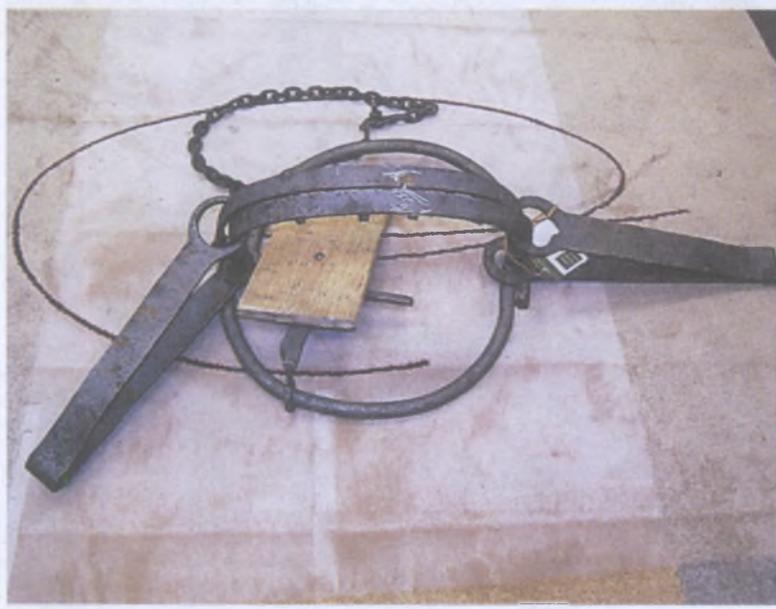

Сергей Александрович Кириллов

Самоловный промысел гораздо старше ружейного. Ловчие ямы, всякие давилки, петли и прочие изобретения обеспечивали наших предков многими необходимыми для жизни вещами. Прошло много, много лет, прежде чем сначала умельцы, а потом и заводы начали выделывать стальные капканы. Капканы делились на размеры. Мелкими капканами ловили всякую пушную мелочь от горностая до куницы и соболя, а большой использовали для отлова волков. Но, как известно, волк не самый крупный зверь нашей фауны. Из хищников крупнее волка только медведь. Промышленность никогда не выпускала медвежьи капканы. Однако медведя капканами ловили, и особенно добыча медведей капканами была распространена в Архангельской, Вологодской, Вятской и других северных губерниях. Зверь огромной силы и размеров, какой же нужен капкан?! Изготавливали такие капканы местные кузнецы-умельцы и весил он не меньше 10 кг. Устанавливали их на медвежьих тро-

пах, на выходах на овсяные поля. И обставляли такой капкан всякими сигнальными знаками, чтобы предупредить нечаянного человека о смертельной ловушке. Давно ушёл в прошлое капканный лов медведя. Теперь медвежий капкан повсеместно запрещён к использованию. И вряд ли кто из современных любознательных охотников увидел бы этот самолов, если бы не охотники-коллекционеры. Увлечения бывают разные, а Сергей Александрович Кириллов собирает медвежьи капканы, он находит их у старых охотников в лесных вологодских деревушках. В его коллекции больше двух десятков капканов, все они в рабочем состоянии, только на медвежьих тропах им уже не стоять никогда. Сергей Александрович не просто коллекционер, он начальник Департамента по охране окружающей среды Вологодской области, умелый и опытный охотник, и пополняет свою коллекцию, бывая в рабочих командировках в самых отдалённых районах своей области.

А. БЛЮМ

Здравствуйте, дорогая редакция моего любимого журнала "Охота и охотничье хозяйство"!

Пишет Вам молодой охотник из Башкирии. Искренняя любовь к родной природе и охоте проявилась во мне благодаря моему дедушке и вашему замечательному журналу.

Мой дедушка, Мансуров Раис Ахметханович, более 40 лет проработал егерем в лесхозе. Активная пресекая акты браконьерства, помогая молодому поколению охотников, пропагандируя правильную охоту — мой дедушка стал для меня объектом гордости и образцом настоящего патриота своей Родины, родной природы. Практически с самого начала основания вашего журнала дедушка начал выписывать его. С той поры много времени прошло, теперь ваш журнал выписываю и я.

К сожалению, в декабре прошлого года мой дедушка скончался из-за продолжительной болезни. Но в моем сердце и в сердцах родных он останется навсегда истинным человеком природы.

P.S. Я прилагаю фотографию моего дедушки — Мансурова Раиса Ахметхановича, полученную из Российского государственного архива кинофото-документов (об этом я узнал два года назад. Никто до этого, включая дедушку, не знал, что его две фотографии хранятся в Российском архиве). Я очень прошу вас опубликовать мое скромное письмо с фотографией в конце журнала.

Получив сентябрьский номер журнала, я прочитал ваше информационное письмо об открытии подписки на 2014 год и это меня побудило написать вам это письмо. Ваш журнал является моим самым любимым журналом о природе, охоте, о людях, которые всем сердцем любят Природу. Я смотрел многие журналы об охоте, но после "Охота и охотничье хозяйство" я даже брезгую брать их в руки, так как информация, которую преподносит ваш коллектив и коллектив любого другого издания, это как день и ночь. Русский язык, на котором печатается ваш журнал, я бы поставил за образец, так как на фоне средств массовой информации, где идет тотальное грубое упрощение нашего родного русского языка, Наш (не побоюсь этого слова) журнал является неким островком пра-

Р. А. Мансуров

вильного, грамотного русского языка. А информация — очень интересной, очень полезной.

Как приятно взять ваш журнал в руки и уйти в чудесный мир Природы и охоты. Чтение вашего журнала является для меня отдыхом.

Уважаемая редакция! Вы всегда были для меня непоколебимым авторитетом. Хочется высказать Вам огромную признательность и благодарность за Ваш труд, а также пожелание: никогда не изменять тот формат, в котором в данный момент существует журнал и почти всегда существовал. Оставайтесь всегда "Охота и охотничье хозяйство"!

Из той части рекомендаций, которые Вы высказали в конце номера, то я бы снова с удовольствием прочитал такие рубрики, к примеру: Знаменитые ружья, История знаменитых ружей, конечно же, включая и отечественные ружья, а также вспомнить записки знаменитых охотников-классиков.

ИСЛАМОВ Данил, 26 лет,
Башкирия

Здравствуйте, уважаемая редакция. Пишу вам с просьбой поздравить моего отца с 55-летием, который является вашим подписчиком уже очень много лет.

Мой папа — Сафин Владимир Ру-

стэмович, 11 апреля 1959 г.р., истинный охотник, так сказать, «до мозга костей». Вырос он в деревне Вознесенские Ленинградской области. Уже с ранних лет отец брал его с собой в лес, обучал повадкам животных, учил правильно ориентироваться на местности, ставить капканы, заряжать патроны, рассказывал интересные и поучительные истории из жизни охотников. В школьные годы мой отец уже самостоятельно ходил в лес с ружьём. И сейчас, сидя у костра в лесу, он часто рассказывает истории, как в детстве с товарищами охотились на уток, зайцев, белок и других животных.

Меня также отец приучил к этому ремеслу с юных лет. Большое количество незабываемых, прекрасных охот провёл я под его руководством, много интересных фактов узнал я о жизни в лесу.

В. Р. Сафин

Вот уже более 10-ти лет мой отец работает егерем. Сейчас за ним закреплён большой участок охотничьих угодий Подпорожского общества охотников и рыболовов, а это ежесезонный нелёгкий труд, а также мужская выдержка, без которой в данном деле не обойтись.

Хочу пожелать ему долгих лет жизни, крепкого здоровья и успехов во всех начинаниях!

Старший сын Руслан!

Уважаемые читатели нашего журнала!

Мы регулярно получаем от вас и читаем ваши письма, в которых вы рассказываете о своей жизни, увлечениях, делитесь наблюдениями за природой своих мест, описываете сложившуюся в ваших регионах обстановку с охотой, часто просите поздравить ваших близких со знаменательными датами и в свете этого редакция обращается к вам со следующей просьбой; если письма не напечатаны, то, пожалуйста, обращайтесь внимание на почерк, пишите разборчиво, чтобы редакторам не приходилось гадать, какая написана буква и что означает то или иное неверно прочитанное слово. И о фотографиях. Для поздравлений старайтесь присылать чёткие, качественные фотографии, желательно на фоне природы или охоты, особенно это касается лиц людей — они должны быть узнаваемы и хорошо видны. Ждем ваши письма. Пишите!

Редакция

Вадиму Борисовичу Чернышеву – 85 лет

Желаем нашему дорогому автору крепкого здоровья и удач в творчестве и на охоте!

Как же быстро мелькают листки на жизненном календаре! Казалось бы, совсем недавно мы отмечали круглую дату в жизни Вадима Борисовича Чернышёва, а в нынешнем апреле давнему и сердечному другу нашего журнала исполнилось 85 лет. И почти пятьдесят из них он посвятил творческому сотрудничеству с «Охотой и охотничьим хозяйством».

Сегодня Вадим Борисович — один из старейшин писательского цеха литературной России, а в литературе охотничьей — настоящий патриарх. Многие десятки рассказов, очерков и статей об охоте уже давно стали богатым наследством для российских охотников, и не одно поколение хранит в памяти и чтит имя своего замечательного собрата.

По сей день Вадим Борисович частый и желанный гость редакции «Охоты и охотничьего хозяйства». Человек душевный и открытый, он не только в своём творчестве, но и в обыденной жизни несёт людям добро и свет.

Привыкший к каждодневному труду и чуждый праздности, Вадим Чернышёв никогда не сидит, сложа руки. Совсем недавно вышли две его прекрасные книги — сборник избранной прозы «Закон избушки» (2010 г.) и энциклопедия «Большая книга охотника» (2011 г.). Лучшего подарка для любого охотника, чем эти два превосходно изданных тома, вряд ли можно придумать.

Данью памяти своему старшему другу и литературному учителю стала книга И.С. Соколова-Микитова «Возвращение» (2010 г.), составленная и подготовленная к печати Чернышёвым. Он и сегодня занят кропотливым трудом, — приводит в порядок свой большой творческий архив с многолетними записями, заметками и наблюдениями на охотничьих и житейских тропах. Иногда они складываются в рассказы о прошлом и настоящем.

О природе и охоте

В. Чернышев. Из записных книжек

Мне теперь не вспомнить, что побудило меня завести записные книжки — не те, где адреса и телефоны — а для записи того, что привлекло моё внимание, подивило меня и napросилось запомниться. Это было давно, в 1952 году, когда я был студентом и еще не знал совета Николая Васильевича Гоголя: «Человек пишущий так же не должен оставлять пера, как живописец кисти. Пусть что-нибудь пишет непременно каждый день. Надобно, чтоб рука приучилась совершенно повиноваться мысли». А я не был «пишущим человеком» — скорее «человеком чертящим», потому что учился в Ленинградском Кораблестроительном институте и в основном имел дела с чертёжной доской, рейсшиной и кохиноровскими карандашами. Но в школе, однако, любимыми предметами у меня были русский язык и литература. А после того, как в 5-м классе нам было предложено написать сочинение на свободную тему о «чём угод-

но» и я написал свой первый рассказ, мне на всю жизнь запомнилось то горячее, почти восторженное состояние, которое меня захватило при письме, я «вкусил отраву творчества», и она надолго засела во мне. Сочинение было зачитано в классе и учительница Нина Платоновна (царствие ей небесное!) предрекла мне быть поэтом, на что я очень обиделся, потому что это ассоциировалось у меня с фигурой поэта Пьеро, subtilным персонажем сказки про Буратино и золотой ключик, тогда как я, как все мальчишки моего возраста во время войны — шёл 1942 год, — уважал силу и представлял себя мужественным воином. Но обида прошла, а «отрава» осталась и меня подмывало снова когда-нибудь испытать восхитительное состояние творчества, что я, конечно, таил, считая мечту недостижимой, тем более в стенах «сухой» «корабелки». Однако вышло как-то само собой, что в записной книжке, наряду с указаниями охотбаз,

расписанием электричек и именами егерей (я держал под койкой своего студенческого общежития двустволку и продолжал, со школы, охотиться), появилась запись про невский ледоход с Ладоги. Для питерцев это волнующее событие. Зрелище ледохода всегда было одним из любимых у русских людей. Родившийся на Волге, я не раз видел, как великая река взламывает лёд. Там это сопровождалось шумом и грохотом громоздившихся льдин, подвляло разгулом пробудившейся стихии. Но в Питере, как приличествует европейскому городу, ладожский лёд шестуется по Неве степенно. Жить в этом городе после института я не предполагал — в самом деле, почему бы не оставить о ледоходе памятную запись? Ведь есть люди, рисующие «для себя», поющие «для себя», можно ведь сделать и запись «для себя», единственного читателя.

Она небольшая, я приведу её полностью, поскольку и дальше речь пой-

дёт о природе. И об охоте, всегда связанной с природой.

«На Неве хрустальные звоны: идёт ладожский лёд. Большие белые льдины неудержимо идут к морю, теснясь и ломаясь под мостами. Торжественно-тиха потемневшая вода, помрачнело, сузилось небо, пробитое жиденьким лучом солнца. Интересно бы увидеть первое проявление этой могучей силы, взломавшей огромную Ладогу и пустившей в Неву девственно-чистые, отличные от городских задымлённых невских льдин, обломки ладожского обширного ледяного поля, как грандиозен должен быть ледолом, если и сейчас идущие в гранитных берегах притихшие, обкрощившимися от борьбы льдины представляют величавую, волнующую своим неудержимым движением картину. Над синей водой, чётко их отражающей, пролетают чайки, садятся на краешки льдин, любуются своим отражением, кричат резко и горделиво от сознания красоты своего белоснежного изваяния, плывущего по свинцово-голубой, контрастно подчёркивающей его белизну, воде. Выносящие в море тростник, расплывшиеся звериные следы льдины рождают чувство очищения от чего-то накопившегося долгой зимой, и на ледоход можно смотреть часами, как на всякое движение в природе — течение воды, пляску огня... В городе от ледохода на Неве сразу стало свежее, пришли морозы, сопутствующие последнему, так величаво проявляющемуся в Ленинграде, обряду зимы. Мимо застывших в граните берегов, мимо удивлённо заглядевшихся в реку дворцов плывут лебедями, позванивая, льдины, неся свежий холодок, и на последней льдине придёт тёплая Зелёная Весна, сойдёт неслышными шагами в город, пойдёт буйно в рост скромная городская зелень и затокует снова присмиревшие от похолодания воробьи... 1952 г.»

Так справочная книжица превратилась в записную, за которой, уже в таком качестве — «лёд тронулся» в буквальном смысле, — сами собою, явились вторая, третья, четвёртая... Сейчас их пока двадцать семь. В них всякое накопилось за шестьдесят с лишним лет — и сиюминутной пустяковины вплоть до анекдотов, и собственных взглядов на происходившее в обществе, и таких записей, из которых со временем выросли рассказы и очерки. Здесь будут выбраны записи согласно профилю нашего журнала. Для публикации они, написанные на скорую руку, требуют, конечно, некоторой правки. Я буду это делать как можно меньше. Не судите их строго — всё-таки они родились для «внутреннего пользования». Итак — записи...

* 1952 г. Прохожу утром невскими набережными, напрасно ищу в бездонном небе птички стаи: это обманывают крики чаек с Невы, они кажутся исходящими сверху. По мельчайшим проявлениям весны в городе стараюсь

представить её движение там, за городом, где её явление — событие. Прямо под ноги бесстрашно падают токующие воробьи, самцы сцепляются, топорщась, в драке, потом сильнейший гонится за более слабым, летят, вилкая меж стволов, там, где пролетит первый, обязательно проследует и второй. Даже скучные городские признаки весны рожают ожидание чего-то хорошего, нового, это чувство радуется, и с улицы уходит не хочется.

Первый весенний дождь-шептун. Эти тёплые неслышные капельки — конец снегу и льду на озёрах, начало Зелёной Весны. Утро встало ласковое, с нежными размытыми красками и неярким кротким солнцем на влажном небе. Как давно это было, вспомнившееся чем-то неуловимым сегодняшним, то утро в каширинском берёзовом лесу, когда такое же вставало солнце, неяркое и тёплое, дробилось в ветвях на десятки лучей, было тихо, пахло парной землёй и клейкими листочками, размером с ноготь, родившимися под дождь. Помню, я стоял тогда не дыша, стараясь услышать, как прущая в рост трава поднимает прошлогодние листья и шуршит ими.

* 24.4.52 г. Слышал ночью писк летучих мышей — значит, в воздухе много насекомых, а раз так — будет тепло.

* 18.6.52 г. Плавательная практика на базовом тральщике Т-029 («Павлин Виноградов»), Балтика, район о. Эзель. В открытом море — и вдруг град. Измотавшийся, выбившийся из сил. С трудом нагнал корабль, растрёпанный, жалкий, с утерянными в крыльях перьями, несколько раз безуспешно пытался сесть на крутившуюся антенну радиолокации. Сел наконец, за тих. Его турнули. Снова погнался за кораблём. Уловчился сесть. Тогда с мостика кто-то выстрелил в него из ракетницы. На него налетели две чайки. Отчаянно маша крыльями, не теряя надежды нагнать корабль, он немело отбивался от их ударов. Жесткие красавицы, хозяйки в своей стихии! Нагнал, сел, прикрываясь стержнем антенны, долго отряхивался, тряс крыльями и замер, нахохлившись. Жалко было его, первого вестника весны, случайно здесь оказавшегося... Когда увидел землю, оживился, закрыл беспокойно носом — и улетел с моим пожеланием счастливого пути.

* Калмыцкие степи, 58-й год. Сайгак всегда при погоне за ним норовит вывернуть и пойти против ветра — так ему легче, видимо. (Штраф за него — 500 р.)

* Как, должно быть, страшно в степи русаку при сильном ветре, когда на него вдруг неожиданно и неслышно накатываются косматые кусты-шары перекати-поля.

* Как это красиво: изморозь на краснотале, и всё в седеньком тумане.

* Лес — с ушами, степь — с глазами (марийская поговорка).

* Камчатка. 59 г. Сугроб — на срезе дороги, расчищенной бульдозе-

ром, — как обрывистый берег, слоями: можно подсчитать по слоям, сколько было за зиму пурга, а по толщине слоёв определить их продолжительность.

* Всегда, присмотревшись, можно увидеть даже в обыденном что-нибудь новое. Никогда не видел такого у лягушек: одиночный самец сидит в засаде под берёжком и, увидев проплывающих мимо двух лягушек, одна на другой, кидается и начинает стаскивать самца-«наездника». Тот, уцепившись накрепко передними лапками, с силой отталкивает задними напавшего, что большей частью ему удаётся, и неудачник опять удаляется в засаду ждать более счастливого случая.

* В те дни, когда уходит последний снег, пьёт, не успеваешь пить талую воду почва — надо встать тихим вечером на опушке и послушать, как мириады пор-капилляров дышит она, что-то почмокивает, что-то почавкивает, с шорохом лопается, пощёлкивает, ощущаю на слух дышит, оживает земля — в который уж раз за всю-то историю!

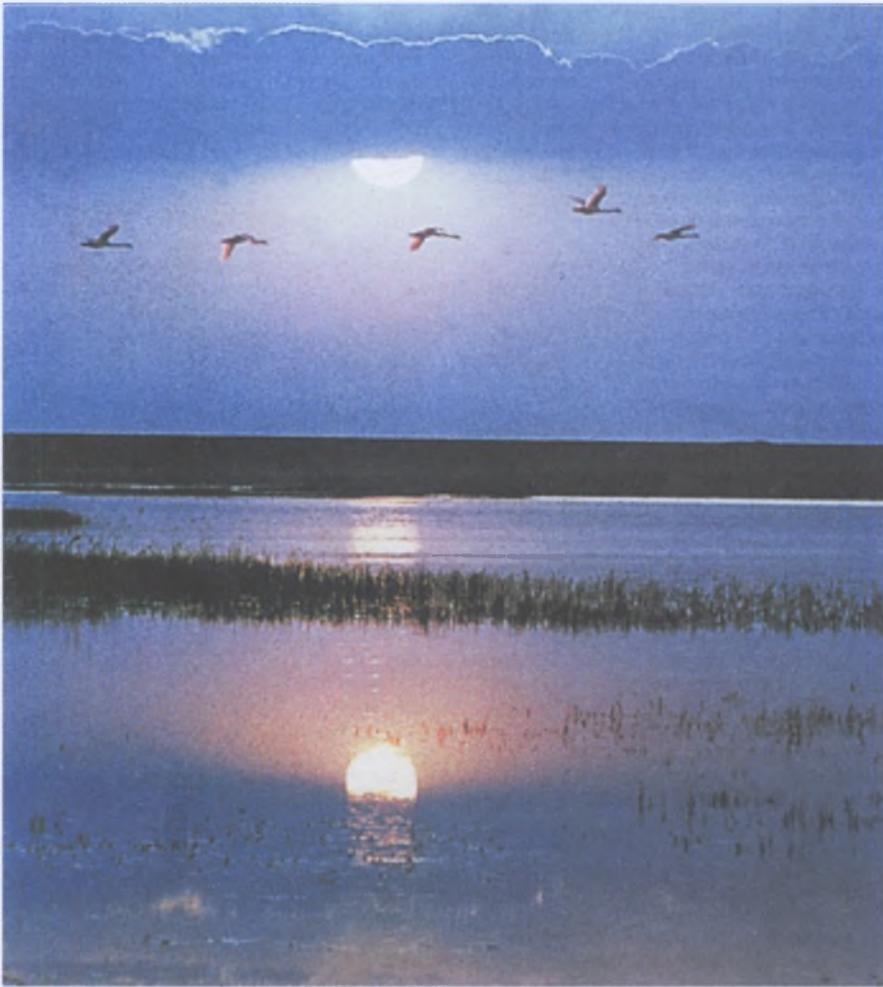
* Человек осмелился заявить о покорении им природы и передаче земли, не распознав их достаточно не только в целом, но досконально не изучив и малое, какую-нибудь букашку, челу — и платится за свое безрасчётство и зазнайство все более и более.

* Притомился, лежал в мягкой, как пух, траве — в пуху Земли.

* В XIX веке с лица Земли исчезли около 70 видов зверей и птиц, за 70 лет XX-го века — более 40. Несомненно, что человек, вырвавшись из-под действия биологических законов, установленных на Земле Природой, регламентирующих численность животных и продолжительность их жизни, зависимость от географической среды, пределы их благородства и подлости — несомненно, что человек убьёт свою прекрасную Землю и сам переродится в этом процессе. Когда это будет?

* Как ловко только что появившиеся на свет утята-гоголята снуют по воде, склёвывают что-то в травке, как, испугавшись, бегут вслед за матерью, вытянув шейки, прочь от берега — и как физически несовершенен человек, сколько ему надо времени, чтобы, родившись, научиться ходить, самостоятельно есть, начать говорить, познать окружающую среду... «Венец мироздания!»

* Борьба с природой... Что может быть абсурднее этого? Человек, как и всё живое, порождён Природой. Связи его с Нею — в той радости, которую он испытывает в детстве, открывая породивший его мир, постигая его крепнущим сознанием. На всю жизнь помнится радость от увиденных в просвеченной солнцем воде рыб, от впервые найденного гнезда птицы, от залетевшей в открытое окно бабочки, от расцветшего поутру — где еще вчера висел каплей бутон — красного, с бар-

хатным лиловым донышком цветка мака... Изучать природу, знать её, чтобы не допускать разгула стихии, чтобы уберечься от него — это необходимо. Но при чём здесь борьба? Кто выдумал это слово, без которого теперь не обходятся расхожие призывы «бороться за чистоту».

* Всё происходит из детства. Детство ближе к живому миру природы. Я и сейчас живу радостью знакомства и постижения мира в детстве, словно бы обложенный от ушибов судьбы пухом радостных детских воспоминаний.

* В каком-то возрасте у человека должен появиться собеседник — он сам, с которым необходимо бывать наедине. Появился он и у меня — это тоже я сам, но выяснилось, что для него у меня, к сожалению, очень мало времени, всегда занят чем-то другим — а жаль, такое общение может быть любопытным...

* 11 июля — Самсон (в канун Петрова дня). «Самсон-сеногной» — если в этот день будет дождь, то по примете затянется на семь ненастных недель. Пропадай тогда сено!

* Завёл собаку, но любовь собаки оказалась для него непосильной.

* Очень мало почему-то, их совсем

почти нет — это охотничьих песен. Недоразумение. Одна из известных, простеньких (всю не помню):

В островах по озерам
Охотник гуляе,
Ничего не подстреливши,
Сам себе ругае...

Охотники-поэты, вам слово...

* Русак на пашне, особенно, в «ватный» день, лежит очень плотно. Бывает, что пропустит, не встанет. Хожу «змейкой» и, чтобы поднять зайца, читаю вслух Бунина: «А в поле ветер, день холодный угрюм и свеж, и целый день скитаюсь я в степи свободной, вдаль от сёл и деревень...» Случается, помогает.

* Еще не изучив Землю, не накопив для этого необходимых знаний, люди уже обрели средства уничтожения её.

* Увядая, донник пахнет всё лучше и сильнее — как воспоминания.

* Ветер треплет длинные ивовые косы, и узкие длинные листочки на них светлеют изнанкой, как нанизанные на кукан уклеики.

* Нет некрасивых птиц, воробей и тот красавец, если присмотреться. Всегда они чисты, аккуратны, пёрышко к пёрышку. И если перья взъерошены и всколочены — верно, птица не здорова.

* Цепные собаки более всего ненавидят собак свободных, бродячих — не могут простить им этой свободы. То же и у людей: люди с привязанными короткими мыслями не могут смириться с тем, что есть другие, мыслящие широко и свободно, — ненавидят их, если не открыто, то в глубине души.

* Воронье гнездо на тополе против нашего окна на пятом этаже. Типичное городское жильё из современных материалов: вплетены в веточки разноцветные телефонные провода, полиэтиленовый пакет, какая-то яркая тряпочка. По утрам, заглядывая в окно, ворона будит, орёт мокрым плевритным голосом: «Кра-аля я! Краля!»

* Любить людей — еще не значит любить толпу.

* Говорят, при печном отоплении полезно завести канарейку: если появится угар, она сразу заметит и начнёт беспокоиться.

* В конечном счёте всё в жизни зависит от того, сколь засушные умеешь задать себе вопросы, и с какой настойчивостью и терпением добиваешься на них ответов.

* Природа для одних — это рабочий кабинет, для других — спальня. Но и в кабинете нельзя описывать только его стены — хотя и это нужно обязательно делать в меру — такой «кабинет» даёт широкий обзор за его пределами.

* Одним из первых осенью в лесу умирает папоротник, накопивший в себе усталость долгожительства на земле. Он становится бронзово-коричневым. Дольше всех держится зелёной ольха. Чаще всего такой и уходит под снег.

* Природа смотрит веками, как к бездне идёт человек...

* Тысячелетиями стоят на небосклоне, тихо с ним поворачиваясь, мерцают звёзды. Но ярче всех вспыхивают те, что движутся стремительно, чертят небо и сгорают налету.

* Вечер. Ветер. В свете фонарей на дороге качается, ходит туда-сюда сетка теней голых ветвей деревьев, и от этого покруживается слегка голова.

* Пыж и Фомка. Все годы Фомка-кот панически боялся моей лайки Пыжа после первой их встречи, когда кот спросонья кинулся с кресла на топившуюся плиту, а оттуда на оконную раму и повис на ней, пустив от страха по стеклу ручей. А тут прошло: проголодавшийся на улице Фомка стал проситься домой, в дверях столкнулся с Пыжом — и остался на дворе. Но голод не тётка — снова стал мяукать. Его впустили, запретили Пыжу трогать его. Сидели в разных углах комнаты, глядя друг на друга. Потом Пыж все же турнул его в тёмную спальню под диван. Фомка забился безвыходно в дальний угол, а Пыж сел перед диваном и стал его караулить, — да и уснул. Кот просидел около трёх часов под диваном и, догадавшись, что пёс спит, проществовал мимо него вразвалку, выгнув хвост. Пыж открыл глаза —

да уж поздно, понял, что проспал, кот прошёл не боясь мимо его носа. И так стыдился, что пропала охота кидаться за котом. Так установился мир.

* Липа, в отличие от других деревьев, цветёт в середине лета потому, что сначала растут с весны молодые ветки, а потом уже на них распускаются цветы. У всех других деревьев цветочные почки распускаются на старых ветках.

* Глаза смурные и стыдливо-дикие, как у камышового кота.

* Как чудесно, ласково зовут в Карелии небольшие тихие, спрятавшиеся в густом лесу озёра: ламбушка (от финского «лямпе»).

* Лось переплывал Кефтьень-губу Онежского озера. Миша, давний мой друг, местный лесник, на моторе дважды объехал вокруг него — и поспешил отъехать: «Очень он расстроился, могло не выдержать сердце». Пока кружил, пересчитал отростки рогов: шесть. Лось пытался напугать его, фырчал, бычил рога. «Не понимает, что у него под ногами нет ничего, кому он страшен такой».

* Медвежьи ягодные кучи Миша называет «конфитюром».

* «Травы — пух, кусты —
подшерсток,
Деревья — меховой покров
земли,

В который мы, как власоеды,
Бесцеремонно заползли... »

* Чаще всего видятся сквозные, трогательные в своей женственной беззащитности перед надвигающейся зимой облетевшие осинки, жёлтая щётка стерни сжатых полей, серый рассеянный свет тусклых небес, опавший лист в спутанной пожухшей осоке, в повядшей траве сырая земля, пахнущая грибной прелью и вином, опустевшие сады со случайно уцелевшим холодным до ломоты в зубах яблоком, обранные в кучках ботвы огороды, мягкие, приглушённые, печальные краски... Вспоминается лёгкий воздух, чувство бодрости от спорой, весёлой ходьбы по лёгкой Чёрной тропе, ощущение особого домовитого уюта прибравшейся в зиму земли, ранние долгие сумерки, домашнее тепло, топящиеся на ночь печи, тарелка горячих щей на столе, необыкновенно вкусных после охотничьего дня, томная усталость в ногах, пылающие с осеннего воздуха так, что сам чувствуешь это, щёки, — не Бог весть, какая это красота, а сколько сердец на Руси обогрето этим!

* День, в который обезьяна почувствовала себя человеком, был роковым для всего остального зверья.

* Природа — храм, но храм, в котором нет священнослужителя, и одни из прихожан пытаются сами служить, бьют в колокола, не заглянув в святцы, а другие в нём бесчинствуют.

* Сплю на улице. Воочию вижу движение времени по звезде, пробирающейся сквозь ветви сосны.

* Первое августа. Ночной шумный грозовой дождь при полной луне. Проснулся на балконе от грохота и прямо-

го света круглой луны, глядевшей сквозь яблоню с наливающимися яблоками. Проснулся и понял, что такого — не забыть.

* Идеальная природная форма, наиболее совершенная — шар: яблоки, ягоды, арбуз, — всё круглое. (Но самый «дурацкий» дурак — тоже круглый.)

* Эстергом — первая, старая столица Венгрии. У меня командировка по работе. Середина зимы, но тепло, снега нет и в помине. В нарушение нудных рекомендаций, полученных при отъезде, пошёл один знакомиться с городом. Лёгкие тихие сумерки, меланхолично разносящие редкие удары колокола. Попахивает угольным дымком: топят в ночь печи. Низкое солнце над Дунаем — раскалённый докрасна диск, затушёванный туманной дымкой. В городе канал в устланных плитами берегах, и над ним, трепеща крылышками, как зелёный фонарик, летит зимородок! В январе! Обрадовался: рыбачок! Значит, в канале чистая вода и есть рыба. Городок небольшой, и я не заметил, как дорога вывела меня в поле кукурузы с обломанными початками. Послышался разноголосый лай собак, из кукурузы выскочил, перемахнул дорогу русак. Тут же высыпала пёстрая стая разновеликих шавок, собаки опешили, наткнувшись на человека, смутились. Я на них шикнул, и они молча исчезли в сухих кукурузных бастылях. Отсюда, с дороги, ближе Дунай, на нём огромная стая уток. А между толстых стволов деревьев на берегу вижу фигуру человека с ружьём. Охотник? Решил подойти, рассказать про русака. Но человек с ружьём, в форме, оказался пограничником, а за рекой светится редкими огнями уже чужой, чешский берег. Могут быть неприятности... Не знаю языков, а венгерский, к тому же, непохож ни на один из европейских и, как ни странно, ближе всего к языку нашего народа коми. Однако погра-

ничник поднял руку к козырьку, приветствовал и протянул её мне. Похоже, обрадовался мне в своём одиноком дежурстве. Рус? Попытались объясниться, разговорились, как сумели. Выяснил, что стаи уток на Дунае — обычное явление, а зайцев тут тоже много, но он не охотник. Так я разделил пограничное дежурство на венгерской границе. Но в отчёте по командировке, пожалуй, об этом указывать не стоит.

* Старый зонтик с угластыми костялыми рёбрами, как отощавшая летучая мышь.

* Воробьи страстные, плодovitы. Это, вероятно, помогло им расселиться по всей земле (нет только почему-то на Камчатке, также, как лягушек, ящериц, моли и змей) и поддерживает их численность. Наблюдал, как в любовной игре, сидя на ветке, воробьица вцепилась клювом в пух возле клюва своего кавалера, и тот повис под веткой, поворачиваясь в воздухе и помогая себе крылышками. Стоит ли обращать внимание на воробьёв, столь обычных? Но, оказывается, можно увидеть и такое...

* Идём с Пыжом по большичному двору верхней дорожкой, он смотрит вождельно вниз на кусты у корпуса, где обычно держится маленькая крутобокая сучонка, его «пассия», с которой он заигрывает, хоть и не подходит она никак ему по росту. Но ничего не поделаешь: «возлюбленная». Смотрит то туда, то на меня: «Можно мне сбегать? Ну, хоть на минутку, «поцеловаться», и назад... Можно, а?..» Дисциплинирован мой пёс до обидного. Я разрешил, и он побежал, радуясь, кургузым галопцем пожилой собаки.

* День был полон движения: облаков и их теней, свежего ветра, листьев деревьев и трав, выпархивающих из них птиц, волн на озере, бликов солнца, игравшего в их гребнях, и в таком же лёгком движении была душа, зовущая окунуться в луга, полные паху-

чего этого ветра, чтобы видеть, слышать, осязать это движение светлого летнего дня.

* В телепередаче о Толстом Шкловский сказал, что Лев Николаевич был счастлив способностью наслаждаться природой. Это хорошо, потому что верно. Вряд ли писатель может быть «настоящим», если он лишён этого чувства. Можно вспомнить здесь Бунина, его «звериные» слух, обоняние, зрение, позволявшие ему видеть, как он говорил, «все звезды в Плеядах».

* Путешественник не тот, кого служебные командировки носят по окрайкам света и он, занятой своим делом, остаётся к ним равнодушным, — путешественник тот, чья душа заполнена любопытством и заинтересованностью к иным краям, к их природе, к деревьям и травам, к птицам и зверью, к людям, живущим на той земле, это они, любознательность и интерес, ведут его в странствия, независимо от того, большие они или малые, дальние или ближние. Выйдет такой человек на пустырь перед домом с пыльной душой к окружающему — и он уже в путешествии. Таким путешественником был энтомолог и писатель француз Жан-Анри Фабр.

* Авг. 1979 г. Хопёрский заповедник. Зам. директора по науке А.Д. Печенюк, а у него молодой ручной журавль, поймал на рыбалке. При приближении лодки журавль лёг на воду, вытянул шею — «затаился». Позволил взять на руки, но дома, когда выпустили, долбанул Анатолия Дмитриевича в голову до крови. Все голенастые — цапли, журавли, выпи и проч. — стараются бить в глаза, вообще во что-нибудь блестящее, в пуговицы, например. Остерегались, боялись за детей. Хозяйка подошла босиком — ударил клювом в ногу ноги, подплыл ногу кровью. Делали на кухне ремонт, под обоими стенами оклеили начерно страничками из старого «Огонька», и журавль выклевал глаза у всех портретов на журнальных страницах. Жил «в людях» более полутора лет. Кормили ягодами, рыбой, мясом. Улетал и сам где-то подкормиться. Кружил над домом, гулял на улице, сопровождал прохожих. Когда Печенюк уезжал на мотоцикле — летел вслед за ним, поглядывая сверху. Доставал на озере живцов на жерлицах, однажды прилетел с крючком в клюве и обрывком лески. Зимой выпускали на час-полтора погулять, остальное время сидел дома. Весной к нему прилетали дикие журавли, покружили над двором, но он с ними не улетел. А потом исчез, нашли мёртвого. Кто-то убил, как когда-то у меня ручного почти двухгодичного волка, сидевшего на цепи в дальнем, подальше от глаз, углу парка. Зачем, за что? Эх, люди, люди...

* А колония диких журавлей в заповеднике облюбовала для житья и гнездования совершенно, казалось бы, неподходящее для этого место — в роще чёрных ольх. Как они поднимались там, не имея для разбега простора,

между высоченных деревьев?

* Директор заповедника поехал на «козле» в Новохопёрск. На дороге вышел секач. «Козлик» притормозил, пропустил кабана. А тому почему-то вздумалось вернуться, машина его зацепила. Разъярённый секач нагнал машину и ударил в колесо, пропорол резину и выпустил воздух. Запаски не оказалось, директор позвонил к себе в контору: вывозите!

* В заповеднике хороший музей. Чучело огромного вепря: «в назидающие неразумным». Почему? А было так. Лесник приехал к стожку за сеном, ковырнул вилами — выскочил секач. Лесник решил пугнуть и сгоряча выстрелил в него дробью. Подраненный кабан ринулся на обидчика, сбил его и располосовал бок, вскрыл лёгкое. У лесника упала шапка, секач начал рвать её, а стрелок повалился в стоящей на поляне корытке для подкормки оленей, тем и отвязался от кабана. Лошадь с пустыми санями прибежала на усадьбу. Люди поняли: что-то случилось — обнаружили в корытке истекающего кровью лесника, отвезли в больницу. А кабана решили наказать. Два дня безуспешно пытались обложить и в конце концов пристрелили. Так оказалось чучело. А лесник проболел около года и умер.

* Весной в Заонежье. Идёт нерест щуки. Миша ставит на мели плетёные из проволоки мёрды (он ещё зовёт их «катышками»). Чаще всего щуки в них попадают парами: обычно побольше — икрайка и поменьше — молочник.

* Белые ночи — время любования красотою Севера. День такой длинный, что не хватает сил для того, что можно было бы сделать при свете. Ночью 4 июня, около 3-х часов, ездили по Уницкой дороге. Западо-северо-восток — не гаснущая заря. На Диановой горе, опущившейся свежей травкой, играли, наскакивая друг на друга, два зайца. Когда скатывались с горы с выключенным мотором, наткнулись ещё на одного: долговязый от короткой летней шерсти, в белых с исподу порточках, он растерялся, запрыгал в одну, в другую сторону, посидел, снова вскочил, кинулся по дороге, перескочил придорожную канаву и исчез в лесу. А после этого — вальдшнеп, сидит на дороге как кочка, задрал хвостик, недвижно. Я включил свет фар — сидит. И только когда почти наехал на него — сорвался, полетел по дороге.

* У деревни, в плавине рядом с мостками гнёзда двух чаек, кулика-веретенника и нырковой утки — ближе к лодкам и к пристани. «Я уж её стыдил, стыдил, — жалуется Миша, — что же ты так гнездо сделала?» Теперь у него забота: охранять его от ворон: «Уточка покупаться сошла, а тут ворона. В окно увидел, побегал, еле поспел. А на другой день всё равно разорила...»

* В катышку, положенную просохнуть на крышу сарая, зашла ворона. А выйти, конечно, не может. Миша говорит

за ворону: «Вот сижу я здесь два дня, что же вы, люди, мимо ходите, не выпустите меня?» И продолжает: «Жалко мне стало, снял я мёрду, взял ворон в руки — а она такая красивенькая, серенькая, а где черное — переливается, блестит...» А перед этим был разговор, чтобы отстрелять ворон в деревне. Вот и пойми... Когда человека или животное вызволяет из беды — они становятся ближе, роднее.

* Лещ, говорят заонежские рыбаки, очень боится грома. Заслышав, уходит на глубину (поди, проверь...).

* Купаюсь каждое утро на Клязьме. На берегу встречает каждого, сопровождает и заигрывает кокетливая кошечка — среди животных тоже есть чудачки с необычными склонностями и вкусами. Собак не боится. Что-то подбирает после вчерашних дневных загораний людей, приходивших с харчами — тем, вероятно, и живёт. Тут же плавают два выводка диких уток-крякв, на которых купальщики не обращают внимания — будто так и должно быть. Да и слава Богу, что не обращают. Утки сторонятся, но людей не боятся.

* Актеон — в греческой мифологии охотник, подсмотревший купающуюся Артемиду, богиню охоты. Разгневанная Артемиды в наказание превратила его в оленя, которого растерзали собаки.

* Нимврод — царь Халдеи, называемый в Библии «могучим охотником». Его имя стало нарицательным для охотника.

* 24 сент. 81 г. «У ерша внизу в брюшном плавнике есть крайняя к голове очень жёсткая, острая косточка, — предупреждает давний друг мой в Карелии рыбак Володя, угощая ершовой ухой. — Остальное можно жевать вместе с костями». Стали у каждого ерша, прежде чем его есть, находить и выгаскивать эту самую косточку. Уха из ершей янтарного цвета, терпкая, пахучая, совсем другого вкуса. «Охотник, — говорит про ерша Володя, выпутывая (сбавляя, как там говорят) его из ряпушковой частой сети. — Скоро у ряпушки нерест, вот он и ходит за ней, чтобы икоркой полакомиться. Ряпушка — она беззащитная, безобидная...»

* Февраль 1983 г. — вылет на БАМ от журнала «Юный натуралист» для участия в маршруте по магистрали агитационно-просветительского поезда «Комсомольская правда». Беседы о природе с учащимися. Пос. Гранитный, где строится один из тоннелей. На улице плакат, запрещающий ходить пешком к тоннелю и в соседний поселок Кунерму. Разбуженный средь зимы взрывами на стройке медведь стал шатуном и задрал двух мужиков. Когда вел в школе беседу, я увидел, как по заснеженному склону сопки перед окнами шла россомаха. Пригласил — к радости ребят — их к окну полюбоваться живым «экспонатом».

Фото В. Ускова

Продолжение следует

На солонце

Солонцом называется земля, содержащая в себе известный процент соли. Вблизи соленых озер, конечно, такой солончатой земли гораздо более, но там она не играет той роли в охотничьем отношении, как в тех местах, где соль является редкостью. Кроме природных солонцов бывают и искусственные, делаемые охотниками-промышленниками. Для этого выскребывается с корнем трава на площади в полтора — два квадратных аршина, делается на огне в котелке раствор соли, которым вычищенное место обильно поливается и сверху посыпается мелкой солью. Найдя в тайге природный солонец, охотник обыкновенно подсаливает его, чтобы звери посещали его охотнее. Делают солонцы в более или менее сырых местах, куда звери приходят лакомиться сочной травой. Посещают солонцы травоядные животные (которых на Саянах также вызывают зверем): козы, олени, маралы, лоси, кабарга, хотя последнюю мне никогда лично не приходилось видеть на солонцах. Начинают есть соль звери обыкновенно с середины апреля, наиболее жадно идут на солонцы в жаркие майские дни, затем едят соль и в течение всего лета, но уже не регулярно, а мимоходом. Хищные звери знают о солонцах и нередко сидящим на карауле охотникам вместо коз и маралов приходилось иметь дело с волком, медведем или росомахой.

В той местности, где я живу (по Саянским отрогам), главнейшая охота за зверем в тайге, добравшись до которой хотя очень недалеко, но весной очень неудобно, так как сумасшедшие горные речки разливаются в таких размерах, что приходится на протяжении 4-х верст от улуса плавиться 5—6 раз, т.е. тащить на себе лодку волоком от одного протока до следующего. Для того, чтобы прокараулить одну ночь, этого делать не стоит и поэтому я устроил себе солонец верстах в пяти от дома в горах, в вершине лога, возле маленького озера (лужа в 50 кв. сажень), на полянке, окруженной смешанным лиственным, березовым и осиновым лесом. Шагах в двадцати от солонца, между трех близко растущих молодых лиственниц, соорудил лабаз, вышиной около сажени. С лабаза и виднее, и комара меньше, и “дух зверь не хватает”. Инородцы устраивают лабазы только на медвежьих караулах. Вблизи от озера небольшой глухариний ток. Я выбрал это место потому, что около озера местность сырая, есть кочки и как раз козий ход. Я устраивал этот солонец не столько для охоты, так как, конечно, не стреляю беременных коз, а козлов мне для мяса нужно очень немного, шкура же в мае плохого качества, так как они не вполне вылиняли, главным же образом мне хотелось сделать несколько наблюдений. Козы начинают приходить на солонец обыкновенно за полчаса до заката солнца и караулить их нужно до рассвета. Я приезжаю часа за полтора до заката, привязываю коня на аркан в полуверсте

в ложке, а сам иду на лабаз. Сделал я этот солонец лет шесть назад. Прежде всего мне хотелось решить вопрос, как козы находят солонцы? Некоторые инородцы-охотники уверяют меня, что козы находят солонцы чутьем; до такой степени у них развито обоняние. В первый же год я убедился, что это неверно. Я караулил в тот год 15 или 20 ночей, и козы в тот год мой солонец совсем не ели, хотя он кроме обыкновенной соли был еще посыпан бузуном — черноватой горькой солью, особенно любимой жвачными и имеющей некоторый, хотя очень слабый запах. Но чуть не каждую ночь козы проходили иногда совсем близко около солонца, шагах в 10 — 15. В траве солонца на таком расстоянии не видно, а уловить запах соли они, следовательно, не могут. На второй год можно было убить, если нужно, около десятка коз. Хотя в этих горах коз остается на лето сравнительно немного, а большинство до зимы откочевывает к линии вечного снега, но все-таки их остается достаточно количество. Каким же образом случилось, что они все нашли солонец? Объясняю это себе очень просто. Случайно наткнулись на солонец одна-две козы, стали посещать его, а по их следам пошли и другие.

Чем жарче день, чем больше гнуса, тем раньше идет коза на солонец. Идет обыкновенно, опустив голову, беспрестанно потряхивая ушами от назойливой мошки, останавливаясь, чтобы ущипнуть травки или почесаться о дерево. Козы, как это ни странно, гораздо осторожнее коз. Козел после каждого двух — трех шагов останавливается, втягивает в себя воздух и озирается своими близорукими глазами. Однажды, сейчас же после заката, слышу легкий треск сзади. Осторожно поворачиваю голову и вижу в пяти шагах громадного козла, уставившегося глазами по направлению к лабазу и силящемуся рассмотреть что-то, по видимому, его беспокоящее. Мяса мне было ненужно, да и высочайший лабаз имеет то неудобство, что повернуться на нем с ружьем, не производя шума, невозможно, поэтому я продолжал любоваться красавцем. Козел все сосредоточенно смотрит на меня, я на него. А перед тем я только что выколотил трубку, и незнакомый запах, очевидно, привел его в волнение. Наконец у меня устала шея, я повернулся, а козел, услышав подозрительный шорох, отскочил сажан на пять в сторону, остановился, представляя теперь удобнейшую мишень для выстрела, заревел своим совсем не подходящим породе голосом и поскакал вдоль косогра, удаляясь от солонца. Но по прыжкам его сразу было видно, что он не сильно напуган, а только обеспокоен. Поэтому я с интересом стал наблюдать, что будет дальше. Козел скрылся в чаще. По реву его можно было опреде-

лить, что он удалялся. Я закурил трубку и стал наблюдать за вступившими в единоборство чуть не под самым лабазом двумя коростелями. Минут через десять козел показался снова с противоположной стороны, сделав большой полукруг, и шел прямо к солонцу. Но как шел! Буквально после каждого шага останавливался, нюхал воздух и осматривался. Ветерок дул от него, и я продолжал курить: комары одолевали, а сетку я снял, так как в сумерках в ней плохо видно. Козел все продолжал подниматься. Очевидно, потребность в соли боролась в нем с чувством страха и брала перевес. Наконец, подойдя к солонцу, козел быстро ухватил земли и сейчас же побежал в сторону.

Хотелось мне проверить также рассказы инородцев, будто козы через 2—3 недели после явления приходят на солонцы с козлятами. Это оказалось совершенно неверным. Коза, выходя на кормежку, пока кормит своих детей молоком, идет всегда одна, а их прячет в укромное место, где они лежат удивительно смиренно. Когда козлята подрастут, они ходят с матерью, но она вовсе не “приучает” их к солонцам, как думают инородцы.

Два раза за шесть лет к солонцам подходил волк. Чутье у него гораздо сильнее козье и близко он не подвигался, а, завыв, уходил прочь, причем приходил в такие темные ночи, что стрелять не было никакой возможности. Раз прибежал зайчишка, чего-то струсил и моментально скрылся. В том году меня долго развлекала белка, должно быть оставшаяся от великого переселения осени 1910 г.

Пернатое население леса или менее робко, или не замечает человека, когда он сидит неподвижно на лабазе. Однажды прилетела копалуха, села на рядом с лабазом стоящую лиственницу и долго кормилась молодыми побегими. Часто бекас, взвившись вверх, камнем опускается на траву у самого лабаза. Дрозды и кукушки ведут нескончаемую войну. В прошлом мае неожиданно явился на полянку косач, должно быть прогнанный с тока, и долго бегал и шипел совершенно один. В том же месяце, когда я однажды уже собирался сходить с лабаза и идти к коню, прилетел громадный филин и уселся на веку, за что и поплатился жизнью, несмотря на темноту.

Вообще сиденье на лабазе мне доставляет большое удовольствие, как страстному любителю природы, хотя инородцы, видя меня почти всегда возвращающимся ни с чем, уверены, что мой солонец мало посещается козами, и любезно и участливо указывают другие. Я их не разубеждаю, а в высшей степени развитое в них чувство охотничьей этики не позволяет им покараулить на моем солонце без моего разрешения.

Ничего нет выше и интереснее природы!..

The Siberian Trapper
Журнал «Наша охота», кн. XX, 1911 г.

Русские писатели-охотники

Яшин Александр Яковлевич (1913 - 1968)

«Подлинно высокое, благородное понимание темы родины, отмеченное предельно душевной деликатностью и одновременно гражданственностью и социальностью, пронизывает все творчество Яшина — поэта и прозаика. Убежденнейший интернационалист и гуманист, он представляет себе любовь к родине только как активное, действенное, горячее и участливое к людям чувство: «Спешите на выручку, других зови, — пусть не найдется душ глухих и жестких! Без этого к чему слова любви о родине, о речках, о березках?!»

Как бесценный завет, хранил

Александр Яковлевич шуточные слова Михаила Михайловича Пришвина, который во время одной из совместных прогулок с ним «подошел к толстой березе с попережными черточками на коре, словно строчками стихов, разбитыми лесенкой, осмотрел ствол с одной, с другой стороны и сказал: «Тут записей разных немало. Поэзии на целую книжку может хватить. Сколько разберете — все ваше».

Об этом рассказано А. Яшиным в цикле лирических миниатюр «Вместе с Пришвиным».

Феликс КУЗНЕЦОВ,
литературный критик

Немного о себе

Родился я в 1913 году в деревне Блудново Никольского района Вологодской области. Отца своего не помню, он погиб в первую мировую войну. Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось начать работу в полную силу.

Вероятно, для каждого любимые с детства места представляются неповторимыми. Но думается, что в отношении наших вологодских и архангельских лесов это не просто игра воображения. Таинственные волока, медвежий буераки, жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

Летними вечерами в мою родную деревню нередко вместе с коровами заходили с выгона лоси. И, кажется, нигде на свете не было такого множества грибов, ягод и таких прозрачных родников с живой водой (конечно, с живой!), как у нас.

По окончании семилетки и Никольского медтехникума я был сельским учителем в Чебарском районе Вологодской области. В 1932 году при Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и русского языка неполной средней школы. В этом же году в Вологде был создан Оргкомитет Союза советских писателей — я стал его председателем.

Позднее меня перевели на работу в Архангельск, в Северное отделение Союза советских писате-

лей. Там, в Архангельске, в 1934 году вышла первая моя книжка стихов «Песни Северу».

Становление литератора — процесс трудный и длительный. Немало лет проходит со дня опубликования в периодике стихов молодого поэта до появления его первой книги. А на поверку нередко оказывается, что эта первая книга — лишь проба пера. Именно это я почувствовал применительно к себе, когда участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей, и поэтому переехал из Архангельска в Москву и поступил в Литературный институт. Учился и одновременно работал заместителем редактора газеты ткацкой фабрики имени Маркова и печататься снова начал лишь спустя три года.

В первые дни Великой Отечественной войны я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза. Получая партийный билет, я уже имел направление на Ленинградский фронт.

В войну был вместе с моряками в батальонах морской пехоты Балтики, на кораблях Волжской военной флотилии под Сталинградом и на Черноморском флоте то в качестве редактора краснофлотской газеты, то политработником. Много писал очерков, заметок, стихов, рассказов. Довелось принимать и непосредственное участие в боях. В осажденном Ленинграде некоторое время работал в составе оперативной группы писателей при Политуправлении Балтфлота, ко-

торую возглавлял Всеволод Вишневский.

Первая моя московская книга «Северянка» была издана Гослитиздатом в 1938 году. Через два года в том же издательстве вышла поэма «Мать» (в новом варианте «Мать и сын»). С той поры я опубликовал немало сборников стихов и поэм. Среди них «Земля богатырей», «Земляки», поэма «Алена Фомина», «Советский человек», «Свежий хлеб» и другие.

После войны я много ездил по стране, подолгу жил в колхозах Севера, на новостройках — Волгодоне, Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Был на целинных землях Алтая, учился на курсах трактористов в Благовещенской школе механизации сельского хозяйства. Кое-что из пережитого нашло свое отражение в стихах.

Александр ЯШИН

Александр Яковлевич Яшин ушел из жизни после тяжелой болезни в 1968 году. Через 10 лет после опубликования автобиографических записей «Немного о себе» (1958) писатель издал, кроме стихов, несколько прозаических произведений, которые принесли ему всенародную известность. Это «Вологодская свадьба» (1962), «Угощаю рябиной» (1965), «Журавли. Книга прозы», «Босиком по земле» (1965) и «День творенья» (1968). Посмертным изданием вышли книги: «Бобриный угор. Стихотворения. Проза», «Слуга народа» и «Живая вода» в 2003 году.

КУЛИК

В болоте целый день ухлопав,
Наткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.
Как трудно быть ему героем:
Того гляди, возьму живьем,
А он один в гнезде своем,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьем.

Взлетать иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?
А не замечу —
Искалечу,
Ногой сослепу наступлю?

Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя
И — мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Всё в порядке,
Я просто не видал тебя.

На многих охотах я побывал,
Все хороши по-своему, верю.
Люблю я гон по красному зверю,
По серому зверю,
По белому зверю,
Я бурога зверя в берлоге брал.

Лишь кабана вовек не гонял
И даже в глаза не видал ни разу.
О тиграх тоже лишь в книгах читал
Да слушал охотничьи рассказы.

Люблю собак,
Их бесстрашный нрав,
Готовность идти на любые муки,
Здрав ли зверя, живым ли взяв,
Свернувшись клубком и хвосты
поджав,
Смирненно лизать хозяину руки!

Люблю их красивые имена —
У гончих — одни,
У птичниц — другие,
Носы их холодные,
Мышцы тугие,...

Одних овчарок терпеть не могу...
Все понимаю и не могу.

ТЕТЕРЕВА

Однажды прохот орудийный стих,
И вот в прозрачной, еле слышной дали,
За озером,
В березняках густых,
Тетерева, как встарь, затоковали.

Немудрые гортанные лады.
Но было в них и осени дыханье,
И трубный зов,
И бульканье воды,
И голубиной пары воркованье.

Во мне охотник устоять не смог —
Весь в пулеметных лентах и
гранатах,
Из блиндажа я ринулся на ток,
Но не с ружьем пошел,
А с автоматом.

Прыжками
От осины до сосны,
По желтым мхам, по листопадной
прели
С подветренной, с восточной стороны
Я подходил к живой, зовущей цели.

Казалось: только с просеки сверну -
На синем фоне, средь верхушек
рыжих,
Как черную ущербную луну,
Тетерку раздобревшую увижу.

Но чем слышнее становился ток,
Чем до него короче расстояние,
Тем явственней я слышал холодок
В однообразном птичьем бормотанье.

Какие-то фальшивые тона,
Не птичья, металлическая резкость
И грубое гуденье чугуна
Порою проносились в перелеске.

«Тетерева ли?» — думаю, — а сам
Ползу вперед. Охотник я бывалый.
С тяжелым автоматом по лесам
Я всяких «птиц» на мушку брал
немало.

Ползу вперед.
И вот у цели я.
Раздвинулась от выстрела опушка.
И с елки, снаряжением звеня,
Свалилась в мох фашистская
«кукушка».

...Подари, Боже,
Еще лоскуток
Шагреневои кожи.
И женщины, женщины
Взгляд влюбленный,
Чуть с сумасшедшиной
И отрешенный,
Самоотверженный,
Незащищенный.

Еще хоть одну,
С ее миражами,
Большую весну
С журавлями, с ветрами.

С ее полноводем,
И полногрудьем,
С разнопогодьем
И многотрудьем,

Еще сверх счета
Прошу у Бога
Одну охоту,
Одну берлогу.

А там и до осени
Недалёко,
До златоволосой,
До кареюкой.
А там
Прихватим зиму
Неукротимо.

А там посмотрим.

СНЕГ

С детства,
С самых первых зим
И на весь свой век,
Как Отчизны сладкий дым,
Полюбил я снег.
Полюбил его покой
И буранный вой.
Снег не мертвый,
Он живой —
Вихорь огневой!

У него свое лицо —
Запах, вкус и вид.
Звон морозный бубенцов —
Это снег звенит.

Знает вся моя родня:
Из села
Лыжня
Столбовой дорогой в мир
Стала для меня.

Не о вечности грущу,
На земле мой век!
Все ж, когда умру, — Прошу:
Схороните в снег,

В его светлой мерзлоте
На Бобришной высоте.

Охота на мертвого глухаря

Александр ЯШИН

Охота без усталости не доставляет удовольствия.

Я знаю охотников, которые подъезжают к тетеревиным токам на легковой автомашине и, опустив стекла, выбивают из малокалиберной винтовки всех птиц до единой. Даже тетерок не щадят. Трофеями загружают машину так, что самим сесть некуда, и ровно к девяти часам утра поспевают на работу в свои кабинеты...

Знаю также, что на «газике» с подвижной фарой ночью охотятся за зайцами. Особенно удачливой считается такая охота в степных и лесостепных местах, в широких полях, где можно ездить без дорог и где бедному зайцу просто деться некуда. Поймают его в луч фары, как, бывало, ловили самолет на скрещении прожекторов, и расстреливают. А то просто зашибают буфером либо давят колесами автомашины.

Мясозаготовки! Промысел!

Случается, что и глухарей колесами давят. Правда, мне известен только один такой случай. Большой старый петух возился на дороге в лошадиных шариках, когда легковушка выкатилась из-за поворота. Птицы не очень боятся машин, если не видят в них человека. Настораживаются, и только. Глухарь вытянул шею, и, пока рассматривал приближающийся автомобиль да раздумывал, что делать, взлетел уже было некогда. Полураздавленный, он лежал на дороге без движения, но, завидев человека, встрепенулся, начал бить крыльями из последних сил. Казалось, он только теперь почувствовал опасность.

А деятель радовался своему необыкновенному везению и рассказывал об этом случае с удовлетворением, как об очень удачной охоте.

Какие же это охотники!

Настоящая охота должна утомлять, после нее хорошо спится.

Борис Зиновьевич чувствовал себя утомленным и усталым еще с вечера, задолго до начала охоты.

— Вот на охоте и отдохнем! — сказал он приятелю, вскинув на плечо довоенный «зауэр» и засовывая топор за пояс за спиной, как это делают все настоящие лесовики и лесорубы. — Двинемся в Угол. Тут, брат, места такие, что только дойти, а об остальном беспокоиться нечего. Глухаря на голову садятся.

— Опять ты за свое...

— А что «за свое»? Ты мое ружье знаешь? Из него слонов бить можно. А Угол наш? Это же «Беловежская пуща». Только зубров недостает. Вот дойдем — и все!

В характере Бориса Зиновьевича это не было обычным охотничьим хвас-

товством. Это была самонадеянность — чрезмерная, надоедливая, лишенная порой элементарной рассудительности. Она мешала ему всю жизнь. Из-за этого он стал даже суевренным: когда ему что-нибудь не удавалось, не давалось, не сбывалось — винил во всем свою самонадеянность. Опять, наверно, забылся, расхвастался: шапками закидаем! — вот и получил. Одним взмахом семерых побивахом! Начинал вспоминать, что предшествовало неудаче, и действительно оказывалось, что перед этим он захлебывался от самодовольства. Но осознание это приходило всегда позднее, когда уже ничего нельзя было изменить. И сейчас упреки товарища в хвастовстве не насторожили его, он не остепенился.

— Нам, главное, успеть дойти вовремя до большого леса, и, может, вернемся сегодня же. Остаться до утра смысла не будет: все равно больше трех—четыре глухарей на себе не унести. Это же бараны!

Но с вечера ни одного глухаря им убить не удалось, темнота наступила слишком быстро. А глухаря летали близко, шум и треск сучьев раздавались то с одной стороны, то с другой.

— Понял? — шепотом спрашивал Борис Зиновьевич своего друга, показывая глазами и головой туда, где садился очередной великан. — Что тебе бомбардировщики. Вот замечай и поутру крадись к любому. Все твои.

— Спасибо! А птицы ли это?

— Лоси, что ли?

Ночь пришлось переждать, сидя на мокрых моховых кочках. Хорошо еще, что не на снегу и не в воде. Сухого места в Углу в весеннюю пору найти было невозможно. Почему этот глухой хвойный лес с редкими пожнями и заболоченными овражками назывался Углом — кто его знает. Ни реками, ни изгородами он не ограничивался, никакого угла там — ни острого, ни тупого — не было. Мы говорим: глухой угол. Видимо, угол — то же, что глухомань.

У Бориса Зиновьевича сначала озябли ноги. Он снял резиновые сапоги-бродни и положил в них моху. Кажется, помогло, но от мокрого мха отсырели портянки. Костер бы хотя небольшой разложить! Но это значит загубить всю охоту ради каких-то несчастных ног. «Так дело не пойдет. Потерпим!» — сказал он себе. Затем озябли руки. Закурить бы, погреть бы пальцы, зажав сигарету в ладошках, как в фонарике. Но — чиркнешь спичкой, а глухаря-то — вот они, рядом, над твоей головой. Нет, и это не годится. Поесть бы, да ничего с собой не взяв, понадеялся на скоростную охоту.

Борис Зиновьевич дал волю своему

воображению и совершенно отчетливо представил, как перед зарей услышит робкое пощелкивание первого глухаря, вероятно на этой ближней ели, и убьет его, не поднимаясь с места. Второй глухарь, конечно, будет снят с сосны, вершина которой даже в темноте видна, так высоко вознеслась она над зубчатой стеной ельника. До нее метров сто, придется подходить большими вороватыми прыжками, используя секунды, когда глухарь поет и вдохновение закрывает ему глаза и уши. Третий глухарь грохнется к ногам Бориса Зиновьевича где-то около второго. А там пойдет...

Счастлирое воображение немного согрело охотника, и он даже задремал сидя.

Проснулся он от страха, что ночь прошла и все кончилось.

— Проспали? — почти вскрикнул он и хотел было вскочить сразу, но не смог: такими тяжелыми оказались и ноги, и руки, и голова.

— Тш... Тихо! — зашипел приятель, тыча не то в спину, не то в бок Бориса Зиновьевича. — Слушай!

Ночь действительно прошла, но и утро еще не наступило. А первая глухарина песня уже возвещала зарю. Глухарь где-то очень далеко тэк-тэкал так, будто заикался от волнения и никак не мог выговорить, что хотел. А лес повторял каждый его звук и прислушивался, и ждал, когда же наконец царь-птица выскажет как следует.

Справа и слева от первого токовика начали поигрывать другие. Матушка моя родная, елки зеленые, что же сейчас будет!

Борис Зиновьевич оперся на ружье и вскочил. Казалось, он сам сейчас начнет заикаться. Какая тут усталость, если ни ног, ни рук своих не чувствуешь; и слышишь только одно, как глухарь дразнит, зовет, заливается. Да еще сердце вдруг забарабанило во всю грудь да воздуха не стало хватать.

Куда и когда вдруг исчез приятель, Борис Зиновьевич не заметил. Охота началась. Он выждал момент и сам бросился вперед. Куда вперед? Небо на востоке едва-едва отделилось от земли, а в ельнике стояла беспроблескная тьма, как в подвале.

«Тк-тк-тк!..» — звал его глухарь. Этот, наверно, ближе всех. Он где-то совсем рядом и, кажется, сидит очень низко. «Тк-тк-тк!» — петух будто приглашал его поиграть в пятнашки с завязанными глазами. «Тк-тк-тэк...» Да где же он? И Борис Зиновьевич нырнул в темный ельник навстречу своей судьбе.

Токующих петухов было так много, что Борис Зиновьевич не считал нужным соблюдать чрезмерную осторожность. Он бежал на глухариную песню

большими прыжками, как и положено, но делал не три, а четыре и пять прыжков подряд. Когда птичья трель обрывалась, он замирал, как положено, но часто с опозданием. А если проваливался в курпаги с талой водой или налетал на остатки снежных заносов, то возился и сопел, уже не переставая, и раз даже выругался. Ему казалось, что птенец для него хватает, и лишь рассчитывал заранее, сколько штук ему следует взять. Самонадеянность опять подводила Бориса Зиновьевича, но этого он пока не осознавал.

Первый глухарь не подпустил охотника на выстрел. «Вероятно, услышал стук моего сердца», — подумал Борис Зиновьевич. Второй сорвался с дерева, когда он уже взводил курки. «Надо было курками шелкать раньше. Ну, ничего. Возьму третьего», — решил он. В это время тайгу раздвинул далекий выстрел приятеля.

— Э, черт. Наверно, убил! — с досадой и завистью сказал Борис Зиновьевич и заспешил. Но куда спешить? Токование глухарей вдруг прекратилось повсюду. Бориса Зиновьевича охватила тревога: а вдруг конец?

Лес уже обрел краски, из темной сплошной хвои выделялись стволы и ветви, пихту можно было отличить от ели, кое-где выступили вперед голые лиственные породы — осина, ольха, береза. И небо оживало, из беспросветно черного становилось серым, как мокрый весенний снег. Небольшие клочки чистой синевы меж облаков походили на проталинки.

Борис Зиновьевич опустил на старую валежину, со вздохом положил ружье на колени. Вот когда он устал. Но только бы не конец! Только бы не возвращаться домой с пустыми руками. Не трех, не двух, а хоть одного черта сшибить! Только бы одного, и он примирился бы с собой: никогда впредь не позволил бы себе жадничать. Не надо ничего загадывать наперед; не откусывать больше, чем можешь проглотить; лучше желать меньше, иначе не добьешься ничего. Не зарываться, не хватать, не обещать ни себе, ни другим больше, чем способен сделать, — вот что давно надо усвоить...

«Черт бы меня побрал! — с отчаянием думал о своей судьбе Борис Зиновьевич. — Ну что я за человек такой? Разве мало учен, мало бит? Разве не знаю своих слабостей, нет — пороков? Не скромнен я! Кичлив! Вечно переоцениваю свои возможности. А скромность это серьезность. Не серьезен я. Ну что я такое, наконец?!»

Токование глухарей возобновилось через пять чудовищно долгих, смертельно долгих минут. Борис Зиновьевич сразу востропнул, как хищная птица, — не все еще пропало! — и, пригнувшись к коленям, почти лег на ружье, словно хотел схватиться в комок, исчезнуть совсем. Он стал слушать, чтобы решить, который токовик ближе, которого убить первым. Нет, счастье ему не изменит. Все будет так, как

он предполагал. Все еще впереди.

И он убил глухаря. Убил.

Но глухарь не упал.

И не улетел.

Он только ударил раза два крыльями, повозился немного на суку, переступил и, кажется, плотнее прижался к стволу.

Стрелял Борис Зиновьевич с близкого расстояния, но сосна, на которой сидел петух, была необычайно высокая. Гладкая, прямая, с красноватой корой, она вздымалась в небо, словно кирпичная труба, и лишь там, вверху, разветвлялась свободно и широко. Глухарь сидел в ее кроне, словно в зеленом дыму.

После второго выстрела он завозился еще больше, но опять и не улетел, и не упал.

У Бориса Зиновьевича задрожали руки и ноги: «Неужели ружье не берет? Дробь мелка?» Он торопливо перезарядил оба ствола, прицелился и выстрелил из обоих стволов сразу.

Сосна, кажется, вздрогнула. Глухарь не пошевелился.

«Начало есть!» — сказал про себя Борис Зиновьевич. Он торжествовал. Как достать убитую птицу? Да разве это важно! Достать, и все!

Залезть надо, как он в детстве лазил не раз.

Правда, сосна без сучьев, на такую трубу не скоро заберешься. Но все это мелочи, все не важно.

Борис Зиновьевич подошел к дереву, постучал по стволу сначала кулаком, потом пяткой, вскинул глаза к вершине сосны и рассмеялся. На ней не дрогнула ни одна хвоинка. Только теперь он понял, что глухарь у него еще не в руках, а где-то в небе и придется поработать всерьез, чтобы завладеть им. Он поставил ружье в сторонке, достал топор из-за пояса и ударил обухом по сосне. Дерево отозвалось на удар неохотно, глухо. Оно было крепкое, толстое, очень толстое. Такое и за полчаса не срубешь. На час работы, не меньше. Ох, и нелегко это будет. Да еще после бессонной ночи. А нельзя ли придумать что-нибудь другое?

Борис Зиновьевич осмотрелся. В нескольких метрах от сосны стояли другие, почти такие же высокие сосенки, тоже голенастые, но помоложе и гораздо тоньше этой. Если одну сосенку свалить, то вершина ее как раз хлестнет по застрявшему глухарю. Это, пожалуй, будет хорошо. Лучше, пожалуй, нечего не придумаешь. А топор-то тяжелый, черт! Пожалуй, тяжелее ружья...

Борис Зиновьевич обстоятельно рассчитал расстояние, выбрал сосну, которую легче всего было свалить, потоптался вокруг нее, приминяя мелкую поросль и мох, приготовился к работе.

Помешал ему выстрел дружка — какой-то уверенный, басовитый, конечно, без промашки. Такие выстрелы понапрасну не раздаются. «Еще один выстрел, — сказал про себя Борис Зиновьевич. — Еще один баран сбит!»

Сказал и понял, что он зря теряет время охоты. Достать свою птицу никогда не поздно, за ней хоть завтра приходи — не испортится. Надо бежать за другой, ток продолжается. Другие глухаря его ждут. Он сделал топором надрубку на нескольких деревьях, приметил их, подсек три—четыре елочки вокруг, еще раз всмотрелся в крону своей сосны, — «Сидит ли там? Сидит!» — оставил в корнях топор и ринулся на выстрел товарища.

Светало.

Больше ни к одному глухарю Борису Зиновьевичу подобраться не удалось. Товарища своего он тоже не разыскал. Прошло часа два, когда он, еле волоча ноги, вернулся на старое место. Уже потеплело, и проталины на небе раздалились и поголубели. Их стало много. Иногда на эти небесные лужайки про-

бывалось солнце. На вершине сосны отчетливо виднелся большой черный глухарь. Конечно же, он был мертвый! На лезвии топора уже появилась ржавчина, топориче было мокрое и холодное.

Борис Зиновьевич заметил, что на стволе сосны с четырех сторон сделаны надрезы желобками, что-то вроде оперенья четырех стрел. Значит, и здесь собирали живицу. В первый раз из-за темноты эти стрелы не были видны. Он не сел отдыхать, боясь, что потом работать будет совсем невозможно, а отдохнуть по-настоящему он все равно не сможет, время уже позднее, да и есть хочется. Еще раз прикинув, достанет ли та сосна, которую он собирался рубить, до глухаря, представив себе, как она будет падать, как хлестнет своей хвоей по сучьям старой сосны, где застрял глухарь, он решил, что расчет правилен. От самоуверенности его ничего не осталось. Быстро и легко воодушевляясь, он, пожалуй, так же легко и быстро поддавался унынию и становился утомительно осторожным, чрезмерно осмотрительным.

От ружья нельзя отвыкнуть, от топора можно. Научившись стрелять, человек не утратит этого умения никогда. С топором не так: чтобы хорошо владеть топором, необходимо пользоваться им более или менее постоянно, как необходима постоянная тренировка для музыканта. Работа с топором требует, кроме навыка, физической выносливости, мускульной подготовки. Стрельба из ружья, напротив, не требует никакой мускульной силы.

Мускулы у Бориса Зиновьевича давно и уже основательно ослабели: какая тут сила, если с утра до вечера, изо дня в день, из года в год сидит он в кабинете. Единственная производственная зарядка для рук — когда набирает телефонные номера, он это делает по правой, то левой рукой. Да иногда еще кулаком по столу постучит, но часто делать это не полагается. Да еще помашет иногда руками час-два на каком-нибудь совещании. Но совещания бывают не каждый день. И махать руками во время доклада — не топором махать.

Не долго помахал Борис Зиновьевич топором, а вспотел так, что пришлось снять тужурку. Стыдно взрослому мужчине, да еще выросшему в деревне, рубить дерево, как бобыры его подгрызают. Борис Зиновьевич старался подрубать дерево, сосну, как положено — с двух сторон: с той, куда она должна упасть, надруб должен быть глубоким, с захватом сердцевины, а с обратной стороны — вспомогательный, неглубокий и чуть повыше главного надруба. Борис Зиновьевич все это знал, но топор плохо слушался его, плясал по стволу и не рубил, а глодал древесину. Щепка летела мелкая, неровная. Стыдно! Но еще стыднее, что подточенная, обглоданная со всех сторон сосна вдруг повалилась совсем не туда, куда нужно было, а в противоположную сторону, Борис Зиновьевич подставил

плечо и попытался изменить направление ее падения. Он даже не подумал об опасности. Но все усилия были напрасны. Шум хвои, как шум ветра, треск сучьев, и мягкий удар о землю и воздушные волны, и мягкий отзвук в глубине леса.

Что тут говорить? Борис Зиновьевич на этот раз сел. Сел на сосну, которую только что свалил. Он бы даже лег и, может быть, заснул бы прямо на моховой прошлогодней подстилке. Но он не мог не помнить о работе. Он опаздывал. А его служебное положение еще не таково, когда можно бывает задерживаться либо вовсе не являться в кабинет — и никто тебе не укажет.

Опершись руками о смолистый ствол сосны, Борис Зиновьевич согнулся так, словно его душил кашель. Так обычно сидят задыхающиеся астматиками.

Он не надеялся отдохнуть, но необходимо было хотя бы успокоиться. Что же делать дальше? Махнуть рукой на глухаря, пускай висит, как чуело на огороде. Нет, ни за что! Тогда надо свалить следующую сосну, но уже валить наверняка, предусмотрев все возможные случайности.

И топор застучал, запрыгал снова. Вторая сосенка, при помощи которой Борис Зиновьевич рассчитал смахнуть глухаря на землю, была не толще первой и такая же высокая. Пожалуй, скорее чем за полчаса и с ней не управиться. Но другого выхода нет. Вот если бы под рукой оказались «когти», с которыми электромонтеры лазят по телеграфным столбам, — это был бы выход. Но «когтей» нет.

Борис Зиновьевич рубил и о чем-то думал. О чем? — он сам не смог бы сказать. Обрывки мыслей не фиксировались памятью. Они пролетали нервно, лихорадочно, под стук топора.

«Когтей», конечно, нет. А откуда они могли взяться здесь? Порой хорошо, когда нет когтей. Нет, лучше, если когти есть, но показывать их следует не всегда. Когти надо выпускать только в крайних случаях. А если уж показал, выпустил, то действуй. Когти или зубы? Говорят: показал зубы — кусай. С тобой говорить — надо зубы наострить... С этой стороны надо рубить еще больше, сосна сюда должна накрестить и упасть. Надруб словно пасть. Топор кусает тело сосны. Скорее — рвет. Он уже высветлился. Поточить бы надо. Не кусай, если не проглотить».

Опять где-то выстрел. «Но это слишком далеко. Не может быть, чтобы это стрелял он. А если он? Вот, черт: вероятно, и сам не рассчитывал, что ему так повезет. Все-таки лучше, когда ничего не загадываешь наперед, а просто действуйшь. Значит — без плана? Жизнь вслепую, на авось? Фу, дьявольщина, да разве я об этом. Я вот что имею в виду: слава приходит к нам между делом, если дело достойно ее. Это я где-то слышал или читал. Четкая мысль, голая логика, никакой поэзии».

А топор стучит, стучит, стучит! «Надо

повыше поднимать его, по сильнее опускать, с выдохом: ххы! хха! Опять не попал! Только бы он из рук не выскользнул. Еще хуже, если руки отвалятся вместе с топором. Чепуха какая! Че-пу-ха! Ххы! Хха!»

Борис Зиновьевич вытер лоб, распрямился на мгновение, услышав эхо в лесу — там стучал его же топор, — и снова принялся за работу.

«Кажется, все правильно: сосна упадет как раз на ту, большую, и хлестнет своей вершиной по ее кроне. Правильно, что я стал рубить именно эту сосну. С той стороны, по-моему, еще есть одна подходящая сосенка, которая тоже упала бы как раз на мою, большую. Если те ниже, то и трогать нечего. Не всякое дерево рубить надо. Не подряд. А если уж начал рубить, так руби до конца. И умей ответ держать. Лес рубят — щепки летят. Если бы только щепки. А люди? Какие же это щепки?»

Сосна наконец-то дрогнула. Борис Зиновьевич тоже вздрогнул и, отбросив топор в сторону, изо всех сил навалился на ее ствол, помогая падать куда ей положено. Сосна пошла правильно, в заданном направлении; чуть-чуть разворачиваясь вокруг своей оси, вершина ее описала полукруг и ударилась точно о ствол той большой сосны, но только ниже толстых сучьев, на которых застрял глухарь. Ниже! И глухарь остался на своем месте, как на подмостках, как медвежатник на своем лабазе.

— За что? — взывал Борис Зиновьевич.

К кому он взывал, на кого жаловался?

— За что? Ну, погоди все! — погрозил он.

Кому погрозил?

В дальнейшем он действовал как автомат. Не садился, не отдыхал. Время позднее? А он виноват, что ли? На службе волноваться будут? Пусть поволнуются, подождут! Солнце уже за полдень? Ничего, потерпят.

Борис Зиновьевич подступил к третьей сосне. Не такой он человек, чтобы сдаваться. Ну, просчитался немного, сосенка оказалась ниже, чем он предполагал, так с кем не случаются недоразумения, кто не ошибается. Зато третья сосна почти такого же роста, как та, что с глухарем. И, кажется, даже не тоньше ее. На этот раз ошибки не будет. А физическая нагрузка — она даже полезна. «Засиделись мы все, черт бы нас побрал. Обмен веществ и прочее такое... Многое не в порядке. Застой в крови. Дальше своего носа ничего не видим: И хвастаем, хвастаем! Убил я одного, и то взять не могу. А ведь казалось, что три барана уже на поясе висят. И вот, пожалуйста: задача поставлена, а дела нет. Цель есть, а каковы результаты? Хоть иди в магазин да покупай двух глухарей, чтобы не осрамиться. Обман вывезет. Стыдно ведь — хвастался. Что скажут дома? И товарищи засмеют. Разве что не посмеют...»

Когда третья сосна вот-вот должна

была упасть, пришел дружок. На плече он тащил ношу птиц.

— Ты что, Борис, на лесозаготовку переключился? План выполняешь? — засмеялся он.

Борис Зиновьевич не засмеялся.

— Да вот чертов глухарь! Сейчас свалю, и пойдем.

Охотник опустил ношу и ружье поодаль и осмотрел поле битвы.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Третью сосну подрубаешь?

— Третью.

— А для чего?

— Просчет получился, первая упала не туда, а вторая оказалась коротковатой. Помоги-ка, чтобы сейчас не ошибиться.

— Указания требуются?

— Давай, давай, не до шуток.

— Ценных указаний ждешь?

— Руководящих.

Охотник ходил по полянке, перелезал через поваленные стволы, как через противотанковые заграждения, соображал и с удивлением и какой-то тоской поглядывал на Бориса Зиновьевича.

— Борис! — наконец сказал он. — Посмотри сюда.

— Куда?

— Вот на эту сосну.

— На какую?

— С глухарем.

— Ну?

— Видишь?

— Вижу. Ну?

— А сейчас посмотри на свою, на ту, которую рубишь.

— Ну?

— Что «ну»? Одинаковые?

— Почти одинаковые... По высоте, что ли?

— И по толщине.

— Почти одинаковые. Ну и что?

Охотник помолчал.

— Борис, — тихо заговорил он снова. — Для чего ты рубил три сосны? Давай подрубим эту одну.

Борис Зиновьевич воткнул топор в живое еще тело сосны и сел рядом. Он молчал спокойно и долго.

— Ну и что? — спросил наконец он.

— Теперь понимаешь?

— Давно понимаю.

— Так что же ты?! Ах да, не хочешь признаться? Руководящие товарищи не ошибаются.

Борис Зиновьевич сказал:

— Нет, почему же... признаюсь...

Потом он встал и снова взялся за топор и начал рубить, как рубил. Сосна задрожала.

— Отойди — крикнул Борис Зиновьевич. — Не стой под сосной! Задавит.

— Ты не в себе, что ли?

Охотник торопливо схватил свое ружье, подобрал на земле какую-то палочку вроде стрелки, вставил ее в ствол ружья, прицелился в глухаря и выстрелил. Глухарь медленно сдвинулся с места и тяжело упал к его ногам. Борис Зиновьевич перестал рубить. Надел тужурку. Взял свое ружье. Взял своего глухаря.

И они пошли.

— А все-таки я хорошо поработал! — сказал Борис Зиновьевич. — Что за охота, если не чувствуешь усталости. Это была настоящая охота.

Памяти

зоолога, художника и поэта

Владимира Сергеевича Шишкина (1950 – 2014)

Не прошло еще и 4 лет, как на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» была опубликована статья к 60-летию нашего друга и коллеги, члена редколлегии — Владимира Сергеевича Шишкина. И вот трагическая весть о его смерти. Для всех, кто знал и любил Володю, его уход — вселенская утрата. Он был многогранен в своих талантах.

Еще в школьные годы Володя увлекся орнитологией. Интерес к ней он сохранил на всю жизнь. Его орнитологические публикации конца 1970-х — начала 1990-х гг. запомнились глубиной анализа и вовлечением в него большого объема западной литературы. Интересен цикл по птицам и природе Москвы и Подмосковья, который обобщает наблюдения в Приокско-террасном заповеднике, на Звенигородской биостанции, в различных уголках Москвы.

Работа старшим научным сотрудником одной из лабораторий и одновременно заведующим Научным архивом Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова Российской академии наук располагала к поиску, и он с головой окунался в него, забывая о времени, здоровье, личной жизни. До последних дней, оставаясь одним из ведущих в стране специалистов по истории зоологии, публиковал постоянно результаты фундаментальных архивных изысканий, проливающих новый свет на этапы становления отечественной териологии, ихтиологии и герпетологии. Серия его публикаций в «Зоологическом журнале» в конце 1990-х гг. по сути сформировала систематический взгляд на этапы становления российской зоологии и ее преемственность.

Многие годы он читал лекции по истории зоологии для студентов кафедры зоологии позвоночных животных и кафедры ихтиологии Биологического факультета МГУ. Исследовательский импульс этим работам

был дан академиком В.Е. Соколовым, который подметил в В.С. Шишкине умение видеть не просто историю исследований, а эволюцию взглядов на предмет исследований и их преемственность, извлекать из вороха исторических дискуссий и анекдотов суть научной мысли, открытия, зарождения теории. Так, например, Владимир Сергеевич проследил динамику первоописаний видов млекопитающих, птиц, амфибий и рептилий, и рыб, обитающих в России, за последние 250 лет, доказав в некоторых случаях приоритет отечественных ученых в изучении фауны страны. Результаты его изысканий в старых публикациях, архивах, музейных хранилищах преобра-

зовались в серию интересных публикаций и докладов на конференциях, легли в основу совместной с академиком В.Е. Соколовым монографии «Развитие отечественной териологии в XIX веке», опубликованной в 2005 г. Совместно с академиками Д.С. Павловым и Ю.И. Черновым он опубликовал фундаментальные очерки «Зоология» и «Ихтиология» в новой Большой Российской энциклопедии, а также, уже индивидуально, другие разделы этого издания.

В.С. Шишкин — автор более 300 научных публикаций. Но не только книгами, статьями и очерками ограничивается его научное наследие. Он много делал для увековечивания памяти об ученых-биологах, помогал вспоминать забытые имена в науке, активно участвовал в организации Соколовских чтений. Достаточно посмотреть планы последних академических юбилейных мероприятий, например, посвященных 200-летию Ч. Дарвина, юбилеям Л.С. Берга, П.С. Палласа, С.П. Крашенинникова — по многим из них инициатором, организатором и ответственным исполнителем выступал Владимир Сергеевич Шишкин. Его перу принадлежат научно-популярные публикации, он внес существенный вклад в систематизацию зоологических коллекций некоторых ученых и путешественников. Одна из последних его работ была посвящена П.С. Палласу и вопросам сохранения зоологических коллекций XVIII в.

Нельзя не отметить еще одной ипостаси В.С. Шишкина — увлечение живописью, анималистикой. Художник-любитель, получивший художественное образование в одном из клубов на западе Москвы, он публиковал свои рисунки в десятках изданий, был постоянным участником выставок художников-любителей, в том числе в Доме ученых, вел спецкурс «Изображение животных» в Московском государственном педагогическом университете. Его статьи о художниках-анималистах и о художниках, которые обращались к сюжетам русской охоты, проникнуты знанием предмета, профессионализмом с художественной и научной стороны. У друзей и коллег сохраняются его картины, чаще — акварели, но есть и работы маслом, и в другой технике, в том числе рисунков карандашом и пером. Работая на Звенигородской биостанции МГУ, он сблизился с зоологом, известным художником-анималистом В.М. Смириным. Впоследствии именно В.С. Шишкин после трагической смерти художника написал некролог и участвовал в вечерах его памяти.

Многие годы Владимир Сергеевич Шишкин был тесно связан с журналом «Охота и охотничье хозяйство», был членом редколлегии, постоянным его автором и иллюстратором. Здесь же в 2005 г. был опубликован и цикл его стихов «Охота, как желание любви ...» с рисунками автора. Конечно, собирая его наследие, важно обратить внимание не только на научные публикации, но и на незавершенную работу по Атласу птиц России и ближайшего зарубежья (многие страницы опубликованы в журнале «Охота и охотничье хозяйство»), на ряд уникальных персоналий, опубликованных в разных изданиях и посвященных ученым, путешественникам и художникам, а также на стихи, знакомые, увы, сравнительно узкому кругу друзей и коллег. И, конечно же, с юношеских лет он не расставался с охотничьим ружьем, охотился в разных регионах России и республик Средней Азии, очень любил в весеннюю и осеннюю пору побродить с ружьем в подмосковном лесу. А в последние годы, под влиянием друзей-рыболовов, он пристрастился и к любительской рыбалке.

Мало кто знает, даже среди коллег, что Володя обладал уникальной памятью, мог наизусть воспроизводить целые страницы сугубо научных, научно-популярных и художественных текстов, знал и активно пользовался библиографией из смежных дисциплин. Память и постоянная работа с коллекциями помогли ему стать одним из самых эрудированных орни-

тологов именно в части систематики птиц и орнитофауны, особенно зарубежной. И еще он был обладателем чудесного голоса — исполнителем песен и романсов, замечательным рассказчиком, хранящим много историй прошлой и современной жизни родного Института, РАН, МГУ, Зоологического музея. Жаль, что не осталось записей устных рассказов нашего друга и коллеги.

В последние годы он с переменным успехом боролся с болезнью, завершал работу над докторской диссертацией, а также готовил к печати Атлас птиц России и ближайшего зарубежья. В Атлас должны были войти рисунки птиц, специально сделанные для журнала «Охота и охотничье хозяйство». Эта работа В.С. Шишкина, которую почти 20 последних лет можно было ежемесячно проследить на страницах журнала, знакомила читателей с разнообразием птиц нашей страны, была делом не только ученого и художника, но и просветителя.

А еще в этот сравнительно короткий период времени от начала болезни (около 3-х лет) он успел опубликовать серию уникальных по содержанию и значимости для отечественной зоологии статей по истории ихтиологии, по первоописанию видов амфибий и рептилий, обитающих на территории России и ближнего зарубежья, а также о художниках-анималистах, художниках-путешественниках и о многом другом. Только в 2012–2013 гг. Владимир участвовал почти в десятке конференций, на которых выступал с блестящими, запоминающимися докладами. Такими, например, были доклады на конференциях в Германии, посвященных Г. Штеллеру (1994 и 1996 гг.), доклад на Чтениях памяти академика В.Е. Соколова (2005 и 2008 гг.), доклад на российско-германской конференции в Институте географии РАН памяти академика Л.С. Берга в 2013 г. «Л.С. Берг как ихтиолог», доклад на юбилейном заседании к 200-летию Ч. Дарвина и 150-летию академика В.И. Вернадского. Кто близко знал Володю, его друзья и коллеги, понимали, как это было трудно и порой невыносимо физически. Он до ночи сидел у себя в архиве, разбирая бумаги, готовя интересные комментарии и справки по истории науки, готовя иллюстрации к очередным публикациям.

Многие друзья и коллеги получили от него поздравление с Новым 2014 годом с авторским рисунком тарпана и соответствующим к Году Лошади четверостишием, так, с середины 1990-х годов из года в год — к новому году и 8 марта более сотни близких людей получали рисунки с рукописным стихотворением-поздравлением в подарок.

Каждому, кого судьба свела в жизни с Володи, есть, что вспомнить и есть за что по-хорошему его помянуть. Именно поэтому в морозный день 20 января 2014 г. в день похорон нашего друга и коллеги собралось так много народу. Пришли сотрудники родного института, Биологического и Географического факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, Зоологического музея МГУ, Палеонтологического института РАН, Дарвиновского музея, Института географии РАН, Педагогического университета, друзья детства и юности из московских биологических кружков — ВООП, МОИП и КЮБЗ, пришли те, кто был неравнодушен к многочисленным талантам Владимира Сергеевича Шишкина — ученого-зоолога, историка науки, художника и поэта, человека, жизненный полет которого прервался очень рано. Он многое из задуманного так и не смог осуществить. Но мы ему благодарны за то, что он был рядом и за то, что все-таки многое успел сделать. А теперь наша задача сохранить это наследие и память о друге и коллеге.

Д. ПАВЛОВ, Ю. ДГБУАДЗЕ,
А. ТИШКОВ, Н. ТИШКОВА,
Редколлегия журнала
«Охота и охотничье хозяйство»

Агама - каменный цветок

Василий КЛИМОВ

...В ясный солнечный день, согнувшись под тяжестью амуниции, "покоярю" каменные отроги хребта Олооло, в южной Кении, в поисках тропической живности. В коридоре зелени, в облаках стрекотания цикад и непрерывного щебетания сотен ткачиков, медленно продвигаюсь по теплой каменной дорожке. Послышался шорох и я замираю. Из кустов выползает огромный...ящер, а точнее — минидинозавр (!) и готовится перейти тропинку. Это совершенно необыкновенная ящерица, вся в ярко-зеленой колючей чешуе, как Змей Горыныч, с широкой и плоской головой, тонкой шеей, выпуклыми как у крокодила глазами и дырками на месте ушей. Это — агама. Начинаю охоту за ней. Подступаю со стороны света, сбоку, но не успеваю навести объектив (охочусь я без винтовки), как ее здесь уже нет. Смешно перебирая лапками, она мгновенно переместилась на метр в сторону, да еще под куст, где нет света. Опять захожу сбоку, выгоняю ее оттуда, опять навожу и опять она исчезает. Через полчаса мы с ней уже друзья. Она уже не так рьяно убегает от меня, а я не особо и догоняю — я уже ползаю за ней на коленках (вот где показали себя армейские штаны). Расставшись наконец-то с "новым другом" через два шага наткаюсь на нового. Эта еще лучше предыдущей. Она больше и вся передняя часть тела у нее окрашена в бордовый цвет, а передние лапки и вся задняя часть тела у нее ярко-синие. Красота!

Оказывается, если не нависать над ней сверху, как хищная птица, а подбираться снизу, на одном с ней уровне, она настроена более миролюбиво. И если больше времени ей уделить, тем ближе она подпустит и тем лучшие кадры можно сделать.

Интересно, что наблюдатель сам становится объектом любопытства и наблюдения агамы. Она подолгу рассматривает меня одним, затем другим блестящим глазом, обходит, снова рассматривает, как бы прицениваясь к товару. Каким же "марсианином" отражаюсь я в ее сознании? Запечатлев, наконец-то, портрет этого сфинкса, оставляю его в покое греться на теплой дорожке.

Замечаю, что тропинка, по которой я двигаюсь, огибает поверху обрыв, а ниже, на скальных россыпях, поблескивают на солнце мириады маленьких разноцветных ящеров. Бог мой, да здесь агамье царство, мир динозавров! Везде, куда доставал взгляд, в хаотическом беспорядке лежали каменные глыбы, через которые пробивалась кое-где зелень, а на них, в самых живописных позах, возлежали десятки агам. Все они как латами были покрыты чешуей бордового, синего, зеленого, желтого, оранжевого цветов. Это была колония агам колонистов, как называют их зоологи (Агата агата).

От других представителей своего

рода она отличается однородной, ребристой, с приостренными шипиками чешуей туловища, длинным хвостом и большим ушным отверстием, в глубине которого расположена барабанная перепонка. Общая длина взрослых агам около 20—25 см, причем самцы длиннее самок. Молодые агамы сверху светло-серого цвета с проходящим вдоль хребта рядом светло-серых, белых или бурых овальных пятен и двумя рядами таких же вытянутых в длину пятен по бокам туловища. С возрастом расцветка меняется, и взрослые ящерицы становятся желтовато-серого цвета, причем у самцов темные пятна часто почти полностью исчезают. В брачные сезоны, а также под влиянием какого-либо нервного возбуждения скромная расцветка половозрелых агам уступает место чрезвычайно яркой окраске. У самцов горло и вся нижняя поверхность туловища и конечностей становятся темно-синими, на спине появляются оранжевые, красные, бордовые или кобальтовые синие пятна, а хвост приобретает яркую оранжево-желтую, синюю или бордовую окраску. Самки окрашены скромнее — обычно грязно-бурые с белой полоской вдоль спины.

Агама колонистов населяет песчаные, глинистые и каменные пустыни и полупустыни, предпочитая при этом присутствие зарослей кустарников или деревьев. Убежищами им служат норы грызунов, пространства под камнями и трещины в грунте. Реже они вырывают собственные норы, у основания камней или между корнями. Питаются всевозможными насекомыми, пауками и мокрицами, а также цветками растений. Из насекомых эти ящерицы предпочитают муравьев, термитов, пауков, которых они ловко захватывают при помощи клейкого языка. Бегают агамы очень быстро, держа тело приподнятым на вытянутых ногах и не касаясь хвостом земли. Чрезвычайно ловко взбираются по стволам и веткам деревьев и кустарников, перепрыгивая иногда с ветки на ветку на расстояние до полуметра. Каждая взрослая ящерица обладает сравнительно небольшим участком обитания, за пределы которого выходит очень редко. В период размножения половозрелые самцы поднимаются на вершины валунов, верхние ветки кустов, с которых хорошо просматривается местность. При появлении соперника хозяин стремительно скатывается ему навстречу и обращает прищельца в бегство! На участке самца живет одна, реже две самки. Самка выкапывает в песке конусовидную ямку глубиной в 3—5 см и откладывает в нее 5—10 яиц. Через 50—60 суток из яиц вылупляются молодые ящерицы длиной 30—35 мм.

Между тем жизнь в колонии шла своим чередом. Часть агам вылезла на свет из своих ночных убежищ, види-

мо, недавно, потому что лежали они поодиночке и парами совершенно неподвижно. Дело в том, что ночью, в скальных щелях, где они прячутся, довольно холодно, кровь их не греет, и рептилии находятся в состоянии оцепенения. Выбравшись же утром на теплые камни, они "подзаряжаются" солнечной энергией как аккумулятор. После этого, когда камни подобно сковородкам, раскаляются в норме и агамы. Запасаясь энергией, они способны удерживать тепло своего тела на 15—20° выше, чем температура окружающего их воздуха.

Некоторые пары нежно обнимали лапками друг друга за бронированные шеи, другие лежали так, что касались друг друга мордочками, третьи потирались друг о друга ребристыми головками. Было видно, что они совершенно неравнодушны друг к другу и, несмотря на свой "колючий" вид, внутренне очень нежны и внимательны. Те же рептилии, что не были обременены супружескими узами, активно выясняли отношения между собой. Они насканивали друг на друга и пытались укусить.

Как я разглядел, вся территория россыпи была поделена ими на десятки маленьких участков, каждый из которых ретиво охранял свой маленький «сфинкс». Судя по их действиям, большинство из них было недовольно жизнью и той "раздачей", что определил им Господь Бог. Все они желали большего и всеми правдами и неправдами отстаивали свои права. Несколько неподвижных сфинксов, подобно сторожевым псам, сидят на задних лапках и зорко смотрят, где и что можно урвать, другие счищают с себя линяющую шкуру, которая слезает подобно целлофановой пленке. При этом они еще успевали охотиться на насекомых, отбивать нападения соседей, ухаживать за самочками, следить за возможными врагами и т.д. На спинках некоторых рептилий, среди чешуи, были видны серые или зеленые "капельки". Это были присосавшиеся паразиты, от которых даже «бронированные латы» не помогают.

Здесь же, между агамы, жили еще горные дамы. Это такие пушистые зверьки, похожие на сурков, но на самом деле это не грызуны, а родичи слонов и носорогов (в журнале о них писали). У них тоже жизнь "била ключом", они общались друг с другом, питались, воспитывали деток, но никаких конфликтов между рептилиями и дамами я не заметил, хотя ящерицы буквально сновали у дамано́в между ног. Видимо, этот союз устоялся на протяжении тысячелетий и привел к взаимной терпимости.

Провожали меня двое неподвижных сфинксов, застывшие на полуистлевшем черепе кафрского буйвола. Они задумчиво любовались закатом и со стороны казались воплощением благонаравия и умиротворения.

Как мы помогали лебедям

В этом году зима никак не хотела уступать свои права весне. От своего товарища я узнал о паре лебедей, которые плавали в небольшой промоине. Прилететь-то они прилетели, но у нас еще полным ходом шла зима. Водоемы находились под слоем льда. Вооружившись зерноотходами и хлебом, я пошел в указанное место. Пара лебедей действительно плавала в небольшой промоине. Высыпал зерноотходы поближе к урезу воды, сделал несколько снимков, и ушел, чтоб не нервировать лебедей. Так продолжалось четыре дня. На пятый пошел снег, понизилась температура, но лебеди свою полынью не покидали, корм поедали, остатки корма доклевывали другие птицы.

Люди у нас лебедей любят, поэтому за их безопасность мы не беспокоились. Единственно волновало понижение температуры. Полынья с каждым днем сужалась, а лисице это на руку. Кормить лебедей я ходил то с сыном Сашей, то с охотником района Д.Д. Озеровым. Глядя на нас и другие люди начали носить подкормку. На десятые сутки стало теплеть, полынья начала увеличиваться. Лебеди чувствовали себя хорошо. Хотя подвига мы не совершили, но птицам немножечко помогли...

Вот и наши лебеди, которых я подкармливал. Плавают себе на почищенном пруду. Вырастили одного детеныша, охотно лакомятся хлебом, который приносят прохожие. Позируют перед фотокамерами, радуют своей красотой взрослых людей, а особенно детвору.

Н. КОЧЕРГИН

Гремучий ключ

В ранней весной, как только стали проезжими грунтовые дороги, я отправился проведать свою малую Родину, а заодно заехал на родник. С собою взял ножовку, топор и лопату, чтобы почистить родник и навести около него порядок. На подходе к роднику, увидел, что порядок уже наведен, а когда подошел поближе, то сообразил, что помогли навести его бобры.

Бобры сделали переправу на другой берег речушки, они так старались, что всю поваленную ракиту ошкурили — какая ни есть, а красота. Так что чувство эстетического вкуса есть и у бобров. Затем я перешел по сваленному дереву на другой берег, чтобы посмотреть на бобровую плотину, находившуюся неподалеку. После весеннего половодья плотина находилась в отличном состоянии.

В давние времена грохот родника был далеко слышан. Поэтому родник местные жители называли Гремучий ключ, а деревню, находившуюся поблизости — Гремячка. До революции эти места принадлежали Николаю Сергеевичу Тургеневу — брату знаме-

нитого писателя Ивана Сергеевича Тургенева. По рассказам старшего поколения, Иван Сергеевич часто бывал здесь, прогуливался с ружьишком. Может быть, вдохнув здешнего воздуха и попив водички из родника, в книге «Записки охотника» появился рассказ «Гамлет Щигровского уезда».

Теперь от деревни остались одни воспоминания, да и сила родника

уже не та, но все равно из недр земли вытекает прохладная водица, бежит ручейком, издавая незабываемое журчание, приятное уху и глазу.

А если кому доведется побывать в наших краях, то обязательно отведайте водицы из родника.

Николай Иванович КОЧЕРГИН
Курская область, Щигровский район,
д. Сергеевка

— Так нас поздравили с Новым годом! —

По традиции народной,
всероссийско-новогодней,
Уползает прочь Змея!

Мы встречаем Год Коня!

В череде всех прочих знаков

Конь — он лучше всех, однако!

Что нам Змеи и Драконы?

С ними мало мы знакомы!

Петухи, Быки и Зайцы —

То любимцы, то мерзавцы.

Жить без Крыс ваче легко

Тигры где-то далеко

Обезьяна нам родня,

Любим все мы лишь Коня!

Предки, вспомните в начале,

Для чего коней держали?

Чтоб, держась за ручки плуга,

Пашнею ходить упруго

Или попросту пахать,

Потом землю поливать,

Хлеб на мельницу возить

И все грузы, чтобы жить:

Лес на дом, дрова и воду,

Почту, пушку, воеводу.

Чтобы сбрую украшать,

В гривы ленты заплетать

И — невесту от усадьбы

В церковь с гиканьем в день
свадьбы!

Сына чтоб верхом садать

И в ночное отпускать.

Чтобы вместе с атаманом

С шашкой, пикой и арканом

Дикой степью бесконечной,

Что под небом синим, вечным,

Вдаль идти туда, где не был

За казакским сладким хлебом!

Там, где нравится — селиться,

Раздвигать страны границы.

Чтоб на поле русской славы

Часа ждать в тени дубравы,

Руку гневом тяжелить

И Боброка торопить.

А потом по его знаку

Всем полком лететь в атаку!

Грозным строем, стремя в стремя —

Вот наш час! Настало время

В сибибе дух врага сломить

И с отяжкой рубить!

Всё моторы заменили...

Но Коня мы не забыли —

Он — не только ностальгия

Или иппотерапия.

Нам с историей такой

Конь — он больше, чем родной!

Мы в него, как в Бога, верим!

(Если он не сивый мерин!)

Конь был символом всегда

Воли, радости, труда,

Силы, век неистощимой

И любви со страшной силой!

(Вспомните, в конце концов,

Про кобыл и жеребцов!).

Год нормальный ждёт нас, люди!

Мы пахать, конечно, будем,

Но ещё пастись, скакать

И любить, и вволю ржать!

Про обычай вспомнить надо:

Смертным боем конокрада

Бьют деревней иль селом.

Погонять коня овсом

Нам велит обычай тоже.

Жаль, овёс тот всё дороже!

Расшифровывать не надо —

Значит, вырастет зарплата,

Цены тоже, как всегда,

А преступная среда

Жёстко по соплям получит

И, возможно, станет лучше!

Все мы лошади немножко,

Значит, будем с этим жить.

Седоков менять нам можно —

Нас же некем заменить!

Ну, а если год последний?

Это жизнь, а жить ведь вредно...

От чего — а нам едино!

Можно и от никотина,

Но нас каплей не свалить!

Так что, братцы, будем жить!

Я не помню, чтобы кто-то

Вдруг загнулся от работы.

(Хоть случилось всё и много —

Ходим все, увы, под Богом!)

Помни КЗОТ, блюда ТБ —

Будет долгий век тебе!

Пусть же ночью новогодней

(Можно раньше, хоть сегодня —

Мы же к Празднику готовы!)

Нам бокалы, как подковы

Вновь на счастье прозвенят!

За коней, за жеребят!

За удачу! За овёс!

За Кобылью Мать — всерьёз.

И — за дальние походы!

За любимую работу!

Предложить ещё могу

Тост за волю, за тайгу!

В Новый Год пусть хватит силы

Пить до дна, плясать до мыла

И ещё на шёпот сладкий:

-Я люблю свою лошадку!

Пусть же будет жизнь полна!

А за это — все до дна!

Быстро праздники пройдут

Лошади с утра не пьют.

Виктор СТЕПАНЕНКО

Байкало-Ленский заповедник

Мчится лошадь удалая

Новый год с собой веза...

Что коллегам мы желаем?

Тут смолчать никак нельзя —

Мы работаем совместно

С вами очень много лет,

И вручить вам всем уместно

С пожеланьями сонет:

Чтобы была зарплата — вау!

Чтобы было все — ого!..

Всех, коллеги, поздравляем...

С Новым годом! И-го-го!

Тымовское лесничество

АРАМИЛЕВА Т., БЛЮМ А. Интервью с Председателем Ассоциации Росохотрыболовсоюз	1
АСТАФЬЕВ Н. Юридическая консультация	4
ТИШКЕВИЧ С. Хрупкий мир глухариного тока	6
ДАНИЛКИН А. Не наломать бы дров	8
МАЛЕЕВ В. Черный. История сибирской лайки	12
ВЕХОВ Н. Путешествие в Черноморский заповедник	20
СИПЕЙКИН В. Пути охотничьего собаководства	
БЛЮМ А. Бенелли	24
ГУРОВ В. С полуавтоматом «RAFFAELLO LUXE» на охоте и стенде	25
БЛЮМ А. Капканы медвежьи	28
ЧЕРНЫШЕВ В. О природе и охоте. Из записных книжек	30
На солнце	35
ЯШИН А. Стихи. Охота на мертвого глухаря	36
Памяти зоолога, художника и поэта В. С. Шишкина	42
КЛИМОВ В. Агама — каменный цветок	44
Письма читателей	29, 46
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	48

На первой странице обложки:
Кряковые селезни в брачном наряде

На второй странице обложки:
Высадка подсадной
Подманила!

На четвертой странице обложки:
Мало убить, надо еще и достать
Фото А. Дигилевича

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:
М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин,
И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова,
В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева,
А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Оператор компьютера Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 06.02. 2014 г. Подписано к печати 06.03.2014 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 696.

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru
Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76,
8(496)726-54-10.

В случае обнаружения полиграфического брака
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Подводка — продвижение легавой со стойки к причуженной птице для подъема ее на крыло (Н. Ф. Реймерс, «Словарь охотника»); **подводка тугая**, недостаточно энергичное продвижение легавой, посланной охотником со стойки для подъема птицы на крыло (Н. Ф. Реймерс, «Словарь охотника»); (Иногда до подъема дичи на крыло для обеспечения гарантированного выстрела **ведущему** необходимо подойти ближе к затаившейся птице. В этом случае собака «подводит» со скоростью хода **ведущего** либо дожидается его на приостановках, с которых продвигается дальше без команды. Приблизившись к птице насколько возможно, чтобы не спугнуть ее, легавая **становится на стойку** (С. Королев, «Терминология в правилах испытания легавой».)

Поджигать — (разгов.) подзадоривать гончих. (Но и поджигать гончих только можно, а не должно, ибо хороших ружейных гончих достаточно **насадить** и они **погонят** безо всякого поджигания так **варко**, что лучше и не требуется (Н. П. Кишенский, «Ружейная охота с гончими».)

Подзыв — условный сигнал, подаваемый ловчей птицей. (Чтобы «наманить» птицу, **вабило** подбрасывается вверх — против ветра, а птицу кличут «**позывом**», после чего ловчая птица, привыкшая получать с **вабила** поклевку, бросается на него (Г. П. Дементьев, «Охота с ловчими птицами».)

Подлеток — молодой тетерев, уже начинающий нормально летать (в возрасте, когда самчики **мешаются**). (Чем меньше тетеревок, тем он пищит нежнее, чаще (иногда раз 6 подряд) и продолжительнее, а в свисте пегого петушка уже слышно грубое дребезжанье, почему **вабят подлетков** в два тона (Л. П. Сабанеев, «Охотничьи птицы»)); в общеязыковом значении слово является метафорой (для обозначения подростка (**подлеток** — то же, что подросток (Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой).)

Подлин — линияющая птица. (Но зато в это же время ловят множество утят и утиную **подлин** приученными к тому собаками; даже загоняют их в обыкновенные рыболовные сети (С. Т. Аксаков, «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».)

Подльезавость (о собаке) — строение задних конечностей собаки, при котором плюсны поставлены наклонно внутрь, под себя, т.е. сдвинуты в сторону передних ног.

Подняла голову — (о лайке) научилась искать пушного зверя в верхних ярусах леса, обрела так называемую верхнюю слежку (А. В. Кузнецов, С. Т. Кирюхин, «Словарь охотника».)

Поднять — 1) заставить зверя уйти с **лежки**, спугнуть (Сообразуясь с этим направлением (в котором движется **порскающий** охотник — Е. Ц.), продвигается, широко расправившись, и вся стая, пока какая-нибудь из гончих **поднимет** и **погонит** зверя; на голос **поднявшей** живо **сваливается** вся стая, а охотник умолкает; стая работает уже одна, пока зверь будет убит, **сгонен** или уйдет прямоком за несколько верст (Н. П. Кишенский, «Ружейная охота с гончими».); **подъем** (**Подъем** русака с **лежки** тоже в большей степени зависит от погодных условий дня (Т. П. Томилова, «Зайцы и охота на них».); 2) (о птице) заставить взлететь; **поднять на крыло**; 3) насторожить плашку, кулему (Н. Ф. Реймерс, «Словарь охотника».)

Подозреть — 1) увидеть (**Псовые охотники** употребляют, кроме роговых сигналов, еще так называемые пантомимные, т.е. условные знаки, для обозначения **подозренного** или **перевиденного** зверя (Л. П. Сабанеев, «Охотничий календарь».); 2) приметить заранее (**Подозренный** русак (Е. Э. Дряинский, «Записки мелкотравчатого».)

Продолжение следует

Так нас поздравлял В.С.Шишкин с праздником 8 марта

